

М. Г. Ф О М И Ч Е В

ПУТЬ
НАЧИНАЛСЯ
С УРАЛА

Михаил Георгиевич
ФОМИЧЕВ

ДВАЖДЫ ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ ТАНКОВЫХ ВОЙСК
М. Г. Ф О М И Ч Е В

ПУТЬ НАЧИНАЛСЯ С УРАЛА

Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА — 1976

Фомичев М. Г.

Ф76 **Путь начинался с Урала. М., Воениздат, 1976.**
224 с. с илл. (Военные мемуары).

В годы Великой Отечественной войны трудящиеся Свердловской, Челябинской и Пермской областей создали, вооружили и укомплектовали Уральский добровольческий танковый корпус, который затем был преобразован в 10-й гвардейский. Автор книги командовал 63-й гвардейской Челябинской танковой бригадой этого корпуса. Она сражалась в Курской битве, участвовала в освобождении Украины и Польши, в штурме Берлина и одна из первых ворвалась в Прагу.

О боевых делах бригады, героизме ее воинов и рассказывает дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант танковых войск в отставке Михаил Георгиевич Фомичев. Его воспоминания, написанные в стиле репортажа, впервые были опубликованы Южно-Уральским издательством в 1969 году под названием «Огненные версты». Данное издание переработано и дополнено автором.

Книга рассчитана на массового читателя,

Ф 11202-103 64-76
068(02)-76

9(c)27

© Воениздат, 1976

УРАЛЬЦЫ ВСТУПАЮТ В БОЙ

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

На городском транспорте добрался до окраины Москвы, вышел на дорогу. Подняв руку. У обочины водитель резко притормозил машину, высунулся из кабины:

— Слушаю вас.

— Мне до Кубинки, подвези-ка, товарищ.

Шофер не торопится с ответом, окидывая меня взглядом, как бы оценивая, достоин ли я этой чести или нет, потом услужливо говорит:

— По пути нам, садитесь.

ГАЗ-АА трогается с места. По дороге стремительно мчатся машины, грохочут танки, с оглушительным треском проносится подразделение мотоциклистов. Ближе к обочине тянутся, скрипя колесами, обозы. Неожиданно на пути вырастает регулировщик, показывает объезд вправо. Нашу полуторку лихорадочно трясет на ухабах. По глубокой колее движемся с черепашьей скоростью. Водитель мне кивает: «Доберемся, не в таких переделках доводилось быть».

Видно, бывалый фронтовик, много суток не выходил из машины. На нем замасленный комбинезон, руки в кровавых волдырях, под глазами отеки, лицо заросло густой щетиной.

Разговорились. Спрашиваю:

— Давно на фронте?

Водитель не спешит с ответом, думает о чем-то своем. Спустя некоторое время отвечает:

— Почти с первого дня войны. Подвожу на передовую боеприпасы, продовольствие, медикаменты. И все на ней. Правда, оба были в капремонте. Я — в госпитале, она — в ПАРМ¹. — Боец вытер вспотевшее лицо и умолк.

¹ ПАРМ — походная армейская ремонтная мастерская.

В кабине душно: июльский день выдался на редкость жарким. Я вплотную придвигаюсь к дверце кабины, глотаю свежий воздух. По сторонам дороги встречаются огневые позиции зенитчиков. Над орудиями с поднятыми вверх стволами натянуты маскировочные сети. Рядом — красноармейцы, готовые в любую секунду занять свои места у боевых систем.

Выезжаем на Минское шоссе. Шофер увеличивает скорость. Он ухитряется обогнать несколько легковых машин.

Мне тоже хочется скорее попасть в войска. Шесть месяцев прошло с тех пор, как я был отозван с фронта в одно из управлений Генерального штаба. Душа рвалась снова на фронт. Писал несколько рапортов. И каждый раз — отказ. А вчера начальник вызвал к себе, слегка пожурил. Потом он вдруг задумался, побарабанил по столу пальцами. Я стоял, ожидая решения.

— В районе Кубинки сосредоточился Уральский добровольческий танковый корпус, который скоро выедет на фронт. — У меня екнуло сердце: ну, думаю, на фронт отпускают. Но генерал, сделав паузу, сказал: — Завтра поедете в корпус, прочтете для офицеров лекцию о танковых войсках гитлеровской армии. А рапорты свои забудьте.

...Откидываюсь на спинку сиденья. Думаю о Родине, о положении на фронте. Прошло два года тяжелой и изнурительной войны. В 1941 году у стен Москвы фашисты получили по заслугам. Их блицкриг потерпел окончательный провал. Развеена и легенда о «непобедимости» армии третьего рейха. А год спустя гитлеровцы потерпели крупнейшее поражение под Сталинградом. Но враг не унимался. В районе Курской дуги он сосредоточил мощные группировки войск. Тревожные, напряженные июльские дни. Как-то развернутся события...

Шофер притормозил машину:

— Вам выходить, товарищ подполковник.

Иду напрямик по мелкому ельнику. Под ногами шелестит сухая трава, стрекочет кузнечик. Небо чистое, безоблачное. Даже не верится, что недалеко идут тяжелые, жаркие бои.

Взбегаю на бугорок. Легкий ветерок колышет жухлую траву. Бойцы тащат станковый пулемет «максим», за ними вплотную, налегая на колеса, артиллеристы пере-

катывают 45-миллиметровое орудие. Догадываюсь: идет учебное занятие. Подзываю стоящего не遠далеке лейтенанта. Придерживая полевую сумку, он бегом направляется ко мне. Спрашиваю, как попасть в штаб добровольческого корпуса.

Офицер переминается с ноги на ногу:

— Кто вы будете?

Достаю удостоверение. Лейтенант объясняет:

— Видите в трехстах шагах отсюда палатки? За ними деревянный домик. В нем — штаб.

Минут через пять-шесть оказался у деревянного домика среди вековых сосен. Дежурный офицер спрашивает:

— Вам к кому?

Объясняю.

— Одну минуточку, — произнес майор. — Сейчас выясним.

Вскоре он снова появился в дверях:

— Вас просит заместитель командира.

Вхожу в кабинет. Полковник устало поднялся из-за стола, протянул руку.

— Вовремя прибыли.

Направляемся в клуб. На свежееобтесанных скамейках сидят офицеры, дымя самокрутками. Записей у меня никаких не было, и я без лишних слов начал говорить о танковых войсках противника, о средствах и способах борьбы с ними. Беседа затянулась. Вопросов было много. Кто-то спросил:

— Когда ожидается открытие второго фронта?

Что ответить? И я, и многие другие верили в заверение премьер-министра Англии Уинстона Черчилля, что вот-вот союзники нам помогут. Я ответил просто:

— Поживем — увидим!

— Сами управимся, — заметил лейтенант, сидевший в первом ряду.

— Совершенно верно, — поддержал я. — Фашистов бить можно.

— Так вы и расскажите, товарищ подполковник, как их били, — глядя на мой орден Красной Звезды, сказал он. — Интересно ведь, в боях мы не все бывали.

Я смотрю на рослого, сухощавого лейтенанта. В глазах — не обыкновенное любопытство. Офицер поднялся, поправил ремень и смущенно произнес:

— Из училища мы, большинство, поэтому и допытываемся. Акиншин моя фамилия, командир танка.

О себе говорить не так-то легко. Десятки глаз смотрят на тебя. В памяти всплыли первые дни войны. 85-й танковый полк, в котором я служил помощником начальника штаба, боевое крещение принял в районе города Дубно Ровенской области. Противник имел численное превосходство в силах. Нас непрерывно бомбила его авиация, атаковали танки. Командир 43-й танковой дивизии приказал нашему полку во что бы то ни стало сдерживать фашистов хотя бы на два-три часа. И мы двинулись вперед, навстречу врагу.

А по пыльной дороге бесконечной лентой тянулись на восток груженные обозы, беженцы. Ходуном ходила земля: с малых высот гитлеровские летчики сбрасывали одну за другой бомбы.

— Ридни мои, сынки, спасите! — умоляла старушка, прижимавшая к груди ребенка. — Внучек мой...

Танки одного из батальонов рассредоточились на опушке леса. Подхожу к экипажу старшины Григория Можейко. Красноармейцы роют окопы. На вылинявших гимнастерках выступил пот. Люди трудятся молча.

— Видели, товарищи, что творится на шоссе? Так знайте: они на нас надеются.

После бомбежки медленно оседает пыль. Я иду по опушке рощи, подбадриваю людей.

— Товарищ старший лейтенант, танки!

Танки противника двигались в колонне. У перекидного моста через небольшую речушку остановились. Насчитываю пока восемь танков. Из люка головной машины вылез офицер, небрежно вскинул бинокль. Взмахнул рукой: впереди, мол, путь свободен.

Лязгая гусеницами, фашистские танки медленно вползали на мост. Комбат Г. М. Перовский меня торопит:

— Начнем!

— Минуточку, пусть продвинутся еще. Бить будем по первому и последнему. Создадим пробку, а потом...

Спустя минуту-другую резко ударили наши орудия. Побольше бы огонька, помощней бы пушки. Но вот запылал головной танк, за ним — замыкающий... Гитлеровцы всцолошились, открыли по нас огонь. У моста запылало четыре немецких танка, но фашисты продолжали наседавать. В том бою погиб командир танкового батальо-

на Глеб Михайлович Перовский, а мы продолжали удерживать рубеж.

Обо всем этом я и рассказал танкистам-добровольцам.

Офицеры корпуса оживились:

— Так то было в начале войны. А теперь у нас тридцатьчетверки. Не чета Т-26...

Ужинали в солдатской столовой. В алюминиевой миске подали гречневую кашу. Но есть не хотелось. Думал о людях, с которыми только что беседовал. Сумел ли хоть немного передать то, что хотел? Поняли ли добровольцы, что впереди очень тяжелые бои, дальние солдатские пути-дороги?

Меня кто-то толкнул в бок:

— Есть надо, товарищ подполковник.

— Хохлов, Виктор Иванович! — Вскрываю со скамейки. Не верится, что рядом стоит мой фронтовой товарищ, бывший заместитель командира 12-й танковой бригады по тылу. Вместе воевали за Украину, Северский Донец, Сталинград. Неожиданная встреча. Хлопаем друг друга по плечу, крепко жмем руки. Присели, разговорились. Вспомнили дни, совместно проведенные на фронте, друзей. Виктор Иванович говорит:

— После госпиталя пока не у дел. Разыскиваю нашего бывшего командира бригады Василия Михайловича Баданова. Сейчас он назначен командующим 4-й танковой армией. Говорят, он где-то здесь, знакомится с танкистами Уральского добровольческого корпуса, вошедшего в состав армии. Буду проситься к нему, должен же он уважить мою просьбу.

— Так и я с тобой пойду.

В штабе корпуса выяснили, что Баданов еще в обед уехал в Москву. Решили отправиться туда и мы. Подвернулся, кстати, и грузовик. Забираемся в кузов. Пыль толстым слоем покрыла доски, и наше новое обмундирование враз потеряло цвет. Нас бросает из стороны в сторону, ящики, наполненные консервными банками, больно ударяют в бока, придавливают ноги. Но мы не обращаем на это внимания. Нас волнует другое: удастся ли уговорить генерала Баданова, чтобы он за нас похлопотал в Главном управлении кадров?

Впервые с Василием Михайловичем Бадановым мне довелось встретиться в сентябре 1941 года в городе Змиеве, что под Харьковом. Он, в то время полковник, был

назначен командиром 12-й танковой бригады, в которой я исполнял обязанности начальника штаба. В. М. Баданов был собранным, волевым человеком, и его полюбили в бригаде. Он умело руководил подразделениями, рискуя жизнью, смело шел в бой. И хотя бригада с тяжелыми боями по приказу командования отходила на восток, она часто наносила по фашистам ощутимые удары. Противник нес урон и в живой силе, и в технике.

Как-то вечером я приехал на командный пункт бригады. Василий Михайлович говорил по радио, требовал ни в коем случае не оставлять занятый рубеж. Бросив трубку, полковник зло выругался, закурил. Но тут же успокоился и, обращаясь ко мне, сказал:

— Приказал командиру второго батальона хотя бы на время удерживать перекресток дорог. Знаю, что сил для этого почти нет. Танков в батальоне осталось лишь два, да и те потрепаны. А гитлеровцы жмут и жмут. Но удерживать рубеж надо. Зубами вцепись, но держи!

Наша бригада была вооружена танками Т-26. В жарких осенних боях у нас их оставалось совсем немного, по три-четыре танка в батальоне. К тому же по тактико-техническим данным они значительно уступали немецким.

Ночью мы вынуждены были сменить командный пункт. Едем с командиром бригады в одной машине, на которой смонтирована полевая радиостанция. Натыкаемся на колонну танков. Командир выскочил из машины, подзывает к себе старшего. Оказалось, колонна — шесть танков из соседней бригады. Отстали от своих.

— Танкам следовать за моей машиной, — распорядился Василий Михайлович.

На рассвете подразделения бригады заняли оборону на западной окраине деревни Берестовенька. По дороге и прямо по полям шли беженцы, тянулись скрипучие обозы, груженные домашним скарбом, табуны скота. Люди уходили на восток. Видеть этот нескончаемый поток было нестерпимо больно и горько. Жаль детей, женщин, стариков. А чем мы могли им помочь? Словно угадав мои мысли, полковник Баданов сказал:

— Умрем, но рубеж не сдадим.

Наступал тревожный день. Из-за деревьев показалось яркое солнце, на небе ни облачка. К этому времени танки бригады были тщательно замаскированы. Наши танкисты ждали предстоящего боя. А немцы почему-то не

появлялись. Что же замышляют враги? Не думают ли они нам преподнести сюрприз?

Комбриг распорядился выслать разведку, но тут же свое решение отменил. В сторону деревни двигалось несколько немецких бронемашин. Беженцы, бросая свои вещи, рассыпались по кукурузному полю. Подпустив гитлеровцев на близкое расстояние, наши танкисты быстро с ними расправились.

Спустя минут двадцать появилось более десяти фашистских танков и несколько крытых брезентами грузовиков с пехотой. Разгорелся бой. Враг стал теснить наш правый фланг. Комбриг в своей танке поспешил туда.

Появление полковника воодушевило бойцов. Но силы были неравными. К вечеру немцам удалось оттеснить нас на несколько сот метров.

Вдоль небольшой речушки мы стали зарывать в землю уцелевшие танки. Однако инженерные работы до конца не удалось произвести: среди ночи начальник связи капитан К. Г. Ковалев вручил комбригу радиogramму. Бригаде приказывалось перейти на новый рубеж. Мы вынуждены были оставить деревню Берестовенька.

Во многих еще боях мне бок о бок пришлось воевать с Бадановым. Весной 1942 года его перевели с повышением. И вот только теперь предстояло вновь встретиться.

В Москву приехали глухой ночью. Я жил в то время на частной квартире на Смоленской площади. С дороги помылись, выпили по кружке чая и легли спать.

Утром чуть свет мы с майором Хохловым были уже на ногах. Наспех побрились — и в Главное управление бронетанковых войск. Адрес Баданова дали точный: проживает в гостинице Центрального Дома Красной Армии, в комнате 234. Спешим туда.

Взбегаем на второй этаж, стучимся в дверь. Входим в номер. Генерал Баданов сидит на кровати, просматривает свежие утренние газеты. Отложив в сторону газету, генерал приподнялся:

— А, Фомичев, проходи, проходи. Никак и Хохлов? Вот так встреча!

Мы обнялись, расцеловались. Василий Михайлович заметно постарел, но выглядел бодро. Он чисто выбрит, в выутюженном обмундировании. Окинув нас пристальным взглядом, командарм спросил:

— Каким ветром занесло? — А потом, спохватившись, предложил: — Садитесь, товарищи.

Из-под кровати он достал тощий вещмешок. На стол вывалил несколько кусочков сахара, банку консервов, буханку черствого хлеба:

— Угощайтесь. Сейчас чаю принесут. На другое не рассчитывайте.

Мы рассказали генералу, по какому вопросу пришли. Василий Михайлович оживился и, потирая руки, обрадованно сказал:

— На ловца и зверь бежит. Хорошо, ей-ей, хорошо. А я кадры подыскиваю.

— Михаил Георгиевич, пойдете комбригом Челябинской танковой? — И, не дожидаясь моего ответа, спросил Хохлова: — А вы к Фомичеву заместителем по тылу?

Мы ответили утвердительно.

— Ну и отлично. Завтра же будет приказ. Готовьтесь.

Но приказ пришлось ждать несколько дней. Поначалу меня не отпускали. Загоревал я. Девятого или десятого июля меня вызвал мой непосредственный начальник генерал-майор В. Е. Хлопов, а затем пригласили на беседу в ЦК партии. Беседа была короткой. В тот же день выдали предписание: я назначен командиром 244-й Челябинской танковой бригады.

ЧЕЛЯБИНЦЫ

За мной прислали «виллис». За рулем сидел красноармеец. Познакомились: Виктор Дорошевский.

— В бригаде люди что надо! — с гордостью сказал он. — Добровольцы с Урала. Рвутся на фронт.

О чем-то он еще говорил, но я мысленно прощался со столицей. «До свидания, Москва, увидимся ли скоро?»

В эти дни уже шли кровопролитные бои на курской земле. Из сводок Совинформбюро мы знали, что нашей армии приходится нелегко. Враг вновь обрушился со всей силой и пытается взять реванш за Сталинград. Впереди еще бои, бои... И нашему корпусу скоро предстоит сражаться. Где, когда и как это произойдет — сказать пока трудно. Но ведь не случайно корпус перебросили в Кубинку. Отсюда до Орла не так уж далеко...

Занятый этими мыслями, я и не заметил, как мы оказались на окраине города.

— Стой!

Водитель резко затормозил машину и удивленно вскинул брови.

— С ветерком хотел вас, — виновато сказал он.

— Домой мне надо, чуть не забыл.

Водитель круто разворачивает машину — и назад. Указываю ему дорогу. Возле дома почти на ходу выскакиваю из машины и бегом в квартиру. Беру из вещей самое необходимое. Свой скудный паек оставляю соседям. Они ни в какую:

— Вам на фронт, а мы тут как-нибудь обойдемся.

Солнце было в зените, когда мы доехали до пункта, где временно расположилась бригада. У входа в штаб меня встретил исполняющий обязанности комбрига подполковник В. И. Панфилов. Теперь он стал моим заместителем.

Мы прошли по территории расположения бригады. Ровные аллеи посыпаны свежим песком, аккуратно разбиты клумбы.

— Челябинцы — народ старательный, к порядку привыкли. Все это вечерами делают, — сообщил Владимир Иванович.

Зашли в одну из палаток. Из сосновых досок сбиты нары. Поверх хвойных веток — плащ-палатки, вместо подушек — вещевые мешки. Посредине — самодельный стол, скамейки.

На территории палаточного городка ко мне подошел высокий, с крупными чертами лица офицер.

— Начальник политотдела двести сорок четвертой Челябинской танковой бригады подполковник Богомолов, — представился он.

Мы присели на скамейку. В тени было прохладно. Владимир Иванович Панфилов и Михаил Александрович Богомолов рассказывали мне о людях бригады, ее укомплектованности техникой и вооружением, об обученности личного состава.

Из сообщений своих заместителей я узнал о том, что в феврале 1943 года рабочие индустриального Урала выдвинули идею создания добровольческого танкового корпуса. Свердловский, Челябинский и Пермский обкомы партии обратились в Центральный Комитет ВКП(б) с

просьбой разрешить сформировать за счет внутренних ресурсов трех областей добровольческий танковый корпус.

«Мы берем на себя обязательство, — писали они, — отобрать в Уральский танковый корпус беззаветно преданных Родине, лучших людей Урала — коммунистов, комсомольцев, непартийных большевиков. Добровольческий танковый корпус уральцев мы обязуемся полностью вооружить лучшей военной техникой: танками, автоматами, орудиями, минометами, боеприпасами, сделанными сверх производственной программы»¹.

ЦК ВКП(б) и Советское правительство, Государственный Комитет Обороны одобрили патриотическую инициативу уральцев, и весной 1943 года началось формирование корпуса.

Весть о создании добровольческого корпуса молнией облетела города и села Урала. Желающих оказалось много. В парткомы, сельские Советы, в учреждения посыпались тысячи заявлений. Отбирали лучших из лучших. Одновременно трудящиеся Урала изготавливали танки, орудия, автоматы, боеприпасы, снаряжение для личного состава. Корпусу было присвоено наименование «30-й Уральский добровольческий танковый корпус». 1 мая добровольцы приняли военную присягу, а 9 мая им был дан народный наказ.

Начальник политотдела показал мне листовку, отпечатанную типографским способом.

— Эта листовка-наказ вручена каждому воину-добровольцу, — сказал Михаил Александрович.

Я прочел наказ:

«Помните, сыновья и братья наши: всегда, когда над родной землей бушевали грозы войны и иноземный захватчик шел на Русь с мечом, Урал ощетиивался грозными жерлами пушек, стеной штыков, встречая захватчиков.

...И ныне сыны Урала с первого дня Великой Отечественной войны встали в ряды доблестных защитников Советской Родины. Не посрамили они славы предков, высоко несут гордое звание уральцев. Тысячи и тысячи наших земляков покрыли себя бессмертной славой на по-

¹ Партархив Челябинского обкома КПСС, ф. 288-к, оп. 1, д. 7, л. 1.

лях сражений. Весь советский народ чтит их за беззаветное мужество и храбрость...

Родные наши!

Вы вступили в Уральский добровольческий танковый корпус. Такое особо почетное имя ко многому обязывает... Не забывайте об этом ни на час...

Советская Родина каждому из нас дорога. Честь, свобода и независимость ее — дорожке собственной жизни. Где бы вы ни сражались — у стен ли Смоленска, у порогов Днепра или в ущельях Крымских гор, — помните, что вы сражаетесь за Родину, за Москву, вы отстаиваете народные богатства Урала, вы защищаете Свердловск и Магнитку, город стали и булата Златоуст и индустриальный Челябинск, Ильменскую сокровищницу минералов и жемчужину Урала — красивейшее в мире озеро Увильды, плодородные степи и дремучие уральские леса — все то, что полито потом и кровью дедов, отцов и братьев.

...Бейтесь так, чтобы еще ярче разгорелось имя «Уралец», написанное на башнях ваших танков, чтобы в боях и сражениях завоевали вы почетное наименование гвардейского особого корпуса. Вести о присвоении гвардейского звания мы ждем от вас вместе с вестью о победах.

...Мы наказываем вам:

Полностью используйте высокую маневренность наших замечательных машин, станьте мастерами танковых ударов, овладевайте тактикой ведения боя, показывайте образцы высокой воинской дисциплины, стойкости и организованности.

...Не забывайте: вы и ваши машины — это частица нас самих, это наша кровь, наша старинная уральская добрая слава, наш огненный гнев к врагу. Смело ведите стальную лавину танков. Ждем вас с победой, товарищи»¹.

Оторвался от листовки, задумался. Народ Урала доверил своим сынам грозное оружие. Он надеется, что уральцы не дрогнут в предстоящих боях, внесут свой весомый вклад в полное освобождение родной земли. Эта

¹ Партархив Челябинского обкома КПСС, ф. 225, оп. 1, д. 1239, л. 3.

ответственность ложится прежде всего на нас, командиров. Мы поведем их в бой.

Настроение личного состава бригады, как я успел заметить и как подтвердил теперь начальник политотдела, приподнятое, по-настоящему боевое. Но одного настроения мало. Нужны и знания, и умение владеть оружием и техникой. Как бы читая мои мысли, Богомолов сказал, что добровольцы, хотя и прошли курс обучения, должны еще упорно учиться военному делу.

— Да, — поддержал я Михаила Александровича, — надо каждую минуту, каждый час отдавать напряженной боевой учебе.

Уже стусились сумерки, и мы направились в столовую. Наспех поужинали, и я, попрощавшись с Богомоловым и Панфиловым, лег спать. Но сон не шел. Я думал о новом назначении, о том, что отныне мне доверена судьба нескольких сот людей. С ними мне теперь делить радости побед и горечь неудач. Что я знаю о них? Пока ничего. Знаю одно — надо всех людей, будь то радист, заряжающий, штабной офицер или политработник, сплотить в единую боевую семью, в крепкий дружный коллектив. На решение этой задачи необходимо нацелить командиров, политотдел, партийные и комсомольские организации.

Проснулся рано. Вышел на улицу. Было свежо, легкий туман висел над землей. Оглядел прижавшиеся одна к другой палатки. Невдалеке застыли танки. В лесу стояла необыкновенная тишина. Вставало солнце, и его лучи едва-едва пробивались сквозь ветки густых сосен. По тропинке к палатке торопливо шагал боец с котелком в руках.

— Куда в такую рань?

— К вам приставлен, ординарцем, — выпалил красноармеец. — Собко я, Марк Наумович.

Позавтракав, мы с Панфиловым направились на учебное поле. На опушке леса натолкнулись на группу танкистов. Перед ними на брезенте были разложены части клинового затвора пушки, подвижные части пулемета. Танкисты увлеклись своим делом и не заметили, как мы подошли.

— Здравствуйте, товарищи, — сказал я.

Танкисты встали. Лейтенант вытер паклей руки, лихо отчеканил:

— Экипаж «Беспощадного» изучает вооружение танка. Командир экипажа лейтенант Акиншин.

Лейтенант сказал, что танк подарен коллективом Челябинской ГРЭС.

Я попросил одного из танкистов разобрать затвор. Командир орудия сержант Мордвинцев в считанные секунды выполнил команду.

— Откуда такие знания, уверенные действия?

— Под Москвой я воевал, в бригаде полковника Катукова. На Т-26. Теперь вот в добровольческом, челябинский я.

Командир танка Михаил Акиншин рассказал о людях экипажа. Механик-водитель комсомолец Федор Сурков работал ранее в Челябинске — стройуправление № 22. Стрелок-радист Александр Марченко накануне войны окончил Черкасский техникум дорожного строительства, работал инженером во Львовской экспедиции «Киевгипротранса». В начале войны выехал на Урал. Марченко сухощавый, на вид еще и двадцати пяти нет, но у него за плечами большая жизнь.

— Ваш танк, говорите, назван «Беспощадным»? Хорошее название. Оправдайте его в бою.

— Постараемся, — заверили меня члены экипажа.

Прощаюсь с танкистами. Понравились мне эти люди.

Взглянул на часы. Как быстро бежит время! Надо торопиться. Хочется посмотреть, как идут занятия в других экипажах.

На башне танка надпись «Комсомолец». Подхожу к экипажу.

Один из бойцов схватил учебный снаряд, ловко забрался на броню и тут же скрылся в машине. Ствол пушки начал описывать круги.

— Идут тренировочные занятия по огневой подготовке, — доложил лейтенант Любивец.

Через минуту танкисты окружили меня. Интересно, как идет учеба, чем занимаются в свободное время, как питание. Лейтенант выжидающе смотрит на меня. Вижу, грустит.

— Родные что-нибудь пишут?

— Никак нет. Они там, в неволе, — указал офицер в сторону запада.

Иван Любивец — сын полтавского хлебороба. В начале войны семнадцатилетним пареньком пошел доброволь-

но в армию, а по окончании военного училища был направлен в Челябинскую танковую бригаду.

— Надо быстрее вызволять Украину, — задумчиво произнес танкист.

Я продолжил этот разговор.

— Нам, товарищи, придется освобождать от фашистской нечисти многие города и села нашей страны. И Украину. Впереди бои. Так давайте серьезно к ним готовиться.

Люди, преисполненные чувством долга перед Родиной, выражали свою готовность в предстоящих боях сражаться до последней капли крови, до последнего дыхания, говорили, что уральцы не посрамят славы русского оружия.

Побывал я у стрелков, разведчиков, зенитчиков.

Июльский день угасал. Солнце посылало прощальные лучи. Я присел возле своей палатки на траву, уже отдававшую прохладой. Легкий ветерок шелестел ветками сосен, беззаботно цвенькали птицы в кустах.

Лились звуки баяна. Добровольцы отдыхали. Приятный тенорок выводил:

Мне в холодной землянке тепло
От твоей негасимой любви...

Утром на небольшом плацу, зажатом рослыми соснами, выстроился личный состав бригады. Иду по росистой траве. Навстречу начальник штаба подполковник Д. Б. Кременецкий. Он четко отдает рапорт.

На правом фланге ветер треплет боевое Знамя — Знамя 244-й Челябинской танковой бригады. Рядом офицеры управления.

Обхожу первый и второй танковые батальоны, механизированный батальон автоматчиков, минометную роту, зенитно-пулеметную роту, батарею 76-миллиметровых орудий, подразделения саперов, ремонтников, медиков. Вглядываюсь в лица подчиненных. В основном — безусая молодежь. Есть люди и постарше. Бойцы и сержанты строгие, подтянутые. В новом обмундировании. Поблескивают вороненные стволы автоматов.

Обход закончился. Теперь строевым шагом идут батальоны. Четко, как на параде. Высоко вскинув головы,

печатают шаг добровольцы-танкисты. Ровными рядами идут автоматчики, артиллеристы, минометчики...

А затем встреча с офицерами управления. Подполковник Кременецкий представил начальников служб. На груди у многих офицеров боевые ордена и медали. Большинство из присутствующих почти с первых дней войны на фронте, имеют боевой опыт. Коротко и я рассказал о себе.

— Воевать нам вместе, — подытожил я разговор. — Пусть каждый по своей службе сделает все, чтобы личный состав был обут, одет, накормлен, хорошо подготовлен к предстоящим боям. Люди нам верят, их доверием надо дорожить.

Направляюсь в политический отдел. Небольшой деревянный домик утопает в зелени. Подполковник Богомолов на слова скуп, в оценке работников политотдела сдержан:

— Сам толком еще с ними не знаком. И месяца нет, как они к нам прибыли. Но, кажется, люди подобрались хорошие. С утра до ночи в войсках пропадают: и в учебных атаках бывают, и на стрельбище, и на полигоне. В солдатских палатках по вечерам беседы проводят, организуют читки сообщений Совинформбюро, другие мероприятия.

Длинный стол, за которым заняли места офицеры, прикрыт старыми газетами. Время дорого, и я без всяких предисловий перешел к делу. Рассказал о задачах, стоящих перед политработниками.

Постепенно разговорились. Речь шла о содержании и формах партийно-политической работы в боевой обстановке, о том, что еще нужно сделать для воспитания у добровольцев высоких политических и морально-боевых качеств. Среди личного состава бригады — более 80 процентов коммунистов и комсомольцев. Мы тут же договорились о датах проведения партийных и комсомольских собраний. Я с охотой согласился сделать на одном из них доклад.

На следующий день я приехал на учебное поле в район занятий. Командир батальона автоматчиков капитан А. С. Голубев доложил обстановку, показал исходную позицию для наступления, познакомил меня с офицерами и сержантами. Бойцы усердно отрывали окопы, ходы

сообщения, тщательно маскируя свое месторасположение. Мы подошли к пулеметчику. Он вскочил:

— Рядовой Громов.

Я спрыгнул в окоп. Впереди лежащая местность просматривалась хорошо.

— Ваша задача?

Боец предельно четко изложил свою задачу, назвал ориентиры, сигналы атаки, номер танка, вслед за которым он должен продвигаться, а в случае надобности сесть на его брону.

— Молодец!

Мы с командиром батальона переходили от окопа к окопу, от бойца к бойцу. В основном инженерные работы были выполнены неплохо. Однако на отдельных участках ходы сообщения оказались неглубокими.

— Надо глубже зарываться в землю, приучить людей к этому, — посоветовал я капитану и поинтересовался, сколько дней батальон занимается в этом районе.

— Третий.

— Пора уж по-настоящему оборону оборудовать, — сказал я комбату. — Если такие темпы будут в бою, потеря не оберешься. Надо учиться и наступать, и обороняться.

В разговор вступил командир второго танкового батальона капитан В. А. Федоров. Он доложил, чем занимается одна из рот автоматчиков, приданных его батальону, показал, где расположились танкисты.

— Аппарели отрыли?

— Так точно, — доложил капитан.

Я взглянул на часы. Скоро учебная атака. С наблюдательного пункта хорошо просматривалась местность. Поле, местами заросшее кустарником, было изрыто окопами, траншеями.

Раздался мощный гул танковых двигателей. По замыслу, артиллерийская подготовка уже проведена. Боевые машины вышли из леса и устремились вперед. Как только они прошли траншею, из нее проворно начали выскакивать автоматчики, пулеметчики, расчеты противотанковых ружей, или, как их называли, петеэровцы. Прокатилось дружное «ура».

Начало хорошее. Прижимаясь к танкам, пехотинцы открыли огонь из всех видов оружия. Но постепенно расстояние между автоматчиками и танками начало увели-

чиваться. Через минуту-другую этот разрыв составил более двухсот метров. В бою — гиблое дело. Противник немедленно отсечет пехоту, вмиг расправится с танками. Так не пойдет.

Командир второго танкового батальона, стоявший возле меня, ликует:

— Вот так скорость, молодцы танкисты!

Я приказал приостановить атаку. Капитан Федоров недоуменно смотрит на меня, разводит руками: мол, не вижу причины. Но, заметив мой суровый взгляд, бросается к радисту. Что-то кричит ему в ухо, прикрытое шлемофоном.

Танки, словно нехотя, останавливаются.

— Товарищ Голубев, догадываетесь, почему я приостановил атаку? — обратился я к командиру батальона автоматчиков.

— Понятно, товарищ подполковник, только тут мы ни при чем. Танкистов винить надо. Разве за ними поспеешь, рванулись, как ошалелые.

— Совершенно верно, атаковать врага надо на высоких скоростях, но не отрываться от пехоты. Иначе успеха не добьешься.

Припомнил, как во время боя в 1942 году на Северском Донце одна из наших танковых рот вот так же, на высоких скоростях, устремилась в контратаку, а пехота отстала. Немцы, конечно, этим воспользовались. Об этом я и рассказал командиру роты и предупредил, что риск в бою должен быть осмысленным, глубоко продуманным.

Повторная атака прошла более удачно. На этот раз пехотинцы вплотную бежали вслед за танками, на ходу вели прицельный огонь.

— Оборона прорвана, «противник» поспешно отходит. Ваши дальнейшие действия? — спросил я у командира батальона автоматчиков.

Капитан Голубев подошел к радиостанции и отдал приказ: посадить пехоту на танки и преследовать «противника».

С первой встречи мне понравился комбат своей собранностью, умением самостоятельно принять решение. Он был подтянут, не по годам строг. Позже я узнал подробно его биографию. Родом из Сибири, перед началом войны окончил военное училище, в первых боях показал себя смелым командиром.

Челябинцы оказались на редкость трудолюбивыми, смекалистыми, они настойчиво изучали оружие и технику, осваивали приемы ведения боя. На стрельбище и полигоне ни днем ни ночью не утихали выстрелы, на учебных полях круглосуточно рокотали танковые двигатели. Люди готовились к боям серьезно, всесторонне.

Как-то среди ночи я возвратился с полевого занятия, зашел в штабную землянку. Кременецкий, склонившись над картой, наносил обстановку предстоящих учений. Я подсел к начальнику штаба, еще раз поинтересовался, как у нас укомплектованы отдельные роты, батареи и взводы.

Было далеко за полночь. Неожиданно в сопровождении командира корпуса генерал-лейтенанта танковых войск Г. С. Родина в землянку вошел командующий 4-й танковой армией генерал-лейтенант танковых войск В. М. Баданов. Я доложил, что все подразделения после учебных занятий возвратились в расположение бригады и личный состав отдыхает. Командарм внимательно меня выслушал, затем приказал:

— Поднять бригаду по тревоге!

Через несколько минут мощный рокот двигателей взорвал ночную тишину. В колонну начали вытягиваться танки, автомашины, груженные боеприпасами, продовольствием, обмундированием, загрохотали походные кухни.

В колонне автоматчиков бойцы тихо переговаривались. До меня донесся густой бас:

— Ясно, что выступаем на фронт, зря бы не подняли всю бригаду.

Но прогноз автоматчика не оправдался. Командующий армией решил проверить боевую готовность бригады. Нам было приказано провести учения с боевой стрельбой. На учения привлекался батальон автоматчиков, усиленный танковой ротой, артиллерийская батарея и саперный взвод. Начало учений в 12.00.

Утро застало меня на наблюдательном пункте. В короткие сроки была создана мишенная обстановка, дооборудованы позиции пехотинцев, артиллеристов, минометчиков, танкистов. Люди зарылись в землю.

Закончены последние приготовления, до личного состава доведена поставленная задача, предусмотрены меры безопасности, организовано взаимодействие, техника

тщательно замаскирована. Даже с небольшого расстояния нельзя обнаружить расположение огневых позиций танкистов, артиллеристов, наличие боевой техники, очертание переднего края. Постарались и командиры, и бойцы. Здорово потрудились, молодцы! На душе у меня радостно.

Часы показывали без двадцати двенадцать. Стояла духота, нестерпимо палило июльское солнце. Было тихо-тихо. Изредка налетал легкий ветерок, шелестел листвою молодых берез, выстроившихся в ряд возле нашего наблюдательного пункта. Я присел на бруствер. Закурил.

— Машины! — доложил штабной офицер.

На опушке леса появились «виллисы», окутанные густой пылью. На высокой скорости они двигались в сторону наблюдательного пункта. Из первой машины вышел командарм. Я поспешил к нему навстречу. Генерал В. М. Баданов, как всегда, был в хорошем настроении. Он тепло поздоровался, спокойно выслушал доклад и прильнул к стереотрубе.

— Начинайте, — сказал командарм.

В воздухе повисла красная ракета. Почти в ту же секунду грянули артиллерийские выстрелы, из-за укрытий вышли танки и, выбрасывая снопы огня, рванулись вперед.

Поднялись пехотинцы. Бойцы, прижимаясь к танкам, проворно побежали по полю. «Ура, ура!» — неслось ото всюду. Дружный огонь достиг наивысшей плотности.

— Приятное зрелище, — не сдержался генерал Баданов. — Молодцы, челябинцы!

Рядом со мной стоял командир корпуса генерал-лейтенант Г. С. Родин. Я взглянул на него. Он мне казался всегда суровым, а тут его словно подменили. На лице — широкая улыбка. Вдруг он оборачивается ко мне:

— Ну что ж, атаковали неплохо. Но, как говорится, цыплят по осени считают.

Намек понятен. Меня неожиданно озноб прошиб: а вдруг не все мишени будут поражены?

Скоро выяснилось: и стреляли вполне прилично. Учения закончились. Я приглашаю генералов отобедать.

— Спасибо за приглашение, — пожимая мне руку, сказал командующий. — Но мы спешим. До встречи на фронте...

На траве вокруг походных кухонь расселись бойцы, сержанты, офицеры. Люди с аппетитом опустошали котелки и миски.

ЕДЕМ НА ФРОНТ

У входа в палатку сидит ординарец Собко. На лице радость: получил наконец письмо от жены. Боец делится своими переживаниями.

— Трудно им без меня. Но что поделаешь? Теперь всем нелегко.

— Принеси-ка водички.

Собко принес ведро с холодной водой, зачерпнул кружку.

— Спасибо, я сам.

После дневной духоты было приятно освежиться. Я прилег на кровать, сбитую наспех из сосновых досок, потянулся к свежим газетам. В центре внимания прессы — события на Курской дуге. Немецкое наступление на северном фланге дуги захлебнулось. Развернувшееся здесь 12 июля ожесточенное сражение характеризовалось теперь разнообразием боевых действий: на одних направлениях наши войска вели наступление, одновременно отражая контратаки противника, на других — сдерживали натиск в тяжелых оборонительных боях, на третьих — шли упорные встречные бои.

Наметился перелом и в действиях на южном участке — в районе Белгорода. Обескровленные и измотанные гитлеровские войска переходили к обороне. Газеты сообщали об упорных боях не только на земле, но и в воздухе. Радостно было читать такие сводки. Мы понимали: Гитлер бросил к Курску свои отборные войска, возлагая на них большую надежду, ввел в действие новые танки со звериными названиями «тигр» и «пантера». Но на орловском направлении им удалось вклиниться в нашу оборону лишь на 10—12 километров, а на белгородском — до 35 километров. Дальше — сил не хватило. Выдохся враг. И вот теперь наши войска сами перешли в контр-наступление. Как было не радоваться такому сообщению! Инициатива полностью переходила в руки советского командования.

Не успев как следует посмотреть газеты, как ординарец протянул мне телефонограмму. Вызывали в штаб корпуса.

Было где-то за полночь. По дорожке, усыпанной песком, направляюсь к штабу. «Что бы могло быть?» — думаю.

В кабинете командира корпуса уже собрались офицеры. В углу на краешек стула присел командир 197-й Свердловской танковой бригады полковник Я. И. Троценко, рядом примостился командир 243-й Пермской танковой бригады подполковник В. И. Приходько. Вижу здесь и командира 30-й мотострелковой бригады полковника М. С. Смирнова, других командиров частей и подразделений. На длинном столе разложена большая карта, над которой склонились командир корпуса Г. С. Родин и начальник штаба полковник Б. Р. Еремеев.

Генерал Родин, оторвавшись от карты, оглядел собравшихся.

— Теперь, кажется, все. Пора начинать.

Он сообщил решение Ставки Верховного Главнокомандования: 30-му Добровольческому танковому корпусу передислоцироваться к линии фронта.

— В вашем распоряжении, — продолжил генерал, — имеется не более двух суток. Времени, как видите, немного, но подготовиться к передислокации надо тщательно, всесторонне. В целях экономии моторесурсов марш предполагается комбинированный: танки и другие боевые машины отправляются железной дорогой, мотопехота, управление и тылы пойдут своим ходом.

Выступивший затем начальник штаба Еремеев назвал район, куда мы должны перебазироваться, — лес восточнее Козельска. Туда от Кубинки примерно 300—350 километров. Борис Романович указал пункты, через которые пройдут бригады, и мы нанесли нужные знаки на топографические карты, которыми нас снабдили. Еремеев указывает сроки готовности для каждой бригады, дату прибытия к новому месту.

Совещание в штабе затянулось почти до утра. Когда мы вышли на улицу, небо было затянуто тучами, моросил мелкий дождь. На небольшой высоте в сторону фронта прошли краснотелые бомбардировщики.

В штабе бригады я застал подполковника Богомолова.

— Михаил Георгиевич, я уже в курсе дела, — опередил он меня. — Информировал начальник политотдела корпуса полковник Шелунов.

Вскоре в штаб прибыли Кременецкий, его заместитель капитан Пшеничнер, начальники служб, офицеры политотдела.

На карты легли пунктиры, условные обозначения, цветным карандашом был нанесен маршрут движения. Штаб бригады составил план мероприятий, связанных с передислокацией.

Сбор всего офицерского состава назначили на девять часов утра. Шел дождь, и пришлось собраться в летнем клубе: небольшой навес предохранял от разразившегося ливня.

Все было решено за каких-нибудь полтора-два часа. Начальниками эшелонов были назначены мой заместитель — подполковник В. И. Панфилов и командир первого танкового батальона майор А. А. Степанов, колонну автотранспорта я взял под свое начало.

В полдень ко мне подбежала встревоженная чем-то военврач из медсанвзвода Д. Е. Гриценко. До недавнего времени она работала в одной из больниц Челябинска. На призыв обкома партии Дора Ефимовна откликнулась одной из первых. Так она оказалась в нашей бригаде.

Увидев взволнованную женщину, я забеспокоился:

— Что случилось?

— Больные услышали о том, что выезжаем на фронт, и разбежались по подразделениям, — с тревогой сообщила она.

Я пытался успокоить врача.

— Как же так? Они ведь находились на лечении, у одного даже температура...

— Возвратим всех в санчасть, — пообещал я ей.

Перед обедом весь личный состав бригады был выстроен на плацу. Вынесли боевое Знамя. Начальник политотдела Богомоллов обратился с призывом к воинам-челябинцам — бить врага беспощадно, сражаться до последней капли крови, до последнего дыхания.

На трибуне старший лейтенант Николай Чередниченко. Он говорит о той высокой чести, которой удостоились челябинцы, призывает товарищей по оружию в жарких схватках с врагом оправдать доверие Родины, смело сражаться с ненавистными захватчиками.

Вдохновляющую речь произнес парторг первой танковой роты Кружилин. Он сказал:

— Родина пылает в огне. Враг еще топчет нашу священную землю. Стоны и страдания советских людей на оккупированной земле болью отзываются в наших сердцах. Мы спешим к вам, дорогие советские братья и сестры. Мы очистим нашу землю от врагов.

Выступали бойцы, сержанты, офицеры. Они клялись быть верными военной присяге, заверяли, что наказ земляков выполнят с честью.

Казалось, не так уж сложно совершить марш. Но мы столкнулись с непредвиденными обстоятельствами: в назначенное время нам не подали железнодорожный состав. Люди начали нервничать, кто-то в темноте зло ругался.

К двенадцати часам ночи все уладилось. Соблюдая светомаскировку, на железнодорожные платформы начали въезжать танки. Механики-водители умело орудовали рычагами управления. Четкие команды отдавали командиры экипажей.

На платформах вскоре оказались все боевые машины. Без суеты и шума танкисты крепили боевую технику. Погрузили продовольствие, боеприпасы. Подцепили вагоны, в которых разместились экипажи. А дождь по-прежнему не утихал. Яркие сверкали молнии, на миг освещая мокрые лица воинов.

Я остановился возле экипажа лейтенанта Ивана Пупкова.

— Порядок, — вытирая руки о мокрый комбинезон, доложил офицер. — Закрепили что надо. Теперь хоть до Берлина.

— До Берлина в эшелоне не поедem, а воевать там наверняка придется.

— Что ж, спасибо на добром слове, товарищ комбриг, — сказал Пупков. — Будем стараться.

Подполковник Панфилов докладывает о готовности эшелона к отправке. Жму ему на прощание руку, желаю удачи в пути.

— Все будет хорошо, — заверяет он.

Той же ночью мы проводили и второй эшелон.

В темноте трудно разобрать лица танкистов, сбившихся у дверей вагонов. Они что-то кричат, на прощание машут пилотками, шлемофонами, фуражками. Взвизгнул паровозный гудок, и состав медленно растворился в ночи.

А я все еще стою на погрузочной площадке, охваченный волнением. Стою и думаю, как эти люди поведут себя в бою...

Подполковник Богомолов дотронулся до плеча:

— Поехали, Михаил Георгиевич. Нас ждут.

Начальник штаба Кременецкий за наше отсутствие успел выстроить автоколонну, проинструктировать водителей, старших машин. На рассвете тронулись в путь.

Красива русская земля! Но любоваться природой было некогда. Вскоре свернули на лесную дорогу, и тут начались мытарства. Дорога раскисла, машины буксовали, застревали в грязи. Темп марша упал. Временами буквально на руках приходилось выносить машины.

Размытые ливнем дороги крепко потрепали нам нервы. И все-таки мы вовремя прибыли в указанный район. Я осмотрел место, где должны рассредоточиться подразделения бригады. Лес еще хранил следы артиллерийских обстрелов и бомбежек: стволы деревьев иссечены осколками, многие ветви срезаны, словно ударом секача. Над нами пролетали краснозвездные самолеты. Они шли к линии фронта, который теперь совсем близко. Там происходили жаркие схватки.

Не теряя времени, мы с майором Хохловым поехали на станцию Сухиничи — место выгрузки танков. Было темно, сыро и зябко.

По пути раза два застревали, пришлось плечом подталкивать «виллис». На станцию приехали часов в девять утра. Отряхнули с обмундирования грязь, на ходу привели себя в порядок. Обратились к начальнику станции, чтобы узнать, где наши эшелоны. Тот недоверчиво окинул нас взглядом:

— Кто вы такие?

Пришлось предъявить удостоверения. Возвращая документы, начальник станции сказал:

— Ваш эшелон прибудет через час, товарищи офицеры, — и потянулся рукой к телефонам. Мы поняли: разговор окончен.

Попытались разыскать командира Свердловской бригады, которая уже разгружалась, но сделать это было не так-то легко. Туда-сюда сновали танки, машины, в упряжке рвались лошади, понукаемые ездовыми: на фронт прибывало все новое и новое пополнение.

На противоположной стороне железнодорожной стан-

ции шла погрузка раненых. Кто-то стонал, кого-то громко отчитывали санитары. Словом, станция бурлила тревожной прифронтовой жизнью.

Наш эшелон прибыл с опозданием на два часа. Подполковник Панфилов, заметив меня и Хохлова, бегом направился к нам.

— Как доехали? — был мой первый вопрос.

— Отставших и жертв нет. Все хорошо, — доложил Панфилов.

Началась выгрузка. Танки с платформы уходили в лес. Дождь немного утих, ветер разогнал тучи, и небо слегка прояснилось.

— Воздух! — неожиданно крикнул кто-то из бойцов.

И тут до слуха донесся гул «юнкерсов». Ударили зенитные орудия, и белые облачка разрывов рассыпались по небу. Ныряя в тучах, бомбардировщики шли на небольшой высоте. Скоро они перестроились в змейку. Сейчас наверняка начнут бомбить. Я плюхнулся в окоп, залитый водой, и тотчас рядом разорвалась бомба. Фашисты с яростью бомбили станцию. В упор ударили зенитные пулеметы. Загорелся один, второй самолет. Оставляя огненно-черный след дыма, они упали где-то в лесу.

Нам повезло: личный состав танковых экипажей не пострадал, если не считать трех человек легко раненных. А вот другие части имели потери в технике. Несколько бомб угодило и в эшелон раненых. Загорелись цистерны с горючим, пристанционные постройки. Добровольцы бросились тушить пожар...

Второй эшелон прибыл также без потерь. И вот танки рассредоточились по опушке леса. Без промедления начались тяжелые земляные работы: каждому экипажу предстояло отрыть укрытия и для танка, и для себя. И хотя мы знали, что простоям тут недолго и враг сюда уже не сможет проникнуть, существовал неписанный закон войны: остановился хоть на час — рой окоп, готовь укрытие для техники. Кто пренебрегал этим законом — расплачивался кровью.

В короткие часы передышки агитаторы проводили беседы, изучали с воинами памятки, помогали усваивать то или иное положение Боевого устава.

Подполковник Богомоллов побывал почти во всех экипажах. Он умел вызывать воинов на откровенный разговор, вселить уверенность в успехе. Его примеру следовали

майор Н. К. Онищук, старший лейтенант Чередниченко и другие офицеры политотдела.

По инициативе Богомолова был проведен семинар с агитаторами. Я выступил с докладом, в котором рассказывал о роли агитаторов по мобилизации личного состава на успешное выполнение приказа командования. Участникам семинара были розданы бланки листовок-молний, вручены различные памятки.

Мы с Богомоловым направились по подразделениям. В тени густых деревьев — группа воинов. Подходим. Окажется, идет партийное собрание первого батальона. Докладчик — замполит батальона капитан Кочерга. Повестка дня — личный пример коммунистов в бою. Немного слов были танкисты. Их выступления сводились к одному: место коммуниста в бою — впереди. Тепло и просто поговорил с коммунистами Богомолов. На собрании выступил и я.

Идем дальше. В небольшом овраге огневую позицию занял экипаж лейтенанта Павла Бучковского. Танкисты выполнили большой объем работы, расчистили сектор обстрела. Мы подошли к ним, когда они беседовали. В руках у лейтенанта была «Памятка танкисту». В ней давалось краткое описание танков «тигр», «пантера», самоходного орудия «фердинанд» — новых немецких машин, появившихся во время боев на Курской дуге.

Лейтенант поспешил нам навстречу.

— Вольно, продолжайте, товарищи.

— Так вот я повторяю, немецкий танк Т-VI — тяжелая машина, — продолжал командир экипажа. — Лобовая броня — сто миллиметров, калибр пушки — восемьдесят восемь миллиметров, вес — шестьдесят тонн, а мотор всего лишь шестьсот лошадиных сил.

— Для такой машины это ничто! — отозвался механик-водитель Аганов. — О какой же маневренности может идти речь?

— Об этом и я толкую, — подхватил лейтенант. — Пока фриц развернется, мы его и подбьем. — Лейтенант Бучковский уткнулся в листовку: — Любопытно, товарищи, вот что: за минуту башня делает всего лишь один поворот. А о чем это говорит?

— Вот оно, уязвимое место! — воскликнул башенный стрелок М. Г. Фролов. — Пока он повернет башню, я его раз...

— ...И мимо, — сострил радист-заряжающий В. И. Ру-
санов.

Все засмеялись.

— Не промахнусь, говорю это в присутствии комбри-
га, — запальчиво возразил башенный стрелок.

— Верим, верим, — поддержал я Фролова.

Танкисты рвались в бой, хотели скорее прийти на помощь тем, кто сражался с фашистами. Я разделял чувства однополчан. А на душе было беспокойно: ведь жесточайшая битва шла на земле, где я родился и вырос. В каких-нибудь тридцати километрах отсюда находилась родная деревня. Я знал, что односельчане пережили ужасы фашистской оккупации. Но живы ли родные? И если живы, то как им там сейчас, в непосредственной близости от фронта? Хотелось скорее получить боевую задачу и гнать, гнать фашистов с советской земли, из моего родного края. Грусть по дому щемила сердце.

Задумавшись о доме, я не заметил, как к штабному автобусу подошел командир корпуса генерал Г. С. Родин. Он протянул мне руку:

— Здравствуй, Фомичев. — И, окинув меня взглядом, тут же спросил: — Не захворал ли?

— Да нет, товарищ генерал, не жалуюсь.

Генерал хитро подмигнул:

— По дому заскучал? — И, сделав паузу, добавил: — Ничего, Фомичев, изгоним врага с родной земли — и тогда поедем к родным и друзьям.

— И я так думаю, товарищ генерал. Только больно сознавать, что враги топчут родные края. Эти места с детства близки моему сердцу.

Комкор удивленно спросил:

— Уж не родина ли это твоя?

— Возле города Белева, точнее, в семи километрах от него — деревня Слобода. Там родные мои, не знаю, живы ли.

Генерал Родин присел на ящик из-под снарядов и, положив руку мне на плечо, сказал:

— Выходит, мы земляки. Я ведь с Орловщины... Ладно, сегодня же поедешь домой. Завтра будет поздно.

— Товарищ генерал, — робко начал я, — в самом деле можно?

— Поезжай, поезжай. Только в двадцать ноль-ноль быть в бригаде. Добро?

Я рванулся с места:

— Дорошевский! Виктор, машину скорее!

Шофер растерянно смотрит на меня:

— Случилось что-то?

— Полный вперед! — крикнул я.

«Виллис», петляя среди соседей, помчался в сторону Белева.

В РОДНЫХ КРАЯХ

Разбитая дорога была запружена войсками. В сторону фронта тянулись груженные «студебеккеры», туда-сюда сновали юркие полуторки, шла матушка-пехота, втаптывая в грязь колосья ржи.

Ярко светило солнце, и его лучи согревали напоенную дождями землю. Наш «виллис» обогнал группу раненых и проворно взобрался на косогор. Рядом колосились густые хлеба, среди которых виднелись черные полосы — следы танковых гусениц.

Город Белев остался в стороне. Мне не терпелось туда завернуть, но время не позволяло. Машина рвалась вперед. Перед глазами открылось ровное, приглаженное поле. Стояла сенокосная пора, и я вскоре увидел у Гурового оврага косарей.

Водитель свернул с дороги, и мы поехали напрямик. Женщины перестали косить и пристально смотрели на нас.

Я тоже пригляделся.

— Тетя Анна?

Женщина несмело пошла мне навстречу.

— Никак Миша, сын дяди Егора?

— Он самый.

Я хорошо знал Анну Семинову, ее сына Сергея — моего одноклассника. Мы вместе с ним ходили в школу, дружили.

— Как Сережа?

Тетя Анна в плач. Из ее сбивчивого рассказа я узнал, что Сергей погиб в боях за Родину. Как мог пытался я смягчить горе этой одинокой женщины, обещая, что отомщу за жизнь друга.

— А как мой отец?

Женщина вытерла глаза, успокоилась.

— Вон дядя Егор косит сено, — показала в сторону рукой.

...Из-под густых бровей на меня настороженно смотрели глаза отца.

— Не узнаешь, что ли?

— Нет, не признаю вас, товарищ начальник. Никак комендант?

— Батя, что же ты сына не узнаешь?

— Миша, ты? — И отец со слезами бросился ко мне. На отшибе — родной дом. Во дворе расположились наши воины. Мы зашли в летнюю кухню. Отец засуетился:

— Чем же тебя угостить?

Он откуда-то извлек кучу сухарей, покрытых плесенью, принес кринку молока.

Я выложил на столик несколько консервных банок. Собрались односельчане, расселись — кто на полу, кто на деревянных чурках. Разговорились. Память начала воскрешать детство, юность, те далекие и близкие годы.

...Деревня Слобода. Двадцать восемь домов раскинулись на косогоре неровными рядами. Перед окнами нашего дома протекает небольшая речушка, куда я часто летом бегал ловить рыбу.

Семья наша жила впроголодь. С утра до поздней ночи родители гнули спину на богатеев, таких, как братья Бобринские. А в доме иногда и хлеба не было.

Мать не помню — она умерла рано. Однажды отец — Георгий Кириллович — вручил мне карандаш и тетрадь.

— Пора в школу, Миша. Может, из тебя толк выйдет.

Начальная школа располагалась в соседнем селе Березово. И вот я, полуодетый, в холодные осенние дни месил грязь.

Окончил четыре класса, а дальше учиться не мог: школа-семилетка находилась в Белеве, да и надо было зарабатывать на хлеб. Старшие братья — Петр и Никифор — служили в армии. Мне, кормильцу, доставалось крепко.

После Октябрьской революции получили надел.

— Теперь будем трудиться на своей земле! — торжествовал отец.

Я косил сено и рожь, пахал и бороновал землю, заготавливал на зиму дрова. Батя нередко говорил:

— У тебя, Миша, хозяйская жилка. Толк из тебя будет. Земля любит работающие руки.

Но вскоре я покинул родную деревню и ушел в Белев. Два с половиной года проработал в совхозе «Союз-

плодоовощ». Таскал на себе двухпудовые ящики с картошкой, мешки с капустой, убирал зерновые, свеклу, морковь. Копал ямы для хранения овощей. Трудился на других подсобных работах.

Помнится, однажды в совхоз пригнали первый колесный трактор. Видимо-невидимо собралось народу. И мне захотелось посмотреть. А потом я был приставлен помощником к трактористу — подносил воду, горючее, чистил мотор. Так определилась моя будущая специальность.

Потом — самостоятельная работа на тракторе. То были годы коллективизации. Кулаки не раз и мне угрожали. Но трактор я не бросил, честно трудился в совхозе.

В 1933 году вступил в комсомол, а осенью того же года был призван в ряды Красной Армии. Меня определили курсантом полковой школы. Тогда впервые я увидел бронированные гусеничные машины.

— Это наши советские танки, — пояснил нам командир. — Будете осваивать эту боевую технику.

Мы занимались старательно. Изучали устройство танка, обретали навыки его вождения, учились метко поражать цели из пушки и пулемета. А вечерами до хрипоты спорили по многим вопросам тактики. Велі речь и о маневре, и о ведении наступательного боя, и об искусстве побеждать.

Как-то в мае 1934 года меня вызвал начальник полковой школы. Еще с порога услышал:

— Повезло тебе, Фомичев! Поедешь в училище на командира учиться.

А мне не верилось. Неужели мне, парню из бедной крестьянской семьи, предоставляется такая возможность? И правда, нас, нескольких человек, стали готовить в училище. Преподавали русский язык и математику, физику и химию в объеме неполной средней школы. Через четыре месяца я успешно сдал вступительные экзамены и был зачислен в Орловское бронетанковое училище имени М. В. Фрунзе.

В 1937 году после окончания училища я приехал в родную деревню Слобода. В глаза бросились перемены. Земляки стали лучше одеваться, питаться. Достаток пришел и в наш дом: на заработанные трудовни отец получил много хлеба, овощей, денег.

Потом учеба в Академии бронетанковых и механиз-

Н. С. Патоличев

В. М. Баданов

Е. М. Долومان

А. А. Соколов

Добровольцы-челябинцы отправляются на фронт

рованных войск. Накануне войны получил назначение в один из городов Украины, а вскоре пришлось выдержать испытание огнем.

...За стаканом чаю о многом вспоминали. Земляки поведали страшную историю о том, как фашисты издевались над нашими советскими людьми, как глумились и над моим отцом.

— Отомстим врагам за все, — прощаясь с земляками, заверил я их.

На обратном пути мы попали под бомбежку. К счастью, все обошлось благополучно.

Медленно угасал день. Солнце спряталось за верхушки сосен. Со стороны запада по-прежнему доносился гул боя, яркое зарево осветило черное небо.

Вечером меня вызвали в штаб корпуса.

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

Штаб 30-го Уральского добровольческого танкового корпуса располагался в деревне Сосенки. Я вошел в штабную землянку. И когда только саперы успели соорудить такую махину? Землянка была покрыта бревнами в несколько накатов. В ней было просторно, уютно. При свете коптилки офицеры штаба отрабатывали карты.

— Присаживайся, Фомичев, — пригласил меня полковник Б. Р. Еремеев. — Давай-ка уточним, где расположились челябинцы. Нам надо знать конкретно, где танковые батальоны, где батальон автоматчиков, артиллерия, тылы.

Красным карандашом я обвел на карте пункты сосредоточения, огневые позиции.

Сзади раздались чьи-то шаги. Я оглянулся. В землянку вошел генерал Г. С. Родин.

— Ну что, повидался с родными? Вот и хорошо. Теперь будем воевать, — улыбаясь, сказал он.

В штабную землянку пришли командиры соединений и частей. Началось деловое совещание. Генерал Г. С. Родин сообщил:

— Перед четвертой танковой армией поставлена задача: утром двадцать шестого июля войти в прорыв в полосе наступления одиннадцатой гвардейской армии. — И генерал провел указкой по карте, висевшей на стене.

Нам предстояло принять участие в Орловской операции (она получила известность под условным названием «Кутузов»), начавшейся еще 12 июля контрнаступлением ударных группировок Западного и Брянского фронтов, а тремя днями позже — и войск Центрального фронта.

Основные силы 11-й гвардейской армии генерала И. Х. Баграмяна рвались к железнодорожной магистрали Орел — Брянск, обходя город Болхов с северо-запада. Противник понимал значение Болхова как крупного узла дорог и создал здесь сильную оборону, пытаясь любой ценой сохранить свои позиции. К острию клина советских войск гитлеровцы перебросили 183-ю и 253-ю пехотные дивизии и полки 95-й пехотной дивизии. Сюда же направлялись части моторизованной дивизии «Великая Германия».

— Важно сломить сопротивление противника северо-западнее Болхова, — говорил генерал Родин. — В этих целях командующий Западным фронтом и решил ввести в сражение четвертую танковую армию, в том числе наш корпус.

Затем генерал подробно говорил о задачах корпуса. Боевым приказом по корпусу четко определялись задачи каждого соединения:

— 243-й Пермской танковой бригаде во взаимодействии с 30-й мотострелковой бригадой и с приданной артиллерией атаковать противника с рубежа Рылово, Луново в направлении Войково, Сурыново, Рожково и с ходу форсировать реку Нутрь;

— 197-й Свердловской танковой бригаде наступать левее в направлении Однощекино, Массальское;

— 244-й Челябинской танковой бригаде, находящейся в резерве командующего армией, двигаться за бригадами первого эшелона в готовности развить их успех и выйти в район платформы Беднота.

В дальнейшем, по замыслу командования Западного фронта, войска фронта должны были перерезать в районе Хотынец, Нарышкино железную и шоссейную дороги, соединяющие Орел и Брянск, отсечь пути отхода болховской группировки противника, а затем во взаимодействии с Брянским фронтом окружить и уничтожить ее. В этих боевых действиях важная роль отводилась и нам, танкистам.

В штабе корпуса задержались до глубокой ночи. Обратно в бригаду ехали буквально на ощупь — так было темно.

Утром я заглянул в политотдел. Здесь застал лишь Богомолова — все офицеры уже отправились в подразделения, чтобы довести до личного состава обращение Военного совета армии. Начальник политотдела вручил мне текст обращения. Казалось бы, о предстоящих боях я был осведомлен, но слова обращения нельзя было читать без волнения.

«...Час настал. С верой в наше правое дело, в нашу конечную победу мы пойдем в бой. Ненависть к врагу закалила наши сердца. Любовь к Отчизне и родной Коммунистической партии окрыляет нас на подвиги. Пойдемте же вперед, чтобы смертным боем бить немецко-фашистских оккупантов, чтобы отомстить им за слезы детей наших, за горе и муки матерей, за кровь и страдания нашего народа!..

Товарищ! От твоего мужества, от твоей стойкости и готовности до конца выполнить военную присягу зависит судьба твоих детей, твоей семьи, твоей Родины. Ты — воин-мститель, воин-освободитель. Пусть твой танк, твой автомат, твоя пушка, твоя граната бьют без промаха! Целься вернее, бей точнее! Опасностью пренебреги, трудности преодолей, всегда стремись к одному: только к победе!

На бой святой и правый нас благословляет Советская Родина. В походах и битвах нас осеняет великое и непобедимое знамя Ленина. Вперед, за нашу победу! Смерть немецким оккупантам!»

Мы с Богомоловым пошли в подразделения — надо было принять участие в митингах, на которых обсуждалось обращение Военного совета. Митинги повсюду прошли с большим подъемом.

Должен сказать, что в связи с подготовкой к боям в бригаде заметно оживилась партийно-политическая работа. Ее лейтмотивом сейчас стало воспитание наступательного порыва у бойцов, сержантов и офицеров. Во всех ротах и батареях в эти дни состоялись партийные и комсомольские собрания, на многих из которых докладчиками были руководящие офицеры штаба, политотдела. Подполковник Богомолов провел семинар партторгов рот и батальонов, а также семинар комсorgh.

Работники политотдела были желанными гостями в подразделениях, помогали руководителям партийных и комсомольских организаций более вдумчиво вести воспитательную работу с людьми.

Небезынтересно вспомнить и темы политинформаций. Вот некоторые из них: «В бою будь храбрым, смелым и находчивым», «Кто поведет тебя в бой», «Сила воина — в оружии», «Что сообщило Совинформбюро». Воинам разъясняли справедливый характер Великой Отечественной войны, воспитывали у них гордость за наше оружие, за достигнутые успехи в первый период летней кампании 1943 года.

Напряженно работала и партийная комиссия. Желающих вступить в партию было много. Люди хотели идти в бой коммунистами.

...Утро выдалось прохладным, однако день обещал быть хорошим. Я медленно шел к штабному автобусу, перебирая в памяти вопросы, которые еще ждали решения. Из раздумья меня вывели громкие голоса: у автобуса собралось немало людей, кто-то требовал «самого начальника».

— Вот и наш командир, — сказал офицер штаба капитан И. П. Гаськов.

Мне навстречу шагнул мальчишка лет десяти-одиннадцати. Он выглядел изможденным, на худых плечах висела изорванная рубашонка, глаза настороженно бежали по сторонам.

Паренька задержали на территории расположения бригады. Он назвался местным жителем, родителей гитлеровцы расстреляли. Его просьба сводилась к одному: зачислить в солдаты.

Жалко было смотреть на этого паренька. Уж больно худ он был. Я пригласил его в автобус.

— Зовут-то как тебя, сынок?

— Толей, а фамилия моя Якишев.

— Откуда будешь?

— Из Литвиновки, Арсеньевского района.

— Хорошо знаю твою Литвиновку. Бывал в ней не раз. А я из-под Белева. Земляки, значит?

Мальчик оживился:

— Так это рядом. До Белева от нас рукой подать.

Я не знал, что делать с парнем. Зачислить в бригаду?

Впереди бой, всякое может случиться. Да и в школу парню надо.

— Покормите паренька и отправьте домой, — распорядился я.

Толя Якишев в слезы, начал просить, чтобы его оставили в бригаде.

— Вы не смотрите, что я такой маленький. Я все могу.

Пришлось просьбу хлопца удовлетворить, и он был зачислен в медсанвзвод бригады. Но до конца войны везде представлялся «адъютантом комбрига».

После обеда я выехал в штаб корпуса (где пришлось уточнить некоторые вопросы взаимодействия), а оттуда на передовой наблюдательный пункт. Мы скрытно выдвинулись на небольшую высотку. У расставленных стереотруб уже хлопотали штабные офицеры. Лежащая впереди местность просматривалась хорошо. Я прильнул к стереотрубе. В поле зрения оказался небольшой отрезок переднего края расположения немцев. Видно было, как фашисты сновали по траншеям. Слева от нас шел сильный бой. Четко было слышно, как рвались снаряды, ухали мины, то и дело доносилась пулеметная дробь.

Данные разведки и непосредственное наблюдение привели нас к выводу: прорвать оборону немцев будет нелегко. Район боев проходил по пересеченной местности. Здесь много речек, местами заболоченные участки. К тому же немцы возводили укрепления в течение длительного времени. Они глубоко врылись в землю, построили немало различных деревоземляных сооружений, создали мощную систему огня. В среднем на каждый километр фронта в обороне немцев имелось 10 танков, 10—15 противотанковых орудий, 10 минометов, много станковых и ручных пулеметов. Участки, примыкающие к переднему краю, были сплошь минированы.

К вечеру я возвратился в бригаду. Напряженно работал штаб. Подполковник Кременецкий, офицеры Пшеничнер, Гаськов и другие быстро нанесли обстановку, отрабатывали карту.

26 июля 4-я танковая армия была введена в сражение в полосе 11-й гвардейской армии. Темпы наступления советских войск повысились. Но гитлеровское командо-

вание требовало от своих армий удерживать позиции до последнего солдата.

Сопротивление противника с каждым часом возрастало. Местность, по которой двигались танки, была сильно пересеченной. Прошедшие дожди создали дополнительные трудности: овраги наполнились водой, реки вышли из берегов. Все это мешало нанесению стремительного удара по врагу. Танковые бригады, шедшие в первом эшелоне, с ходу не смогли форсировать реку Орс.

Наша 244-я танковая двигалась вслед за Пермской бригадой. С нею поддерживалась постоянная радиосвязь. И вдруг она прекратилась. Почти одновременно прекратился и грохот боя, доносившийся со стороны этой бригады. Что все это могло означать?

Командир моего танка лейтенант Василий Лычков старался установить связь, но так и не смог. В эфире на этой волне работали несколько мощных радиостанций, стоял сплошной писк, шум, доносилась русская и немецкая речь. Кто-то спешно просил помощи артиллерией, другой голос беспрерывно передавал кодовые знаки.

Продвигаться вперед теперь было рискованно: можно напороться на вражеские засады и понести неоправданные потери. И я решил приостановить движение.

По моему приказу танки рассредоточились на опушке леса. 76-миллиметровые орудия батареи старшего лейтенанта Шабашова прикрыли танкоопасное направление. Были предусмотрены меры на случай прорыва танков противника. Огневые позиции заняли минометчики, зенитчики.

Бригада начала зарываться в землю, производить маскировочные работы. Я чувствовал, что пермякам, видимо, не удалось с ходу прорвать первую полосу обороны и они сейчас готовятся к повторной атаке.

Под утро я все же связался с подполковником Приходько, спросил о положении дел.

— Похвалиться нечем,— сказал Василий Ильич.— Находимся на северном берегу Орса. Готовимся к форсированию. Положение сложное. Грунт раскис, берега реки топкие, для танков и артиллерии трудно проходимые. С ходу взять такое препятствие нелегко. Поэтому и засели. Думаем, как быстрее перескочить на тот берег.

Остаток ночи был использован для подготовки подразделений к форсированию. Пермяки произвели пере-

группировку сил и средств. Самоходно-артиллерийский полк, приданный бригаде, подтянулся ближе к переправе. Разведчики изучали оборону противника, выявляли его огневые точки. Дополнительная работа была проведена с личным составом по разъяснению условий предстоящего боя.

Артиллерийская подготовка началась в десять часов. Мощный удар по противнику нанесли батареи гвардейских минометов. На оборону гитлеровцев обрушила бомбовый удар наша авиация.

Как только артиллерийский огонь был перенесен в глубь обороны врага, первым к переправе ринулся батальон автоматчиков 197-й танковой бригады. Он быстро форсировал реку, но враг предпринял яростную контратаку и отбросил автоматчиков на северный берег. Схватка за этот небольшой водный рубеж продолжалась весь день, пока наши войска прочно не закрепились на южном берегу Орска.

К утру 29 июля основные силы танкового корпуса были переброшены на южный берег реки. «Скоро, очевидно, и мы вступим в бой», — размышлял я, нанося на карту новые данные о положении наших войск и противника.

Днем через расположение наших подразделений провели группу военнопленных. На них топорщилось грязное обмундирование, густая щетина покрыла лица.

Помню, в первые дни войны в районе Львова мы взяли в плен ефрейтора. Он держался надменно, высокомерно. А эти лопочут: «Гитлер капут», «Германия капут».

— Вот они, хваленые воины, — не сдержался механик-водитель сержант Мурашов. — Противно даже смотреть, — и он сплюнул на землю. — Скорее бы в бой.

Мурашов работал раньше на Челябинском тракторном заводе. Не менее десяти заявлений написал с просьбой отправить его на фронт. Стал добровольцем. Я был уверен: такой не дрогнет перед трудностями.

В тот вечер мы с начальником штаба Кременецким обошли многие экипажи, расчеты, отделения. Люди от чистого сердца говорили:

— И чего это мы застыли на месте? Землякам — пермякам и свердловчанам туго приходится, а мы ждем у моря погоды.

— После прорыва второй полосы наша бригада будет развивать успех, — говорил я добровольцам.

— Надо бы нас в первый эшелон, — заметил младший командир невысокого роста.

Я подошел к воину. Он четко отрапортовал:

— Младший сержант Астахов, командир саперного отделения.

— Товарищ Астахов, а как люди у вас настроены?

— По-боевому. Вот они, — и младший сержант представил своих подчиненных.

Мне приятно было поговорить с саперами.

— Не дрогнем, — в один голос заверяли они.

29 июля танковые бригады, составлявшие первый эшелон корпуса, подошли к реке Нугрь. Вечером при поддержке корпусной и приданной артиллерии воины-добровольцы Пермской и Свердловской бригад начали форсировать водную преграду. А на рассвете 30 июля овладели деревней Борилово. «Преодолевая упорное сопротивление врага, — свидетельствует генерал Г. С. Родин, — танкисты к исходу дня заняли Кулики, Серодумку, Чурилово. Боевые порядки корпуса то и дело подвергались массированным налетам вражеской авиации — по 50—60 самолетов через каждые 15—20 минут. Но ничто уже не могло остановить уральцев»¹.

Следуя за 197-й Свердловской танковой бригадой, подразделения нашей бригады незаметно сосредоточились восточнее деревни Борилово. Как мы ни пытались замаскировать танки, авиация противника все же нас обнаружила. По району расположения бригады фашисты произвели кратковременный артиллерийский налет. Тяжелые снаряды особого вреда не причинили. Спустя несколько минут в воздухе появилась группа «Юнкерсов-88». Невдалеке от нас находилось две или три батареи зенитчиков из корпусного зенитного полка. Фашистские самолеты они встретили сильным заградительным огнем. «Юнкерсы» беспорядочно сбросили бомбы и поспешили удалиться.

В 15.00 30 июля на командный пункт бригады прибыл командир корпуса генерал-лейтенант Г. С. Родин. Он пе-

¹ Провал операции «Цитадель». М., Политиздат, 1965, стр. 119—120.

редал мне приказ командующего 4-й танковой армией: бригада из резерва командарма переходит в распоряжение комкора. Генерал информировал меня, что 197-я и 243-я танковые бригады прорвали оборону немцев южнее деревни Борилово и развивают наступление на юг.

— Ваша задача, — продолжал генерал, — войти в прорыв и развить успех передовых частей корпуса в направлении населенного пункта Злынь. Батальон автоматчиков посадить десантом на танки.

Через полчаса подразделения бригады снялись с места. По-прежнему моросил дождь. Боевые машины с трудом преодолевали небольшие овраги, лощины. Генерал Родин по радиации непрерывно торопил:

— Увеличьте скорость, быстрее выходите на исходные позиции для атаки.

Деревне Борилово просто повезло. Отступая, гитлеровцы не успели сжечь дома, и большинство из них уцелело. Всюду были видны следы только что прошедшего боя. Валялись трупы немцев, дымилась подбитая вражеская техника. В огородах торчали стволы исковерканных зенитных орудий. Густая система траншей, окопов, ходов сообщения опоясывала деревню. Возле домов нередко встречались и дзоты. Фашисты рассчитывали надолго здесь задержаться. Не вышло!

На южной окраине деревни танки начали разворачиваться в боевой порядок. Противник тотчас же встретил нас сильным заградительным огнем. Резко ударили законные штурмовые орудия «фердинанд», укрытые тяжелые танки Т-VI — «тигры».

Ясно было, что оборона немцев не прорвана. По радиации я связался с командиром первого танкового батальона майором Степановым. Майор доложил, что атаковать противника без артиллерийского и авиационного обеспечения нецелесообразно. Огонь со стороны врага очень высокой плотности.

— Зря погубим людей, — заключил комбат.

Связываюсь с командиром 197-й Свердловской бригады. Полковник Троценко сообщил, что бригада понесла потери и за день почти не продвинулась вперед.

По расчетам командира корпуса наша бригада уже должна перевалить небольшие высоты за Борилово, а мы топчемся на месте. Мне становится не по себе. Подчиненные просят артиллерийского огня, а у меня под ру-

кой лишь рота 82-миллиметровых минометов и батарея 76-миллиметровых пушек.

Выскакиваю из танка, взбираюсь на чердак уцелевшего дома. Хочется получше рассмотреть оборону противника. Вскидываю бинокль. Со стороны немцев огонь не утихает. На участке шириной не более чем 500 метров оказалось несколько закопанных танков, штурмовых орудий. Из-за высоты огонь вели тяжелые минометы. Подступы к переднему краю плотно заминированы. Чтобы прорвать немецкую оборону, нужна артиллерийская и авиационная поддержка.

— «Юнкеры»! — крикнул сопровождавший меня лейтенант Лычков, и в ту же секунду откуда-то из-за леса ударили зенитки. Но «юнкеры», казалось, не обращали внимания на огонь зенитных орудий. Они стройно летели на север.

— Глядите, вон за ними еще одна группа! — воскликнул Василий Лычков. — Сейчас нас будут бомбить.

Немецкие самолеты тем временем сделали разворот и с включенными сиренами обрушились на боевые порядки бригады. Я видел, как автоматчики оставили броню танков и рассыпались по ржаному полю. От взрывов содрогалась земля, загорелись некоторые постройки. Рядом дружно застрочили пулеметы: это челябинцы открыли огонь по вражеским самолетам.

— Ложитесь! — крикнул кто-то из танкистов.

Раздался оглушительный грохот, взрывная волна отбросила нас с Лычковым в сторону, и тотчас рухнул дом. Я с трудом выкарабкался из-под обломков. В ушах стоит неистовый звон. Пытаюсь идти, но меня бросает из стороны в сторону. Подбегает окровавленный Лычков.

— Что с тобой? Ранен? — спрашиваю его.

— Никак нет, просто поцарапан.

— Тогда вызывай сюда машину с радиостанцией.

Крайне тяжелая обстановка вынуждала меня связаться с командиром корпуса. «Наверное, он не знает в полной мере истинного положения перед фронтом бригады, — думал я. — Надо доложить ему».

Оглушенный взрывом, я с трудом добрался до танка, расположенного в воронке, образовавшейся от разрыва большой бомбы. Мимо меня по огороду санитарки Маша Бахрак и Лида Петухова кого-то несли на носилках. Я остановил девушек, приподнял покрывало:

— Ранен?

— В грудь, — с трудом проговорил воин.

Лицо раненого показалось мне знакомым. Это не тот ли лейтенант из второго батальона, чей танк на учениях первым ворвался на фланг? Кажется, он.

— Лейтенант Пеху?

— Он самый, товарищ комбриг, — тихо проговорил офицер. — Жаль, рановато. Вылечусь — и снова к челябинцам.

Я крепко пожал раненому руку.

— Выздоровливай, товарищ Пеху, ждем тебя. У Днепра и даже раньше.

Впоследствии выяснилось, что танк лейтенанта А. А. Пеху одним из первых вышел на окраину деревни Борилово, занятой свердловчанами, и с ходу устремился на вражеские позиции. Горячий по натуре, лейтенант рвался в атаку. Немцы обнаружили танк и открыли по нему огонь. Лейтенант приказал механику-водителю сержанту Сотникову увеличить скорость. Фашистские снаряды рвались рядом, но цели не достигли. И вдруг случилось непредвиденное: тридцатьчетверка подорвалась на mine.

— Только не робеть, ребята, — подбадривал членов экипажа лейтенант. — Сейчас залатаем гусеницу и снова двинемся вперед.

Танкисты живо принялись за дело и уже успели натянуть гусеницу, когда попали под сильную бомбежку. Осколки снаряда оборвали жизнь стрелка-радиста, ранили лейтенанта Пеху.

В тыл прошло еще несколько раненых солдат. «Может быть, и убитые уже есть, — подумал я, — а бригада по существу еще не вступила в бой».

Подъехала машина с рацией. Начальник радиостанции старший сержант Виктор Колчин доложил: связь со штабом корпуса есть. Я попросил к микрофону генерала Г. С. Родина, доложил обстановку и, конечно, не преминул сказать, что меня неправильно ориентировали — никакого прорыва обороны противника в действительности нет. Я просил комкора помочь нам артиллерией и авиацией.

Генерал приказал закрепиться на данном рубеже.

Солнце скрылось за горизонтом, наступил вечер. Пошел проливной дождь. Противник прекратил стрельбу.

Я отдал распоряжение: личному составу бригады временно перейти к обороне, зарыться в землю. Люди приступили к инженерным работам.

РЫВОК ВПЕРЕД

Командный пункт бригады обосновался в небольшом деревянном домике. В одной из комнат собрались офицеры штаба. Кременецкий сообщил о наших потерях. Они достигли тридцати человек. Большинство ранены, но есть и убитые. Это сообщение усилило душевную боль. Я думал о коммунисте сержанте Резнике, который одним из первых ворвался на позиции врага, рядовых Викторове и Одинцове, уничтоживших в рукопашной схватке нескольких гитлеровцев. И сейчас, спустя десятки лет, память цепко хранит имена тех челябинцев, кто в первом бою сложил голову ради счастья жен, матерей, дочерей и сыновей.

В первом батальоне один танк подорвался на mine и один подбит. Заместитель командира бригады по технической части инженер-подполковник Василий Ильин тут же заверил:

— Ремонтники капитана Дирипенко уже эвакуировали поврежденные машины. К рассвету они будут в строю.

Офицеры штаба нанесли на карту разведанные цели, расположение минных полей.

Я спросил начальника инженерной службы бригады капитана П. В. Полубояринова:

— Успеем за ночь сделать хотя бы по одному проходу на роту в минных полях?

— Постараемся, — заверил меня инженер.

Вместе с саперами на разминирование вышли и разведчики. Командиру батальона автоматчиков капитану А. С. Голубеву и командиру роты 82-миллиметровых минометов старшему лейтенанту Сунцову было приказано быть готовыми прикрыть огнем саперов и разведчиков.

Я не успел сосредоточиться над картой, как в комнату вошел генерал Г. С. Родин. Его сопровождал командующий артиллерией корпуса полковник В. И. Соколов и еще какой-то подполковник, которого я не знал.

Командир корпуса не скрывал, что его очень тревожит положение дел на участке нашей бригады.

— Что тут у вас, Фомичев, докладывайте, — строго сказал он. — Командарм интересуется. Уже дважды звонил.

Я коротко доложил обстановку. Генерал Родин взглянул на испещренную знаками карту, освещаемую коптилкой, с недоверием спросил:

— Это столько целей на таком небольшом участке? А откуда данные?

— Выявлены в ходе развертывания первого батальона и разведчиками бригады.

Генерал молча осмотрел карту и уже спокойно заметил:

— Молодцы ваши разведчики, но учтите: завтра будет нелегко. Слов нет, район укреплен основательно, немцы, видимо, до последнего будут драться за этот рубеж. К рассвету подготовиться к атаке. Время атаки будет уточнено.

— Поможем артиллерией, — пообещал полковник Соколов.

В дверь с термосом в руках протиснулся повар П. Р. Кочетков. Приятный запах жареного мяса наполнил комнату.

— Да тут у вас ужином пахнет? — неожиданно сказал генерал.

Я спохватился и стал приглашать генерала и сопровождавших его офицеров к столу.

— Как-нибудь в другой раз, спешим к свердловчанам. — Комкор тепло попрощался и пожелал нам удачи.

Я вышел проводить гостей. Ночь была темная. Перестал лить дождь, но тучи висели низко над землей. Было тихо, все как бы притаилось в ожидании чего-то. Лишь изредка тишину рвали звуки коротких пулеметных очередей. Зато часто вспыхивали ракеты: фашисты чувствовали себя беспокойно.

Из темноты показался человек. Я узнал инженера бригады.

— Как там?

— Порядок, товарищ комбриг, — ответил Полубояринов. — Саперы проделали несколько проходов. К утру управятся. Хорошо работают солдаты отделения сержанта Астахова. — И уже совсем тихим голосом добавил: — Разведчики во главе со старшим сержантом Соколовым уже за линией фронта. Проводили мы их.

Я вернулся в комнату.

— Выкладывай, Прокопий Романович, что там у вас, — обратился я к повару.

Он быстро разложил на столе алюминиевые миски, наполнил их гречневой кашей и кусками мяса. Офицеры штаба приступили к еде. Ели молча. Но не успели мы опорожнить миски, как на улице поднялась интенсивная стрельба. Мигом выскочили на крыльцо. Рядом разорвалась мина, и осколки резанули по стене дома. В воздух одна за другой взлетели ракеты. Неужели противник задумал контратаку?

— Связь с батальонами есть? — спросил я радиста.

— Так точно, — ответил старший радист сержант С. В. Кестер.

Допытываюсь у комбатов, что случилось.

— Немцы почему-то всполошились и открыли беспорядочный огонь, — последовал ответ.

— Быть готовыми ко всему. В случае контратаки — отразить.

Но стрельба неожиданно прекратилась, погасли ракеты. Только спустя несколько минут выяснилось: переполох в стане врага был связан с действиями наших разведчиков. Группа разведчиков во главе со старшим сержантом Александром Соколовым по ржаному полю и кустарникам добралась до переднего края противника и благополучно миновала минное поле. Им сразу же повезло. Немцы ушли на ужин, оставив в траншее наблюдателя. Тот пригнулся, чтобы прикурить сигарету от зажигалки. Этим моментом и воспользовались разведчики. Они бросились на фашиста, всунули ему в рот кляп и утащили к себе. Вскоре гитлеровцы заняли свои места в траншее. Кинулись, а наблюдателя нет. Подняли тревогу и тотчас открыли беспорядочную стрельбу.

Пленный оказался солдатом 253-й пехотной дивизии, которая обороняла перед нами участок. От него нам удалось узнать кое-какие сведения.

Всю ночь солдаты-челябинцы готовились к атаке. Не сомкнули глаз и офицеры штаба, находившиеся на наблюдательном пункте. Дважды меня вызывал к аппарату командир корпуса. Он поблагодарил за пленного, а позже сообщил: боевой порядок бригады остается прежним, автоматчиков десантировать на танках.

Утро. Яркое, солнечное. Смотрю на часы: стрелка приближается к 9.30. И вот раздается грохот орудий.

Огневой налет длился несколько минут. И сразу же пошли вперед танки. Но немцы встретили их сильным огнем. Я понял: артиллерийский налет не дал желаемых результатов — объекты врага, в частности противотанковые орудия, не были уничтожены и теперь грозили нам большой неприятностью.

В эфире слышались первые голоса командиров. Они на ходу уточняли задачи подчиненным, нацеливали их на уничтожение огневых средств противника.

Мне хорошо было видно, как к обороне врага подходили танки, ведя интенсивный огонь на ходу и с коротких остановок. Разрывы снарядов плотно ложились на позициях противника. Казалось, что на левом фланге обозначился успех — танки вот-вот ворвутся в расположение врага. Но это только казалось. На самом деле до успеха было далеко. Противник разгадал опасность танкового прорыва и выдвинул противотанковую батарею, которая тут же открыла огонь по батальону Федорова. Через минуту я услышал тревожный голос комбата:

— Батарея противника преградила путь танкам. Прошу срочно подавить ее.

Но чем ее подавить? В моем распоряжении была лишь рота 82-миллиметровых минометов. Но ею полностью задачу не решить. Нужна артиллерийская поддержка старшего начальника. А время не ждет.

Телефонистка Аня Пашенцева соединила меня с командиром минометной роты Сунцовым. Я сообщил координаты батареи врага и поставил задачу.

— Понял вас, — коротко ответил в трубку командир роты.

Через три-четыре минуты в районе расположения вражеской батареи вспыхнули фонтанчики: там рвались мины.

Мне стало жарко. Я снял фуражку с шоферскими очками, вытер вспотевший лоб. Снова прильнул к приборам наблюдения. Меня тревожил правый фланг, по которому противник вел интенсивный огонь. Комбат первого танкового батальона майор Степанов доложил:

— Без подавления противотанковых средств противника идти вперед рискованно: потеряем много танков. Дайте артогня.

Через минуту такая же просьба вновь поступила и от комбата Федорова.

Но у меня не было артиллерии. Единственное, что я мог сделать, — это подбросить автоматчиков. Посоветовался с Кременецким.

Вскоре, получив приказ, роты Одинцова и Радченко рассыпались в цепь. По колено в грязи бойцы с трудом преодолевали овраг, проходивший вдоль фронта. Автоматчики, пулеметчики, петеэровцы с криками «ура» бросились на вражеские укрепления. Но тут они напорились на стену заградительного огня. Остановились танки, залегли автоматчики. Мы начали нести потери.

Лишь танк Бучковского и взвод автоматчиков Михейкина, действовавшие левее, продолжали пробиваться вперед. Их решимость и воля увенчались успехом: войны вклинились в расположение врага, захватили на его позициях небольшой клочок земли.

Фашисты неистовствовали: они вели ожесточенный минометно-артиллерийский огонь по боевым порядкам танковых батальонов. Но особенно гитлеровцы напирала на взвод Михейкина, намереваясь отрезать ему пути отхода и захватить бойцов в плен. Силы были явно неравными.

Танк Бучковского, маневрируя, неожиданно влетел в глубокую воронку и застрял. Рядом враг. Танкисты не оставили машину, продолжая отбиваться от гитлеровцев.

Мне передали радиogramму: «Веду бой с пехотой, боеприпасы кончаются. Будем драться до последнего. Лейтенант П. Бучковский».

Я тут же продиктовал ответ: «Молодцы! Благодарю за храбрость. Помощь будет оказана. Комбриг».

Приказываю комбату Федорову послать на выручку экипажу танковый взвод. Лейтенант Иван Тарадымов, получив задачу, направил танки вперед. Однако проскочить открытый участок машины не смогли. Немцам удалось поджечь один танк. Две другие машины еще дважды попытались пробиться к смельчакам, но не смогли: немецкие орудия непрерывно вели прицельный огонь.

В этот критический момент мне доложили, что тяжело ранены комбат автоматчиков капитан Голубев и начальник штаба этого батальона младший лейтенант Покрищук. Я тут же приказал старшему лейтенанту Новокрещенову вступить в командование батальоном.

Гитлеровцы снова обрушили на нас шквал огня. Огневое кольцо постепенно сжималось.

— Товарищ комбриг, только что доложили: смертельно ранен командир первого танкового батальона майор Степанов, — взволнованно сообщил радист.

Час от часу не легче. Один за другим из строя выбыли командиры двух батальонов. А враг остервенело рвется вперед. Кто бы мог возглавить первый танковый батальон? Перебираю в памяти командиров рот, офицеров штаба. Выбор падает на капитана Чиркова, начальника штаба этого же батальона. Он — офицер опытный, сумеет взять управление боем в свои руки.

Я подзываю капитана И. П. Гаськова, заместителя начальника оперативного отделения штаба.

— Сейчас же отправляйтесь в первый батальон. Передайте приказ капитану Чиркову: принять командование батальоном.

Гаськов под грохот разрывов вражеских снарядов вовремя прибыл на позиции танкового батальона. И вот уже капитан Чирков отдает распоряжения, организует усилия людей. Огонь по врагу становится все сильнее. В неравной схватке танкисты сумели отразить контратаку.

Итак, этот день не принес нам успеха. Бригада не смогла пробить брешь во вражеской обороне. Я тяжело переживал неудачу, досадовал, что мы оказались без артиллерийской поддержки.

К вечеру бригада начала закрепляться вдоль оврага на достигнутом рубеже. Офицеры штаба собрались в наспех оборудованном блиндаже. Мы анализировали боевые действия подразделений, изыскивали возможности решения задачи. В это время зазвонил телефонный аппарат. Я поднял трубку. Командир второго танкового батальона Федоров доложил:

— С запада летят немецкие самолеты.

По радию я связался с командирами батальонов и приказал укрыть людей в щелях, окопах, траншеях.

«Юнкерсы» летели тремя большими группами на небольшой высоте. Их прикрывали около десяти истребителей. Но вот из облаков вынырнули два наших «ястребка». Они набросились на бомбардировщики, когда те входили в крутое пике. В какой-то мере «ястребки» помешали «юнкерсам» — прицельного бомбометания не по-

лучилось. Но от бомбежки вздрагивала земля и в нашем блиндаже поскрипывало бревенчатое перекрытие. Погасла коптилка. Стало темно.

С оглушительным треском рвались бомбы и вдоль оврага. Заметно было, что фашисты торопятся и бомбят паугад. Вскоре улетел последний «юнкерс». На нашу бригаду было сброшено более сорока бомб разного калибра. К счастью, этот налет не причинил нам вреда. Даже уцелела телефонная связь с подразделениями. Неповрежденной оказалась и боевая техника.

Мы продолжили прерванное было совещание в блиндаже. К тому времени артиллерийско-минометный огонь противника начал заметно ослабевать. Что бы это значило? Уж не собрались ли гитлеровцы под шумок бомбежек и артобстрелов отойти на новый рубеж? Вскоре это предположение подтвердилось: разведчики захватили пленного, и тот показал, что немцы понесли большие потери и готовятся отходить на юго-запад.

А что, если атаковать противника ночью, сорвать ему организованное отступление? Офицеры штаба, с которыми я поделился этой мыслью, поддержали меня.

— Подготовиться к ночной атаке! — тут же был передан боевой приказ во все подразделения.

Танкисты быстро привели в порядок технику, произвели дозаправку машин, пополнили боеприпасы. Офицеры штаба и политотдела побывали в подразделениях, рассказали о героических действиях отличившихся — о танкистах лейтенанта Бучковского, автоматчиках взвода младшего лейтенанта Михейкина.

Коммунисты проводили беседы, воодушевляли людей на новые ратные подвиги. Из рук в руки переходили листки-молнии. Их с интересом читали бойцы. Листки рассказывали о людях, проявивших отвагу и мужество в жаркой схватке с врагом. Освещались и другие вопросы: дисциплина в бою, взаимная помощь и выручка, сохранение боевой техники.

Я побывал в боевых порядках танковых батальонов, уточнил их задачи, беседовал с командирами об особенностях боевых действий ночью.

Встретился я и с автоматчиками. Они тихо переговаривались между собой, переживая постигшие нас неудачи. Важно было вновь вернуть людям боевую активность. Поэтому в своих беседах я подчеркивал, что

ночной бой мы выиграем наверняка. Вместе с тем я выяснял, как бойцы знают свою задачу, с какими танковыми экипажами пойдут в атаку, как в темноте будут выдерживать заданное направление. Беседы показали: люди верят в свои силы.

— Можете на нас положиться, товарищ комбриг, — заверяли челябинцы.

Эти парни, вчерашние токари и слесари, рабочие и колхозники, чаще меня называли не по званию, а по должности. Где бы я в тот вечер ни появлялся, они меня тепло встречали, рассказывали о первом бое, с сожалением говорили, что не смогли за день «раскусить орешек».

Около закопанного танка, прямо на траве, расположились коммунисты танковой роты, которой командовал старший лейтенант К. В. Бахтин. О броню облокотился инструктор политотдела майор Онищук. Идет партийное собрание. Повестка дня: «Прием в партию лучших бойцов». Выступают механик-водитель Сурков и другие коммунисты, которые видели, как рядовой Жилин дрался в бою. У всех одно мнение: принять товарища Жилина кандидатом в члены ВКП(б).

Часа через два я возвратился на командный пункт. Здесь меня поджидал начальник политотдела 197-й Свердловской бригады подполковник И. Г. Скоп. С Ильей Григорьевичем мы были знакомы мало, но встретились, как старые друзья. Подполковник информировал нас о действиях Свердловской бригады, а мы ему рассказали о своих делах и заботах. С его помощью были решены некоторые вопросы взаимодействия. Мы тепло расстались с подполковником Скопом. Впоследствии мне не раз доводилось встречаться с этим политработником, и я по сегодняшний день с теплотой вспоминаю о нем.

Было уже темно, когда я вышел из блиндажа. Медленно, словно нехотя, наступала ночь. Тянуло прохладой. Стояла необычная для фронта тишина. Я взглянул на часы. Пора. Тотчас ударили приданные бригаде орудия. Снаряды с воем полетели на врага. Огонь открыли наши танкисты, пулеметчики и автоматчики.

На левом фланге дружно ринулись на врага танкисты рот Бахтина и лейтенанта Е. Н. Кузнецова. От них не отставали автоматчики. Они вплотную подошли к позициям противника, и вот уже во вражескую траншею по-

летели гранаты. Танки, перевалив через траншею, пошли дальше. Танк Акиншина налетел на противотанковое оружие и подмял его гусеницами.

В обороне противника была пробита небольшая брешь. Я потребовал от комбатов усилить нажим на врага. Танки продолжали крушить его огневые средства, уничтожать живую силу.

Мы начали расширять прорыв и преследовать отступающего противника. За ночь подразделения бригады сумели продвинуться вперед на пять — шесть километров. Это был уже успех.

Наступил рассвет.

— Справа отходящая колонна противника, — доложил командир танка Лычков и указал ориентир.

Я принял к прибору наблюдения. Действительно, группа колесных и гусеничных машин, в том числе танки, отходила в сторону населенного пункта Злынь. Значит, наш замысел удался.

Враг, видимо, решил, что мы его окружаем, и начал поспешно отходить, двигаясь параллельно нашему маршруту.

У меня созрело новое решение: ударить по отступающей колонне машин. Тотчас были выдвинуты на прямую наводку артиллерийская батарея и взвод танков. Огонь по подставленным бортам немецких танков был эффективным. Запылали три машины. Из «фердинандов» и «пантер» выскакивали гитлеровцы, но тут же попадали под пулеметные очереди.

— Молодцы, артиллеристы! Молодцы, танкисты! Еще дайте огонька! — передал я по радиации.

Горели подбитые танки. Сплошной дым окутал землю. Слева от меня показалась небольшая высотка, поросшая мелким кустарником.

— Жми на высотку, — последовала команда механику-водителю Мурашову.

В кустарнике на высоте наш танк остановился. Впереди простиралось пшеничное поле, слева от которого тянулась небольшая рощица. Она привлекла мое внимание, и не зря. В тот же миг из-за нее показалось несколько танков, вслед за которыми бежала пехота. Стало очевидным: противник наспех подготовил контратаку, пытается задержать наше продвижение.

Я связался по радиации с командиром второго батальона.

— Говорит первый, как слышишь меня? Прием!

— Слышу вас пло...

— Двадцать второй, двадцать второй, говорит первый...

В ответ молчание. Оборвалась связь. Как быть? Связаться с командиром первого батальона? Но ведь его нельзя снимать с правого фланга, да и времени на переброску уйдет много.

Между тем немецкие танки уже шли на нас. Выход был один — связаться с кем-либо из командиров рот и взводов. Радист Петров нашел нужную частоту. Мне кто-то ответил. Я открытым текстом спросил, с кем имею дело.

— Лейтенант Акиншин вас слушает, товарищ комбриг, — узнал он меня по голосу.

Я кратко изложил обстановку и приказал организовать отражение контратаки.

— Вас понял. Рядом со мной еще два наших танка. Все будет в порядке.

Вскоре три танка выдвинулись влево и укрылись в густой пшенице. Немцы, не подозревая о засаде, продолжали продвигаться вперед. И угодили прямо под огонь наших танкистов. Внезапность ошеломила гитлеровцев, их танки начали пятиться назад, а пехота попыталась спрятаться в роще. Отступающих настигли снаряды и меткие пулеметные очереди. Загорелся один фашистский танк, другие торопливо ретировались.

Не скрою, в эти минуты я испытывал большую радость. Солдаты немецкой дивизии поспешно отступали на юго-запад. Вскоре мне все же удалось связаться по рации с командиром второго батальона.

— Как идут дела?

— Отлично, товарищ первый. Вижу отдельные строения и ветряную мельницу. Кажется, Злынь.

— Действуй, Федоров, но смотри в оба...

— У меня все хорошо, — доложил командир первого батальона Чирков. — Немцы поспешно отступают. Только что догнал их тылы. Часть машин раздавил, несколько немцев сдались в плен.

— Не останавливайтесь, вперед на Злынь!

Я распорядился посадить автоматчиков на броню танков.

Сминая небольшие заслоны, танки успешно продвигались вперед, давили грузовики и повозки, в упор расстреливали бегущих гитлеровцев.

— Вышел на окраину деревни Злынь, преследую отходящего противника, — сообщил Чирков.

Такой же доклад последовал и от комбата Федорова. Он добавил, что его подчиненные подбили пять средних танков и уничтожили в Злыни несколько огневых точек.

— Хорошо, Василий Александрович! После боя представьте к награде отличившихся.

А тем временем немцы, сосредоточив крупные силы на небольших высотах за Злыню, встретили челябинцев мощным заградительным огнем. Последовали тревожные доклады. Противнику удалось подбить три наших танка и одно орудие. Наступление пришлось приостановить.

Я связался по радиации с генералом Г. С. Родиным.

— Целый час вас ищу, где вы пропадали? — упрекнул меня командир корпуса. — Доложите обстановку.

— Бригада овладела деревней Злынь, вышла на ее западную окраину. Встретив там упорное сопротивление, закрепляется на достигнутом рубеже.

Родин недоверчиво переспросил:

— Говорите, на западную окраину деревни Злынь? Не может быть. Дайте точные координаты.

Я вновь повторил то же самое. Генерал уже повеселевшим голосом сказал:

— Спасибо, Фомичев, передайте челябинцам мою благодарность. Держитесь...

И только теперь я понял, что бригада оказалась в нелегком положении. Правый и левый фланги наступающих соседей далеко поотстали от нас, и мы оказались в тылу у противника. Теперь задача сводилась к тому, чтобы удержаться на достигнутом рубеже до подхода главных сил корпуса.

На исходе был первый августовский день. Саперы готовили новый наблюдательный пункт — полусгнивший сарай, из которого хорошо просматривалась неприятельская оборона. Танки мы расположили так, чтобы между ними поддерживалась тесная огневая связь. Вдоль дороги, ведущей в Злынь, огневые позиции заняла батарея 76-миллиметровых орудий Шабашова.

К вечеру на нашем участке прекратилась стрельба. Офицеры штаба разошлись по подразделениям, чтобы на

месте помочь организовать оборону. Раненых отправили в медпункт, и я тотчас по телефону разыскал командира медсанвзвода Кириллова и приказал ему поскорее эвакуировать их в медсанбат.

— Все будет сделано, — заверил меня капитан медицинской службы. — Их у нас немного — семь человек, сделаем перевязки — и в тыл.

Не успел я положить трубку, как старший сержант Колчин позвал меня к радию.

— Злынь освободили? — слышался приглушенный голос. Я без труда узнал: говорил командарм.

— Так точно, товарищ командующий.

Генерал-лейтенант В. М. Баданов тепло отозвался о челябинцах, приказал закрепиться на достигнутом рубеже, пообещав оказать помощь.

Через час начальник штаба информировал меня о наших потерях. С болью я воспринял сообщение о гибели экипажа лейтенанта Павла Бучковского. Когда мы начали наступать, ночью к обгоревшему танку «Челябинский пионер» удалось прорваться роте Бахтина. Члены экипажа П. И. Бучковский, В. Г. Агапов, М. Г. Фролов и В. И. Русанов сгорели. Возле гусеницы был найден пистолет ТТ. В его стволе записка. Перед смертью офицер Бучковский написал: «Жаль, что так рано приходится расставаться с жизнью. Повоевали немного, но успели убить более сотни гитлеровцев. Отомстите за нас, друзья. Прощайте!»

ЧЕЛЯБИНЦЫ НЕ ДРОГНУТ

Всю ночь не умолкал телефонный аппарат. Звонили командиры батальонов и приданных подразделений, работники штаба и политотдела, находящиеся на передовой. Одни просили пополнить боеприпасы, другие — помочь артиллерией, третьи докладывали о потерях, а иные просто советовались по тем или иным вопросам.

Среди ночи на командный пункт возвратился начальник политотдела подполковник Богомолов. Счищая щепкой грязь с сапог, он неторопливо рассказывал о настроении людей, о готовности каждого из них до конца выполнить задачу, поставленную перед бригадой.

— Политотдельцы, — сообщил Богомолов, — уже успели побывать во многих отделениях и взводах, провели

с бойцами беседы, рассказали об отличившихся танковых экипажах Бучковского, Акиншина, Пупкова, Тарадымова, Коротеева, призывали равняться на героев.

Наш разговор прервал телефонный звонок. Я поднял трубку.

— Докладывает Кременецкий, к нам прибыла подмога — артдивизион из двух батарей. Где прикажете их расположить?

Я поспешил к артиллеристам. Познакомился с командиром дивизиона, рассказал ему об обстановке, поставил задачи. Вскоре батареи дивизиона уже занимали огневые позиции на флангах бригады.

Правда, на левом фланге огневая позиция была выбрана неудобно — в низине, и подход к флангу остался, по существу, неприкрытым. А на этом фланге мы ожидали контратаку противника, о чем пришлось напомнить артиллеристам. Они срочно меняли огневые позиции, произвели инженерные работы.

На командный пункт я возвратился к утру усталым. Часов в девять принесли завтрак. Но прикоснуться к нему никто из работников штаба не успел. С высоток ударило несколько орудий противника. Я вскинул бинокль. Из окопов выскакивали гитлеровцы и со вскинутыми наперевес автоматами бежали в нашу сторону.

— Танки! — крикнул начальник разведки капитан Ф. И. Приходько.

Грузно переваливаясь, около двадцати танков двигалось по полю. За ними, прижимаясь к бронированным машинам, бежала пехота. Было ясно: фашисты решили нас контратаковать.

В двухстах метрах от первой группы шла вторая — средние танки с десантом автоматчиков. Немцы намеревались мощным бронированным кулаком смять подразделения бригады, отбросить за Злынь.

Я знал и верил, что челябинцы не дрогнут перед этой лавиной. Закопанные танки открыли ответный огонь. Ударили наши пулеметы и противотанковые орудия. Постепенно редела цепь контратакующих. «Тигры» вели огонь на ходу. Некоторые из них остановились, объятые пламенем. Другие продолжали продвигаться вперед.

Два танка наскочили на мины и подорвались. Шедшие за ними «тигры» остановились, попятились назад. Залегла немецкая пехота. Однако часть танков пыта-

лась вбить клин на стыках двух наших батальонов и вдоль дороги осторожно продвигалась по ржаному полю.

На этом направлении огневые позиции занимала батарея Шабашова, в которой осталось три орудия. Удержатся ли артиллеристы?

В воздухе появилась группа «Юнкерсов-88». Самолеты сбросили бомбы, которые разорвались в районе батареи 76-миллиметровых пушек. Вторая группа «юнкерсов» подвергла бомбардировке правый фланг.

Танки противника уже приближались к нашим позициям. Меня тревожило: почему молчат артиллеристы? Прошу Аню Пашенцеву соединить с батареями.

— Связь оборвалась, — ответила девушка. — Разрешите, я сейчас восстановлю?

Не успел я оглянуться, как она выбежала из блиндажа.

— Возвратите ее назад! — крикнул я ординарцу.

Собко побежал за ней, но Пашенцевой уже не было. Она словно растворилась в пламени разорвавшихся снарядов.

Аня Пашенцева, отважная и умная девушка, пользовалась всеобщим уважением в бригаде. Я удивлялся, когда она успевала все делать: тянула линию связи, устраняла повреждения, несла дежурство. Как-то накануне боя мы разговорились. До армии Аня работала в Челябинске. Едва упросила военкома, чтобы зачислили ее в бригаду. И вот теперь на наших глазах она бросилась в пекло, выполняя свой солдатский долг. Связь была восстановлена.

— Смотрите, дымит! — восторженно крикнул кто-то.

Батарея заговорила. Раздалось несколько артиллерийских выстрелов. Подбитый танк, из которого валил густой дым, описывал на месте круги, а другие продолжали ползти на батарею, отвечая огнем на залпы артиллеристов. Потом и они нехотя отвернули влево. Наткнувшись на сильный огонь на стыке, противник повел наступление в обход, на левый фланг второго батальона. Фашисты решили, видимо, добиться своего — отбросить нас с занятого рубежа.

Я связался по телефону с командиром приданной батареи:

— В сторону вашего фланга идут танки. Удержитесь?

— Не подкачаем, — заверил меня старший лейтенант Вялкин.

— Желаю удачи.

На левом фланге завязалась огневая схватка. С наблюдательного пункта нам хорошо было видно, как вспыхнули два фашистских танка, а другие вынуждены были уйти за линию своих траншей, к ржаному полю. Вскоре смолкли орудийные выстрелы, на время наступила тишина.

Я понимал — радоваться еще рано: фашисты нас в покое не оставят. Пока связывался с батальонами, в небе показалась новая группа «юнкеров». Они вытянулись в цепочку, начали сбрасывать бомбы на боевые порядки бригады. Я глядел на заходящие в пики самолеты с черными крестами и с тоской думал, как нам не хватает зенитных орудий.

Один из «юнкеров» как-то неестественно завилял и, окутанный дымом, начал отворачивать в сторону. Самолет охватило пламя, и он плюхнулся в рожь. Это был первый вражеский самолет, сбитый зенитчиками бригады.

Через несколько минут гитлеровцы вновь начали давить на наш фланг. Одна группа танков, вслед за которой двигалась пехота, наносила удар справа, другая группа, насчитывавшая десять танков, пыталась пробиться на стыке танковых батальонов. Позже мне стало известно, что здесь особенно отличился орудийный расчет сержанта Петра Левшунова. Левшунов был, пожалуй, старше всех своих земляков. А оказался он в бригаде вот как. Когда стали подбирать добровольцев, Петр Андреевич, ветеран гражданской войны, работал слесарем-инструментальщиком на Челябинском тракторном заводе. Он написал заявление на имя начальника цеха, но получил отказ. Дома Петр Андреевич посоветовался с женой и пошел в военкомат.

— Вы здесь нужны, — уверяли его.

Но Левшунов стоял на своем.

— Мой старший сын погиб под Москвой, я отправил на смену младшего и сам хочу мстить врагам, — доказывал он военкому.

И вот солдат-коммунист, парторг батареи Левшунов уже в первых боях на орловской земле показал себя храбрым и отважным воином.

...Гитлеровцы продолжали наступать. Маскируясь в высокой ржи, их танки вплотную приблизились к нашему переднему краю. Челябинцы пустили в ход противотанковые гранаты.

В том бою отличились многие. Хочется упомянуть имя автоматчика рядового Тимошенко. Его окружили до десяти гитлеровцев. Но боец не растерялся. Он гранатами забросал их. Подвиг во имя Родины совершил и стрелок-радист сержант Дмитрий Николаев. Когда его танк оказался подбитым, Николаев с автоматом в руках занял огневую позицию, метко бил по гитлеровцам. Те засекли окоп смельчака и решили взять советского воина в плен. Николаев отбивался до последнего патрона, а когда вышли боеприпасы, вместе с гитлеровцами взорвал себя.

В те дни ожесточенные бои развернулись на подступах к Орлу. С севера, востока и юга наши войска все ближе подходили к городу. Нависая с севера, наша бригада вместе с другими частями корпуса создавала для противника угрозу окружения. Челябинцы смело уничтожали фашистскую нечисть. 5 августа 1943 года Орел был взят. Эта весть быстро облетела добровольцев. Стихийно возникали митинги, воины клялись и впредь беспощадно бить врагов, изгоняя их с родной земли. Салют Москвы озарил начало нашего боевого пути, возвестил всему миру об освобождении города Орел. В тот день я был безмерно счастлив. Ведь с Орлом у меня было связано многое. Здесь я окончил военное училище в 1937 году, а затем более года в нем служил командиром взвода.

5 августа наш корпус получил новую задачу: с рубежа Ильинское, Гнездилово прорвать оборону противника и овладеть железнодорожной станцией Шахово.

Ночью мы совершили 70-километровый марш. К утру 6 августа наша бригада сосредоточилась в районе Коребейская, Шестаково. После авиационной и артиллерийской подготовки добровольцы рванулись вперед. Фашисты сопротивлялись с отчаянием обреченных. Челябинская бригада наступала на левом фланге корпуса и вскоре вырвалась вперед. Мощным ударом челябинцы взломали на своем участке фашистскую оборону и совместно с 30-й мотострелковой бригадой овладели населенными пунктами Китаево, Булгаково и Андросово.

Особенно сильные бои развернулись на подступах к Шахово. Обходным маневром наша бригада к исходу дня

8 августа ворвалась на окраины Шахово. На железнодорожных путях противник оставил эшелоны с награбленным имуществом, боеприпасами, продовольствием. Вскоре, однако, немцы предприняли мощную контратаку. Всю ночь шел ожесточенный бой. И все же утром станция была в наших руках.

В оперативной сводке Совинформбюро за 9 августа 1943 года сообщалось: «Западнее Орла наши войска, продолжая продвигаться вперед, заняли железнодорожную станцию Шахово (34 км западнее Орла) и ряд населенных пунктов. В боях на этом участке противник несет тяжелые потери в живой силе и технике... В районе железнодорожной станции Шахово только в одном населенном пункте нашими частями обнаружены десятки немецких танков, подбитых в последних боях огнем советской артиллерии. Захваченные на этом участке в плен солдаты и офицеры противника сообщили, что их 253-я пехотная дивизия в боях за последние три дня потеряла до половины своего личного состава». Нам было приятно читать эту сводку: наша бригада уничтожила до десяти немецких танков, более 500 солдат и офицеров и многих пленила.

9 августа на НП бригады, располагавшийся в районе Шахово, приехал генерал Г. С. Родин. Командир корпуса, обычно скупой на похвалу, тепло отозвался о челябинцах.

— Освободим Орловщину — представьте к награде наиболее отличившихся, — сказал он, вытирая платком вспотевшее лицо. — А сейчас слушайте новый приказ.

Генерал кратко изложил обстановку, данные о противнике и наших войсках. В 14.00 нам предстояло выступить в направлении Челищево, Прилепы, Клинск и нанести удар по гитлеровцам с целью перерезать шоссейную дорогу Брянск — Орел, последнюю коммуникацию, связывающую орловскую группировку врага с его тылом.

Генерал отбыл. Я вызвал командиров батальонов и рот, командиров приданных бригаде подразделений и поставил перед ними задачи. Времени оставалось немного. Офицеры быстро разошлись по подразделениям. В указанное время бригада снялась с занимаемого рубежа, а к вечеру подошла к речушке Лубна. В заболоченной пойме реки застревали танки, автомашины. Мы переправлялись целую ночь. На рассвете 10 августа вступили в бой.

11 августа бригада освободила населенный пункт Маяки, а к вечеру вышла на шоссе на дорогу Орел — Карачев. Вдоль шоссе мы расставили танки, артиллерию. Наступила ночь. Челябинцы окапывались, создавали оборонительные сооружения. Командиры торопили людей. Мы понимали, что враг вскоре заявит о себе. И не ошиблись. На рассвете наблюдатели доложили: со стороны Орла движется танковая колонна.

Нам пришлось выдержать тяжелый бой. Противник значительно превосходил нас в боевой технике. Его танки лезли напролом. На экипаж лейтенанта Акиншина двигалось пять средних танков. Храбрецы выстояли. Челябинцы Мордвинцев, Сурков, Марченко не отступили с занимаемого рубежа.

Немцы, видя, что в лоб идти бессмысленно, начали обтекать наши фланги. Но там мы предусмотрительно сосредоточили танки и артиллерию. Экипажи, которыми командовали офицеры Тарадымов, Пупков и Коротеев, сумели выдержать натиск врага.

Несколько дней мы удерживали дорогу Орел — Карачев. Бригада, другие части наших войск в ожесточенных боях обескровили в этом районе гитлеровцев. Понесли ощутимые потери и мы. Ряды челябинцев поредели. По пальцам можно было сосчитать оставшиеся в строю танки и автомашины.

Тридцать дней из пятидесяти, в течение которых продолжалась Курская битва, наша бригада провела в непрерывных боях. Уже одно это потребовало от танкистов-челябинцев исключительной выносливости и выдержки, неиссякаемого наступательного духа. Мы несколько раз ходили в наступление, отражали многочисленные контратаки противника, которые часто заканчивались рукопашной схваткой. И всегда люди бригады держались стойко, дрались мужественно.

Участие в Курской битве — одной из величайших битв Великой Отечественной войны — вызывало чувство гордости у всех моих однополчан. Ведь в этой битве был сломан хребет гитлеровской армии.

Размышляя о минувших боях, я приходил к выводу, что нам и впредь следует совершенствовать огневую выучку, учиться осуществлять на поле боя гибкое маневрирование. Оставляла желать лучшего и маскировка тан-

ков. Все это и многое другое вытекало из опыта боев на Курской дуге.

Через два-три дня мне удалось съездить в Орел. Город-красавец лежал в руинах. Я с трудом отыскал Садово-Монастырскую улицу. Здесь в доме номер двадцать девять я снимал когда-то квартиру. Меня тепло встретила хозяйка — Анна Андрияновна. От нее я узнал о судьбе ее двух сыновей — Юрия и Игоря. Они служили в Красной Армии.

Вечером долго бродил по темным исковерканным улицам. От боли сжималось сердце, и я мысленно поклялся отомстить фашистам за все их злодеяния.

ВПЕРЕД, НА ЗАПАД!

МЫ — ГВАРДЕЙЦЫ!

29 августа 1943 года наша бригада, как и другие части 30-го Уральского добровольческого корпуса, была выведена в резерв.

Наступила короткая передышка. Поредевшие подразделения бригады временно разместились в недавно освобожденном селе Широкое, Орловской области. Задымались бани, парикмахеры, которые нашлись среди бойцов, помогли товарищам привести себя в порядок. По вечерам голосисто переливались трели гармошек. Дни стояли на редкость погожие, теплые. Осень выдалась на славу.

В село возвращались жители. Они охотно угощали бойцов помидорами, огурцами, фруктами, а те делились с ними солдатским пайком. Вспоминали минувшие бои, погибших товарищей.

Мне хорошо запомнился день 10 сентября. С утра я был занят разработкой документа для штаба корпуса. В штабной автобус вошел бригадный почтальон рядовой Григорий Онуприенко. Он был с мешком, в котором оказались письма, не врученные бойцам и командирам, погибшим в боях.

— Что с ними делать, ума не приложу, — сказал Онуприенко.

Писем было немало. К адресатам они так и не попадут, и те, кто писал их, никогда уже не получают ответа. Передо мной и сейчас, как наяву, сиротливо лежат эти треугольники...

В деревне мы пробыли около двух недель. Затем разместились в густом сосновом лесу примерно в сорока километрах западнее Карачева. Застучали топоры, завизжали пилы. Бойцы отрывали землянки, сооружали себе жилье. Нам предстояло готовиться к новым боевым действиям.

А тем временем советско-германский фронт отодвигался все дальше и дальше на запад. Теперь мы уже были в глубоком тылу. Всюду видны следы минувших боев: обгоревшие фашистские танки, остовы автомашин, опрокинутые в воронки от авиабомб.

Командование бригады принимало все меры, чтобы быстрее наладить боевую учебу, жизнь и быт воинов. Саперы обезвреживали мины, бойцы других подразделений вытаскивали с территории палаточного городка поржавевшие мотки проволоки, исковерканные противотанковые орудия, засыпали воронки.

В конце октября позвонили из штаба корпуса:

— Принимайте молодое пополнение.

Спустя день-два пополнение уже было в нашем лесу.

Вместе с начальником политотдела Богомоловым мы вышли на полянку, где выстроились прибывшие бойцы. Новички выглядели молодцевато. На них красиво сидело новое обмундирование, ладно было подогнано снаряжение.

Мы остановились возле коренастого парня.

— Откуда прибыли? — спросил я.

— Из Челябинска, на тракторном работал.

— Все мы тут челябинцы, — весело отозвался другой боец.

— Вот и хорошо, товарищи. Надеюсь, будете достойной сменой павшим в боях героям.

— Это дело нашей чести, — ответил правофланговый, и его дружно поддержали новобранцы.

Когда распустили строй, нас окружила большая группа молодых бойцов. Разговор зашел о минувших боях. Я рассказал воинам о том, как храбро сражался челябинец сержант Дмитрий Николаев, взорвавший себя вместе с гитлеровцами связкой гранат, как метко бил по врагу из пушки бывалый солдат Петр Левшунов, с какой отвагой прикрывали боевые порядки танков от воздушного противника мотострелки батальона автоматчиков.

— И мы беспощадно будем бить гитлеровцев, — заверяли молодые бойцы.

— Верю вам, а пока что надо настойчиво учиться военному делу, — посоветовал я.

Начал прибывать и офицерский состав. На должность командира первого танкового батальона был назначен майор Гой (капитан Чирков возглавил штаб). Вместо

тяжело раненного в бою капитана Голубева командиром батальона автоматчиков стал капитан Приходько, а начальником разведки — старший лейтенант Валеев.

Расширился и штатный состав бригады: был введен третий танковый батальон, командиром которого стал капитан А. А. Маслов, а начальником штаба — старший лейтенант Злобин.

Сменились и мои заместители. Подполковника Панфилова заменил майор А. С. Кришталь, начальником штаба был назначен подполковник Я. М. Баранов, а вместо инженер-подполковника Ильина заместителем по технической части стал майор М. С. Дуэль. Прибывшие офицеры оказались опытными, хорошо знающими свое дело.

Бригада получила несколько учебных танков. В короткие сроки были оборудованы стрельбище, полигон, танкодром. Штаб, возглавляемый подполковником Барановым, разработал план боевой учебы, организовал занятия, добивался, чтобы каждая минута учебного времени использовалась для совершенствования боевого мастерства.

Мне нередко приходилось бывать на учебных полях, и я видел, с каким рвением готовили себя к последующим боям и воины-фронтовики, и прибывшие новички. И в этом немалая заслуга офицеров штаба и политотдела бригады. Они сумели пробудить у бойцов стремление быстрее овладеть своей специальностью.

23 октября 1943 года наш танковый корпус за успешное выполнение боевых задач на Курской дуге был преобразован в 10-й гвардейский Уральский добровольческий танковый корпус. Соответственно и все части корпуса были преобразованы в гвардейские.

197-я бригада стала 61-й гвардейской Свердловской танковой, 243-я бригада — 62-й гвардейской Пермской танковой, а наша 244-я бригада — 63-й гвардейской Челябинской танковой. 30-я мотострелковая бригада была переименована в 29-ю гвардейскую мотострелковую. Воины-челябинцы с гордостью стали говорить: «Мы — гвардейцы!» На митинге, который состоялся в честь вручения бригаде гвардейского Знамени, выступили многие бойцы, сержанты, офицеры. Страстно и взволнованно звучали их голоса. Здесь же было принято письмо землякам. В нем воины бригады, как и всего корпуса, сообщали о том, как в первых боях выполняли наказ трудящихся Урала. В письме говорилось:

«Уральцы, родные наши! Созданный вами 30-й Уральский добровольческий танковый корпус преобразован в 10-й гвардейский Уральский добровольческий танковый корпус. Это великая честь и высокая награда нашему соединению за проявленную отвагу в боях за Отечество... за стойкость, мужество, дисциплину и организованность, за героизм личного состава... Это также честь и слава вашему героическому самоотверженному труду... Вы, не досыпая ночей, напрягая всю силу воли, изготовляли сверх плана и на свои личные сбережения грозные танки и самоходные пушки, «катюши», артиллерийские орудия, минометы и автоматы, все прекрасное вооружение и оснащение. Вы одели и обули нас в далекий боевой путь и согревали нас в сражениях ласковой вестью, теплотой и заботой о наших семьях»¹.

В заключение гвардейцы клялись землякам, Родине, что и впредь будут беспощадны к врагам, отомстят за смерть друзей.

Бойцы и командиры, отличившиеся в боях, стремились вступить в ряды Коммунистической партии. Заявлений поступало много, батальонные партийные организации оперативно их рассматривали. Немало забот было и у партийной комиссии, которую в это время возглавлял гвардии майор Дудовцев. Помнится одно из заседаний парткомиссии. Парторг подразделения зачитал заявление гвардии старшего сержанта Н. С. Балашова с просьбой принять его в члены ВКП(б). Балашов писал, что и впредь, как коммунист, беспощадно будет изгонять врагов с родной земли, во имя Родины не пожалеет своей жизни. Этим словам нельзя было не поверить. Механик-водитель Балашов в первых боях на Орловщине показал себя смелым и отважным воином. На поле боя он умело маневрировал машиной, создавал благоприятные условия командиру экипажа старшему лейтенанту Белоусову, рядовым Стремилову и Кудинову для ведения прицельного огня. Особенно отличился Балашов во время боя за железнодорожную станцию Шахово. Он сумел незаметно провести танк в расположение немцев. Машина, за рычагами которой он сидел, одной из первых ворвалась на станцию.

¹ Партархив Челябинского обкома КПСС, ф. 288-к, оп. 1, л. 377, л. 120.

В ноябре неожиданно похолодало. Иногда шел снег. В отрытых землянках бойцы установили железные бочки из-под горючего, приспособили их под печки. Но в тепле отсиживаться было некогда. Дни и ночи войны бригады проводили на учебных полях. Частые тревоги поднимали гвардейцев среди ночи, в длительных маршах и походах войны приобретали закалку и мастерство, учились искусству побеждать сильного и коварного врага.

Вместе с личным составом по тревоге поднимались офицеры штаба и политотдела. Вся их деятельность была направлена на то, чтобы как можно быстрее подготовить молодое пополнение к боям, помочь командирам взводов и рот добиться высокой слаженности в экипажах, расчетах, отделениях.

В канун 26-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции позвонил начальник политотдела корпуса В. М. Шелунов.

— К вам жалуют гости из Челябинска, встречайте, да порадушнее, — сказал он.

— Вот кстати. Мы тут собираемся награды вручать отличившимся. В присутствии гостей это получится здорово.

Многие бойцы, сержанты и офицеры были удостоены правительственных наград приказом командира корпуса. Мне, как комбригу, также предоставлялось право от имени Президиума Верховного Совета СССР награждать личный состав орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги». По представлению командиров подразделений в приказ были внесены фамилии тех, кто в бою был бесстрашен, сообразителен, инициативен.

Началась подготовка к встрече делегации. Территория бригады выглядела чисто, уютно. Мы освежили песком дорожки, аллейки, бригадный плац. Ну и, конечно, навели порядок в землянках.

Личный состав бригады тепло встретил делегацию. Ее возглавлял заместитель председателя исполкома Челябинского областного Совета депутатов трудящихся Александр Григорьевич Дмитрин. В составе делегации были представители советских и партийных органов, труженики предприятий области. Среди них — заведующий военным отделом обкома партии С. В. Зиновьев, секретарь Сталинского райкома комсомола Т. С. Пермякова, работники предприятий города О. И. Яковлева, Н. И. Чер-

вякова-Черемных, муж и сын которой служили в нашей бригаде.

Члены делегации выступали в подразделениях. Они рассказали воинам-землякам об успехах трудящихся Южного Урала. Вспоминали и о том, как челябинцы формировали танковую бригаду, ставшую теперь гвардейской. В создании бригады, как поведал руководитель делегации А. Г. Дмитрин, самое непосредственное участие принял первый секретарь Челябинского обкома партии Николай Семенович Патоличев. Он занимался комплектованием бригады личным составом, заботился о ее вооружении, об обеспечении обмундированием, снаряжением, продовольствием. Во всем этом неоценимую помощь оказывал обком ВЛКСМ во главе с первым секретарем С. И. Колесниковым, общественные организации области.

Делегация вручила бойцам, сержантам и офицерам подарки. В ответ воины рассказывали о том, как они сражались на орловской земле, заверяли посланцев Челябинской области, что гвардейцы и впредь будут самоотверженно биться за Родину, до конца выполнят наказ своих жен, матерей, братьев, друзей. Встречи воинов с земляками были трогательными, волнующими.

Вспоминаю такой случай. В одной из землянок к руководителю делегации подошел магнитогорец механик-водитель танка гвардии сержант Андрей Витушкин. Вручая А. Г. Дмитрину письмо, он сказал:

— На митинге на проводах добровольцев выступал наш сталевар с металлургического комбината товарищ Мясников. Он сказал: «Бейте фашистскую гадину по-уральски!» Это письмо — наш отчет. Передайте землякам, что мы не посрамили славы советского оружия.

Памятным остался и день вручения наград. Вот из строя, чеканя шаг, выходит командир танка гвардии лейтенант Г. Л. Гончаров. Рослый, подтянутый, волевой. Таким он запомнился мне навсегда. Тепло жму лейтенанту руку, вручаю орден Красной Звезды. Офицер взволнованно отвечает:

— Служу Советскому Союзу!

В личном деле Гончарова было написано: «В бою бесстрашен, находчив. Личным примером умеет воодушевить подчиненных на образцовое выполнение поставленной задачи. За боевые дела и отвагу при обороне Сталинграда награжден орденом Красного Знамени».

В первых боях в нашей бригаде Гончаров подтвердил эти качества. Экипаж, которым он командовал, при отражении вражеской контратаки в районе Злыни уничтожил несколько бронированных машин и много пехоты.

Не могу не вспомнить, с какой радостью я вручил орден Красной Звезды и санитарке Маше Бахрак. Отважная девушка не раз рисковала жизнью при спасении раненых.

К столу подходит гвардии сержант Сергей Викторович Кестер — старший радист штабной радиостанции. Читатели помнят, в каких условиях оказалась бригада под Борилово. Было трудно, но Сергей Викторович сумел бесперебойно поддерживать связь с подразделениями. А ведь потерять управление в бою равносильно поражению. Я от всей души поздравил его с медалью «За боевые заслуги».

Торжественная церемония вручения наград окончилась. Люди разошлись по подразделениям. А на завтра с утра снова выходы в поле, на полигон, на стрельбище. Не за горами бои. Еще не освобождены Украина, Белоруссия, Молдавия, Прибалтика.

По плану штаба провели кратковременные сборы сержантского и офицерского состава. Так, с офицерами отработали некоторые темы ведения боевых действий днем и ночью, в особых условиях — бой в населенных пунктах, в лесистой местности и во время форсирования водных преград. Командирской подготовке мы уделяли большое внимание. Руководителями таких занятий были офицеры штабов бригады и корпуса.

Вместе с тем самое серьезное внимание уделялось одиночной подготовке бойца, сколачиванию подразделений. Ежедневно стрельбы, учения, марши.

...Вторые сутки идут тактические учения. Поднятые по тревоге подразделения совершили пеший 80-километровый марш. Труднее всего минометчикам. Опорные плиты, двуноги-лафеты, стволы больно трут плечи, сковывают движение. Нелегко было пулеметчикам и петеэровцам, радистам и телефонистам. Но вот грянул учебный бой, и с воинов будто рукой сняло усталость.

В атаку пошли танкисты первого батальона. Вслед за ними — автоматчики, пулеметчики. На поле, усыпанном снегом, скрываются окопы, ямы, траншеи.

Роты атакуют дружно. Мне хорошо видно, как автоматчики смело врываются в первую траншею, забрасы-

вают гранатами «противника». И снова вперед, вперед! Атакующие обошли высотку, устремились в брешь, пробитую в обороне. По радио уточняя задачу первому батальону. Гвардии майор Гой что-то долго соображает, прикидывает. А танки «противника» уже нацелились на правый фланг атакующих. И лишь тогда командир первого батальона начал разворачивать роты вправо. «Если так будет в бою, — подумал я, — верный проигрыш».

Впоследствии Гой оправдывался, что не сразу уяснил задачу: радиостанция вышла из строя.

Потом батальоны преследовали отходящего «противника». Вечером короткий отдых. Вспыхнули костры, пахло поджаренной хлебной коркой, салом.

Я подошел к минометчикам. Гвардии старший лейтенант Сунцов доложил: бойцы роты поужинали, отдыхают.

В неглубоком овраге весело потрескивали сухие поленья. Гвардейцы сгрудились у костра, выжидающе смотрят на меня.

— Что же вы притихли?

Вскоре люди разговорились. К ним вернулось прежнее боевое настроение. Гляжу на этих парней в солдатских шинелях — и не верится, что позади утомительный марш, атака на холмистой местности, «бой» в глубине обороны «противника».

Возле меня, обхватив ногами пень, примостился боец. Никак не припомню, где же я с ним встречался. Заметив мой пристальный взгляд, минометчик спросил:

— Не узнаете, товарищ гвардии подполковник?

— Не у высот ли Бориловских встречались?

— Так точно. Когда меня ранило, вы еще шинелью прикрывали, успокаивали: «Не горюй, Козминых, рана не очень страшная. Отлежишься в госпитале — и к нам». Я и послушался вашего совета, вылечился — и снова в роту. Боялся, не догоню.

Да, я вспомнил эту встречу. Фашисты с ожесточением обрушили на нас шквал огня из пушек и минометов. Несколько «юнкерсов» беспощадно сбрасывали тяжелые бомбы. Мой танк оказался подле огневых позиций минометчиков.

— Где командир роты? — спросил я у сержанта Ма-
раховского.

— Вон там, — командир расчета показал рукою в сторону.

Я приказал старшему лейтенанту прикрыть наш левый фланг. Тут-то и увидел окровавленного заряжающего Козминых. И вот новая встреча.

— В последующих боях будьте более осторожны, — начал было я.

— Уж извините, товарищ комбриг. Гвардии рядовой Козминых не из тех, кто кланяется пулям и осколкам и прячется за спину других. Воевать буду, как сын России. И не ручаюсь, может, и еще ранит, а то и убьет, но с огневой позиции не уйду.

Я крепко пожал Алексею Алексеевичу Козминых руку.

В тот вечер я побывал у танкистов и пулеметчиков, у батарейцев 76-миллиметровых орудий. Разговаривая с подчиненными, я мог безошибочно определить их настроения и желания. Из бесед сделал вывод: люди рвутся в бой, им хочется побыстрее выместить врага с родной земли. И это не только слова — гвардейцы успешно выполнили план боевой и политической подготовки. По долгу службы я доложил комкору, а потом и командарму, что личный состав бригады полностью готов к решению любой боевой задачи.

ЗДРАВСТВУЙ, УКРАИНА!

1944 год. 18 января войска Ленинградского и Волховского фронтов прорвали долговременную оборону противника и, нанося немецко-фашистским захватчикам ощутимые удары, погнали их от города Ленина. А спустя месяц была ликвидирована окруженная группировка фашистских войск на Правобережной Украине в районе Корсунь-Шевченковского.

Подразделения бригады находились в небольшом городке Васильков, что в 40 километрах от столицы Украины. Там мы и услышали эту радостную весть. Работники политотдела приняли сообщение Совинформбюро, размножили его на машинке.

Ко мне подошел начальник политотдела:

— Вы слышали, Михаил Георгиевич, последние известия? — И, не дожидаясь ответа, начал, подражая Левитану, читать: — «Войска 2-го Украинского фронта в результате ожесточенных боев, продолжавшихся непрерывно в течение четырнадцати дней, 17 февраля завершили

операцию по уничтожению десяти дивизий и одной бригады немцев, окруженных в районе Корсунь-Шевченковского.

В ходе этой операции немцы оставили на поле боя убитыми 52 тысячи. Сдалось в плен 11 тысяч немецких солдат и офицеров. Вся имеющаяся у противника техника захвачена нашими войсками».

Закончив чтение, Михаил Александрович спросил:

— Не провести ли нам митинг?

— Дельная мысль, — поддержал я его. — И лучше общебригадный.

Личный состав выстроился в центре городка. Начальник политотдела зачитал поступивший к тому времени приказ Верховного Главнокомандующего, адресованный генералу армии И. С. Коневу.

Взволнованно прозвучали выступления комсомольца гвардии рядового Козминых, парторга батареи 76-миллиметровых орудий гвардии старшего сержанта Левшунова, коммуниста Любивца и других.

А через несколько дней личный состав бригады отметил 26-ю годовщину Советских Вооруженных Сил. Этому знаменательному событию было посвящено торжественное собрание.

Как только поступила наша корпусная газета «Доброволец», в которой был опубликован приказ Верховного Главнокомандующего от 23 февраля 1944 года, состоялись громкие читки этого документа. Помнится, вечером мы с Михаилом Александровичем зашли в одну из хат, в которой временно поселились бойцы. В комнате стояла тишина, только слышен был голос парторга Левшунова, торжественно читавшего приказ об одержанных победах. Затем войны начали оживленно высказывать мнения по отдельным положениям приказа, делились предположениями о том, как будут развиваться события на фронте.

Зима неожиданно рано сдавала свои позиции. Подули южные ветры, в снежном насте появились проталины. Весна стремительно вступала в права.

Подразделения бригады, снявшись с обжитых стоянок, в колоннах двинулись в путь. Шли сначала на север, в сторону Киева, потом повернули на запад. Нам предстояло совершить трехсотпятидесятикилометровый марш и выйти в район Острога, что юго-восточнее Ровно.

Марш совершали в тяжелых условиях распутицы, преимущественно ночью. Валил мокрый снег, сырой, промозглый ветер пробирал до костей. Зябко кутаясь в воротники шинелей, бойцы тихо переговаривались между собой. Кто-то зло ругал погоду, в сердцах говоря:

— Ну и слякоти распустила зима. Не то что у нас на Урале.

— А ты не хай ее, уже поздно, сегодня первое марта — весна, — отозвался чей-то веселый голос.

На рассвете остановились на небольшом полустанке восточнее города Славута. Здесь предстояло получить продовольствие, боеприпасы, боевую технику — танки, автомашины. Подошел эшелон, на платформах которого были укреплены скрытые серым брезентом танки. Разгружаться будем вечером, под покровом ночи.

Мы, конечно, в те дни не знали, что советское Верховное Главнокомандование решило развернуть в начале марта широкое наступление силами 1, 2 и 3-го Украинских фронтов с целью завершить освобождение Правобережной Украины. Не знали об этом и в штабе командующего Южной группой немецких армий. Противник полагал, что советским войскам понадобится определенное время для осуществления крупной перегруппировки сил фронтов.

А тем временем в сторону фронта шли составы с боевой техникой, боеприпасами, горючим, продовольствием. До начала наступления оставались считанные дни. За это время надо было в строжайшей тайне подтянуть войска на исходные позиции для наступления, разведать вражескую оборону, подвезти к линии фронта в весеннюю распутицу десятки тысяч тонн боеприпасов, горючего, продовольствия.

Уже не спали офицеры штаба фронта, производя расчеты на столь крупную операцию. Не до отдыха было и нам, воинам бригады. Едва стемнело, как мы приступили к разгрузке танков. Сброшены брезенты, и танк за танком спускаются с платформ.

Ко мне подбегает командир третьего батальона гвардии капитан Маслов.

— Что случилось?

— Во танки! — восклицает комбат. — Модернизированные, часть из них с новой 85-миллиметровой пушкой.

Вы посмотрите, что творится в экипажах! От радости люди пляшут.

И впрямь вдоль колонны танков веселье, смех, пляска. Да, о таких танках мы давно мечтали: и в 1941 году, и во время сражений у стен Сталинграда, и на Курской дуге. И вот они, новенькие тридцатьчетверки.

С тридцатьчетверкой у меня связано многое. Трудно сосчитать, сколько дней и ночей я провел в этом танке. Машина обладала многими замечательными качествами: высокоманевренна, подвижна, быстроходна. Ей не страшны ни распутица, ни водные преграды, ни заболоченные участки. Для нее все пути проходимы. К тому же танковый двигатель в любое время готов к действию. И конечно, огневая мощь великолепна. А тут еще 85-миллиметровая пушка. Здорово!

Танки с затемненными фарами передвигаются на юго-запад. Впереди должен быть город Острог, а где-то за ним — линия фронта. С этого рубежа нам и предстоит снова начать боевые действия, изгонять с родной земли гитлеровских захватчиков.

Меня на какое-то время задержали в штабе корпуса, новый начальник штаба гвардии полковник А. Б. Лозовский уточнил район сосредоточения, просил поторопиться с выходом на указанный рубеж.

Да и нам хотелось скорее совершить марш. Но с нашим желанием не считалась погода. Весна пришла ранняя, но и зима не сдавалась. Начались ливневые дожди вперемежку со снежными вихрями. Чернозем превратился в непролазное болото. По полевым дорогам нельзя было, как говорят, ни проехать и ни пройти. Но как бы то ни было, а фронт требовал свое. На юг и юго-запад тянулись мощные колонны автомашин, разбивая и без того раскисшие полевые дороги. Пехотинцы, с трудом переставляя облепленные густой грязью сапоги, подталкивали буксующие машины, груженные боеприпасами и горючим. Тянули на лямках 45- и 57-миллиметровые пушки, на себе несли снаряды, ящики с патронами.

Только танки уверенно продвигались вперед, хотя и они подчас застревали на обочинах дорог.

Распрощавшись в штабе корпуса с товарищами, я поспешил в бригаду. «Виллис» сильно бросало из стороны в сторону. При объезде грузовых машин, застрявших в грязи, наш «виллис» сел на передний и задний мосты.

И плохо бы нам пришлось, если бы не помогли мото-стрелки.

Было уже далеко за полночь, когда я нагнал танковую колонну, вытянувшуюся вдоль полезащитной полосы. На броне остановившихся машин дремали автоматчики, с ног до головы облепленные грязью.

Первым, кто нам встретился, оказался командир первой роты автоматчиков гвардии старший лейтенант Сидоров. Я спросил, чем вызвана остановка танков.

— Уже в который раз останавливаемся. Может, затор, — неопределенно ответил офицер.

Спешу в голову колонны. У танка группа офицеров, среди них мой заместитель гвардии майор Кришталь. Он склонился над картой, освещенной лучом карманного фонарика.

— Должен быть перекресток дороги, где нам надо свернуть строго на юг, а его не оказалось. Куда ехать дальше, не разберусь. Вот и колдуем над картой, — невесело говорил Кришталь, вытирая обшлагом комбинезона мокрое от снега лицо.

— А где мы сейчас находимся?

— В районе Острога.

— Точнее.

Кришталь ткнул карандашом:

— Вот здесь, где проходит полезащитная полоса.

Точка, оставленная на карте, обозначала совсем другой район. То ли от усталости, то ли от нервного напряжения майор потерял ориентировку. До перекрестка дорог оставалось еще не менее 12—14 километров.

На рассвете 3 марта 1944 года бригада рассредоточилась в районе Воложувки, что в 20 километрах от города Ямполь. Танки мы замаскировали в копнах прошлогодней соломы, в неубранном кукурузном поле. Было тихо, и даже не верилось, что совсем близко проходит линия фронта.

Вскоре на командный пункт прибыл командир стрелкового полка, находившегося здесь в обороне. Рассказывая об обстановке, он заметил:

— На участке спокойно, тихо. Признаться, и людей у меня маловато. Плохо и с боеприпасами, и с продовольствием. Дороги вон как раскисли — не подвезешь.

Полковник хорошо был осведомлен об обороне противника. Он указал, где вдоль дороги расставлены фа-

шистские танки. Начальник нашего штаба гвардии подполковник Я. М. Баранов нанес на карту расположение вражеских огневых точек.

В полдень меня вызвал командир корпуса. Генерал Г. С. Родин сказал, что наш танковый корпус вводится в прорыв в полосе 60-й армии. И он провел на карте красную стрелу. Она была нацелена на Каменец-Подольский, до которого было более двухсот километров. Это была конечная задача, а ближайшая заключалась в том, чтобы за три-четыре дня прорваться с севера на юг и, рассекая группировку противника, перерезать железную и шоссейную дороги Проскуров — Тернополь, лишить гитлеровцев возможности отойти на юго-запад.

В условиях распутицы и непогоды корпусу предстояло вести тяжелые бои с сильной вражеской группировкой: между Тернополем и Проскуровом было сосредоточено до девяти танковых и шести пехотных дивизий.

Пока разрабатывался план предстоящего боя, люди бригады не сидели сложа руки. Несмотря на то только что совершенный марш, экипажи танков использовали каждый день и час для учебы. Они добивались согласованности в действиях каждого воина, до автоматизма отрабатывали приемы в работе на прицельных приспособлениях. Сокращали нормативы посадки в танк и высадки из него. Автоматчики учились действовать в танковом десанте, вести огонь с брони машин, взбираться на танк и спрыгивать на ходу.

Политработники, партторги и комсорги, не дожидаясь указаний сверху, организовали беседы с личным составом, развивая у бойцов высокий наступательный порыв, жгучую ненависть к врагу.

Еще на Орловщине челябинцы убедились: фашистские оккупанты способны на любые зверства. Деревни они превратили в развалины и пепел. На дорогах соорудили виселицы.

Проезжая по Украине, наши воины с болью в душе смотрели на руины, на обгоревшие коробки станционных построек, на разрушенные украинские хаты и вырубленные сады.

— Не будет пощады врагу, — заявляли солдаты. — Раздавим фашистскую гадину.

Вернувшись из штаба корпуса, я тут же собрал командиров. Сообщил: завтра на рассвете в бой.

Началась кропотливая подготовка к боевым действиям. Штабные офицеры Баранов и Гасков, склонившись над картами, намечали пункты сосредоточения подразделений для атаки, изучали район предстоящих боевых действий, систему огня противника, разрабатывали вопросы взаимодействия, прикидывали возможные рубежи развертывания в случае встречного боя...

Не дремала и наша разведка. Начальник разведки бригады гвардии старший лейтенант Валеев организовал наблюдательные посты, со своими подчиненными тщательно изучил оборону противника. Данные, которыми мы теперь располагали, позволяли сделать вывод: за дороги будет идти упорная борьба. В условиях распутицы только дороги, хотя и разбитые гусеницами танков и колесами автомашин, могли дать возможность противнику предпринять контратаки, а также организованно отойти на новый рубеж обороны. О том, что гитлеровцы будут драться за дороги, говорил тот факт, что лишь отдельные высоты они оборудовали как опорные пункты (и то поспешно), а основные огневые средства сосредоточили в узлах дорог.

Обладание теми же дорогами позволяло нам сохранить высокий темп наступления. Но дело не только в дорогах. Мы должны, хотя это и нелегко, совершать обходные маневры, неожиданно появляться в тылу врага, внезапными ударами рассекать его боевые порядки и по частям уничтожать гитлеровцев.

Разговариваю с механиками-водителями третьего батальона. Обещают, что сумеют провести танки по любой местности.

— Тридцатьчетверки пройдут всюду!

А что думают автоматчики роты Сидорова?

— Нам-то, на броне будет легче, да и в пешей атаке не отстанем от танков, — отвечали бойцы.

Иду во второй батальон. Подморозило, и земля затвердела. В ночной тишине звонко похрустывает под ногами образовавшийся в проталинах ледок. Меня сопровождает гвардии капитан Федоров. Я с симпатией смотрю на рослого комбата. Его комбинезон туго перехвачен португеей, а на голове, как всегда, выдавший виды шлемофон.

— Как настроение у людей?

— Прекрасное. Завтра дадим немцам жару! — на ходу отвечает Василий Александрович.

И я верю его словам — батальон уже показал себя в боях. Комбат умело руководил подчиненными, в любой ситуации не терялся, мог расчетливо организовать бой.

Федоров — кадровый офицер. В 1933 году он добровольно ушел в армию. С первых дней войны — активный ее участник. Сначала на Юго-Западном фронте командовал разведротой, затем бои под Москвой, на Северо-Западном и Калининском фронтах. Был тяжело ранен, контужен, более двух месяцев лежал в госпитале.

Тактически грамотный офицер, он показал себя и в нашей бригаде способным и бесстрашным комбатом. Но нередко мне приходилось сдерживать Василия Александровича, а иногда просто и ругать. Он непременно лез в самое пекло, первым врывается на вражеские позиции. Порой и не было в этом необходимости. Но я знал: завтра он снова в горячую минуту боя не устоит перед искушением появиться впереди атакующих.

Мы подошли к группе воинов. Бригада сильно обновилась, и я с трудом узнавал не только рядовых, но и некоторых офицеров. Выяснилось, что мы оказались в роте гвардии старшего лейтенанта Сидельникова.

Вскоре бойцы роты собрались на короткий митинг. Первым выступил гвардии подполковник А. А. Денисов, только что прибывший на должность заместителя командира второго батальона по политчасти. Голос его звучал мягко, но убедительно. Чувствовалось, что Денисов — опытный политработник.

Выступали бойцы, сержанты, говорили коротко и ясно: сражаться по-уральски, по-гвардейски — беззаветно и храбро.

В своей речи я напомнил, что боевые действия бригада возобновляет в довольно сложной обстановке. Ранняя весна превратила дороги в непролазные болота, затрудняется подвоз боеприпасов, горючего, продовольствия.

— В этих условиях, — напомнил я, — особенно важно экономно расходовать боеприпасы. Каждый снаряд — только в цель!

Побывал я и в роте, которой теперь командовал гвардии старший лейтенант И. С. Пупков, в других подразделениях бригады. Встретился с начальником штаба батальона гвардии старшим лейтенантом Б. Н. Ерофеевым.

На перекрестке полевых дорог огневые позиции заняла батарея 76-миллиметровых орудий. Артиллеристы расселись кто на станине боевой системы, кто на ящиках из-под боеприпасов. На щите орудия был укреплен плакат, изображающий немецкий танк «тигр». Стрелы на плакате показывали уязвимые места танка. Беседу с артиллеристами проводил парторг батареи П. А. Левшунов.

Такие памятки и плакаты к нам поступили еще в период Курской битвы. Теперь, в связи с новым пополнением, политотдел корпуса прислал эти пособия во все расчеты и экипажи.

Закончив беседу, Петр Андреевич сообщил мне, что сейчас состоится открытое партийное собрание.

Партийное собрание было по-фронтовому коротким, деловым. Докладчик — командир батареи гвардии старший лейтенант Иван Пивцаев подчеркнул:

— Коммунист всегда должен быть впереди, личным примером увлекать воинов на разгром врага, сражаться храбро, мужественно и умело.

Речи выступавших были также короткими.

— Всем своим поведением в бою, — заявил гвардии старшина Садовский, — с честью оправдаю высокое звание члена большевистской партии.

Партийные и комсомольские собрания в тот день состоялись во всех ротах и батареях бригады. Обсудили свои задачи в предстоящих боях и коммунисты штаба и политотдела, где с докладом выступил я.

Ночью не пришлось сомкнуть глаз. Дел было невиророт. Очень беспокоил подвоз боеприпасов, горючего, продовольствия.

Мой заместитель по тылу гвардии майор В. И. Хохлов собрал своих подчиненных. Начальник службы продовольствия гвардии капитан Н. И. Юмашев, начальник артснабжения гвардии старший лейтенант Иванков, начальник службы горюче-смазочных материалов бригады С. А. Егоян, командир роты подвоза гвардии старший лейтенант Тараканов и другие заверили: бригада получит нужное довольствие.

Ушли офицеры, а я думал о том, что нас ждет впереди, как поведут себя в бою новички, какой страницей в боевую летопись бригады войдет грядущий день.

В РАСПУТИЦУ

Утро 4 марта 1944 года выдалось ненастным, серым. Туман, затянувший за ночь окрестность, рассеивался медленно. Первые лучи солнца едва пробивали молочную пелену.

Я взглянул на часы: скоро атака. Но при такой видимости нелегко идти в бой, управлять подразделениями.

Впереди, в нескольких километрах, — река Горынь. Оборона противника проходит по ее южному берегу. На подступах к реке, как установили разведчики, находятся лишь небольшие отряды охранения. Мосты через реку немцы взорвали. Горынь, если верить топографической карте, неглубока, ее можно форсировать и вброд. Однако теперь, в распутицу, уровень реки поднялся, а ее берега стали еще более топкими. Не исключено, что противник окажет сопротивление и со стороны Белогорья. Правда, все эти обстоятельства мы учли, комбаты получили конкретные задачи, но тем не менее предстоящая атака волнует.

Раздумья прерывает грохот орудий. Началась артиллерийская подготовка. От ударов содрогается земля. Поле завлакивает дым. Видимость еще более ухудшается. Но вот артиллерия переносит удар вглубь обороны врага, гул значительно стихает, и я даю команду «Вперед!».

Танки с посаженными на них пехотинцами снимаются со своих мест. Справа идет второй батальон, левее — третий. Первый танковый батальон движется сзади. Несколько танков первого батальона в атаке участия не принимают: они подтягивают тыловые автомашины, застрявшие в грязи.

Сминая на пути небольшие сторожевые заслоны и преодолевая грязь, танки удалялись в заданном направлении. Серьезного сопротивления противник пока не оказывал. Скорей всего, он примет бой у самой Горыни.

Так оно и оказалось. Разведчики и саперы на подходе к реке попали под минометный и пулеметный огонь. С противоположного берега в нашу сторону неслись светлячки трассирующих пуль.

Первой к реке вышла танковая рота гвардии лейтенанта М. Г. Акиншина. Она завязала бой. Я слышал по радио, как Акиншин отдал приказ:

— Вперед, гвардейцы, вперед! Задерживаться нельзя.

Офицер понимал, что останавливаться перед рекой опасно: противник легко расстреляет танки. Надо было с ходу, не теряя ни минуты, переправиться на противоположный берег. И танки его роты приступили к форсированию реки.

Мне нравился этот решительный офицер. И я сказал по радио комбату Федорову:

— Молодец Акиншин. Передайте ему мою благодарность.

К реке потянулись танкисты гвардии старшего лейтенанта М. Ф. Коротеева. Танк за танком входил в воду, взбирался на противоположный берег. Бой нарастал. Подавляя сопротивление врага, наши танки в упор расстреливали его орудия, утюжили траншеи, вышибали пехоту. Вот уже задымились подбитые вражеские танки.

На южный берег вышел и танк командира второго батальона Федорова. Слева оказалось противотанковое орудие противника. Танк комбата прямым попаданием снаряда разбил его. Уцелевшие артиллеристы побежали. Танкисты могли покосить их пулеметным огнем. Но, разгоряченный боем, Федоров приказал механику-водителю гвардии старшему сержанту Ф. П. Суркову:

— Дави гадов гусеницами!

Сурков прибавил газ. Погоня продолжалась недолго. Неожиданно танк влетел в трясину и завяз. Теперь уже гитлеровцы, оправившись от страха, блокировали танк. Они пытались подорвать его гранатами. Но гвардии капитан Федоров огнем пулемета отогнал фашистов. Поединок, однако, этим не кончился: немцы подтянули орудие, чего не заметил экипаж танка. Еще минута — и быть беде. К счастью, в это время подошел танк гвардии лейтенанта В. Крюкова. Точным выстрелом он поразил орудие, спас экипаж комбата Федорова.

Эти перипетии боя я узнал позже, вечером, когда в штаб были приглашены командиры. Пришлось сделать внушение комбату — его горячность могла бы стоить дорого.

А пока бой продолжался. Танки бригады были уже за Горынью, продвигались в направлении Довгалевки. Успех был налицо.

Шел уже третий час атаки. Мой танк отстал от боевого порядка и теперь с трудом преодолевал валы липкого чернозема.

— Давай жми, Мурашов, — тороплю я механика-водителя.

— Двигатель перегревается, — отвечает он.

В шлемофоне послышался тревожный голос.

— Первый, первый, — говорил Федоров. — Сидельников в тяжелом положении.

— В чем дело? Доложите подробнее.

Из доклада комбата стало ясно: командир роты Сидельников в районе высоты 282 встретил сопротивление противника и решил обойти эту высоту справа, по кукурузному полю. Но танки завязли в грязи и попали под артиллерийский обстрел.

Я тут же приказал выдвинуть приданную бригаде самоходно-артиллерийскую батарею. Командир батареи гвардии капитан Б. Дружинин доложил, что он уже спешит на помощь Сидельникову. Вскоре самоходки открыли огонь по артиллерийским позициям немцев. А группа танков во главе с гвардии капитаном Чирковым, развивая наметившийся успех, двинулась в направлении деревни Гнелице-Мале.

Враг оказывал упорное сопротивление, пытаясь вывести из-под удара отступающие части. Батальон Федорова вынужден был замедлить движение. Возникла угроза: наступление бригады вот-вот могло захлебнуться.

Быстро созрело решение: спешить мотострелков и атаковать опорный пункт, расположенный в районе высоты 282 и деревни Вязовец.

Было хорошо видно, как соскочили с танков бойцы, рассыпались в цепь, пошли в атаку. И опять мешает грязь. Ноги стрелков и пулеметчиков глубоко вязнут, темп атаки начал снижаться. К тому же противник открыл по атакующим сильный минометный огонь.

На опорный пункт противника пришлось бросить и третий танковый батальон гвардии капитана Маслова, а также нацелить минометную батарею. Но сбить врага с ходу не удалось. Завязался огневой бой, длившийся несколько часов. Лишь ко второй половине дня сопротивление противника было сломлено, и мы продвинулись в сторону Лысогорки. А танки гвардии капитана Чиркова вырвались далеко вперед и овладели деревней Гнелице-Мале.

Быстро опустились сумерки. Окрестность опять окуталась какой-то хмарью: не то туманом, не то дымкой. Про-

должать наступление ночью, без подтягивания тылов — опасно. Горючее и боеприпасы на исходе. А подвоза из-за распутицы нет.

Пришлось остановиться на рубеже речушки Калиновка. Сразу же приняли меры к обороне: противник, чего доброго, соберется с силами и предпримет контратаку.

Командиру первого батальона дано задание: ночью с помощью танков подтянуть застрявшие в грязи автомашины с боеприпасами, горючим, продовольствием. Сам я выехал во второй батальон. Танк с трудом передвигался по вязкой дороге. Его гусеницы глубоко зарывались в размокший чернозем. Двигатель ревел натужно. Механику-водителю то и дело приходилось переключать передачи. А дальше как будет? На пути немало речушек. Они вышли из берегов, и затопленные поймы превратились в непроходимые болота.

Объезжаем буксующую автомашину. Дорогу нам преграждает офицер. Он весь вымок, в грязи. Механик-водитель останавливает танк. К левому борту машины подбежал гвардии капитан Юмышев и, узнав меня, неожиданно смутился:

— Не думал, что вы... Застряли мы.

— Ну что, поможем снабженцам? — обратился я к командиру танка гвардии лейтенанту Ясиновскому.

— Поможем! — И офицер спрыгивает на землю. Он быстро разматывает трос, прикрепляет его к крюку застрявшего грузовика.

В те дни подобных случаев было немало. Воины охотно выручали друг друга.

Танк снова движется вперед. Ночь темная, хоть глаз коли. Моросит дождик, временами идет мокрый снег. Встревоженные гитлеровцы не прекращают стрельбу. Их орудия бьют беспорядочно, наобум. То и дело в небе вспыхивают ракеты.

Слева от нас раздаются орудийные раскаты. Это Свердловская танковая и 29-я Унечская мотострелковая бригады завязали ночной бой на подступах к населенному пункту Теофиполь.

Мы прибыли во второй батальон. Вместе с комбатом были начальник разведки гвардии старший лейтенант Вадеев и командир саперного взвода гвардии лейтенант Е. А. Лившиц. Укрывшись от ветра за броней танка, они о чем-то толковали.

Гвардии капитан Федоров доложил:

— В дневном бою батальон понес незначительные потери: один танк подорвался на mine и один подбит. Мы думаем о ночной атаке. Саперы уже разминировали дорогу.

Комбат назвал количество орудий и танков противника, расположенных вдоль полевой дороги и на возвышенностях, коротко доложил о своем плане ночной атаки. Когда я сказал, что бригада приостановила движение, он очень огорчился.

Дождь не переставал. Мы сильно промокли. В сапогах хлюпала вода. Поблизости изредка рвались снаряды: немцы вели методический обстрел наших позиций. Однако мотострелки, сгрудившись вокруг соседней машины, не обращали на это внимания. Они тянули озябшие руки к теплomu двигателю, соблюдая светомаскировку, курили в рукав. А члены экипажа тем временем готовили машину к новым боям.

— Как с боеприпасами и горючим?

— На завтра, пожалуй, не хватит, — ответил гвардии капитан.

— Поэкономнее расходуйте, поговорите об этом с людьми. Тылы отстали, надеяться не на кого, — посоветовал я комбату.

— Замполит сейчас где-то в экипажах, об этом там и речь идет.

Я знал: заместитель командира батальона по политчасти подполковник Денисов имел среди воинов непререкаемый авторитет. К его голосу прислушивались, ему верили.

На корме одного из танков расположился инструктор политотдела бригады гвардии майор Онищук. Он целый день находился с танкистами, деля с ними опасности боя, а теперь, прислонившись к теплой броне и подсвечивая фонариком, что-то писал.

— Сочиняю листовку, — доложил он. — Хочу поставить в пример гвардии старшину Садовского. Его расчет подавил три огневые точки противника. Хорошо действовал и экипаж младшего лейтенанта Кулешова — он уничтожил вражеское орудие. Отличившихся много...

Онищук, как и другие работники политотдела, большую часть времени проводил в подразделениях, всегда был в курсе событий, хорошо знал людей.

Я обошел боевые позиции танков второго, а затем и третьего батальонов, поставил перед комбатами задачи на завтра. Но меня не покидали тревожные мысли о тылах. По радио связываюсь с заместителем по тылу Хохловым. Виктор Иванович рисует совсем не радостную картину. Автомашины безнадежно застряли в грязи. Положение, в котором мы можем оказаться уже завтра или послезавтра, не из приятных. Но как бы там ни было, меня не покидала уверенность, что начавшееся наступление не захлебнется и мы вовремя получим необходимое количество боеприпасов, горючего и продовольствия. Эта уверенность основывалась на предприимчивости и исполнительности командира первого батальона: его танки подтягивали отставшие тылы.

Утро меня застало на наблюдательном пункте комбата Федорова. Взглянул на часы: без десяти восемь.

— Пора!

Федоров вскинул ракетницу, и в сырое промозглое небо взлетела красная ракета.

— По фашистам — огонь!

Ударили орудия. В сторону немцев устремились танки. Фашисты тотчас ответили. Однако их огонь не достигал цели. Снаряды рвались далеко от дороги, и лишь отдельные — в наших боевых порядках.

Справа, с высоты 293, полоснул пулемет. Пули чиркнули о броню танка.

— А, гад, — вскипел Ясиновский, — получай сдачу!

И его выстрел заставил замолчать огневую точку.

Противник не выдержал натиска и оставил рубеж. Второй и третий батальоны одновременно ворвались на огневые позиции врага. Взломав оборону, челябинцы дробили ее по частям, с ходу сметая отдельные узлы сопротивления.

5 марта к 16 часам бригада, не встречая особого сопротивления, вышла к реке Жердь. Командир корпуса, похвалив нас за активные действия, уточнил задачу: к исходу 6 марта овладеть населенным пунктом Скорики.

Я взглянул на карту. До Скорики не более пятнадцати километров. Пожалуй, если поднажать, то к ночи достигнем села. Подозвал начальника штаба гвардии подполковника Я. М. Баранова.

— Вероятно, успеем, если не застрянем на реке Самчик, — неопределенно сказал он.

Мы стали совещаться. Наш разговор прервала неожиданно начавшаяся впереди стрельба. Радист — гвардии старший сержант Виктор Колчин — быстро связался с передовым батальоном.

— Головная походная застава попала под сильный огонь артиллерии, один танк подорвался на mine, — доложил Федоров.

Сведения были неутешительными, и я поспешил во второй батальон. Разведка бригады установила, что впереди находится узел сопротивления противника, усиленный закопанными танками и орудиями.

В бинокль хорошо просматривалась вражеская оборона. В районе населенного пункта Белозерка и высоты 344 были видны окопы и орудия. Оттуда враг вел интенсивный огонь. По вспышкам выстрелов на опушке леса нетрудно было определить окопавшуюся пехоту. Захлебываясь, били пулеметы.

Связываюсь с третьим батальоном, шедшим вслед за батальоном Федорова во втором эшелоне. Гвардии капитан Маслов взволнованно докладывает:

— Со стороны Вязовец показалась большая колонна немцев. Наши танки их встретили огнем.

Оказалось, что под натиском наших правофланговых соседей противник спешно оставил Ямполь и откатывался на юг. Но мы успели эту дорогу перерезать. Немцы не приняли боя, их колонна вначале попятилась назад, затем вынуждена была повернуть на запад, в направлении на Лановцы.

Левее нас слышалась частая стрельба. Это вели бой 61-я Свердловская танковая и 29-я Унечская мотострелковая бригады. Они также рвались на юг.

Наступила ночь. Надо было подтянуть подразделения, пополнить танки боеприпасами, выработать план очередной атаки. Наступление пришлось приостановить. Стала утихать стрельба и со стороны противника.

КП бригады расположился в небольшой рощице, примыкавшей вплотную к проселочной дороге. Командир саперного взвода гвардии лейтенант Лившиц, оглаживая редкие усики, неторопливо говорит:

— Тут ройте, ребята!

Он чертит прутиком на земле прямоугольные фигуры, обозначает будущее укрытие от огня противника.

Кто-то вонзил лопату в грунт:

— Экая слякоть, липнет, как смола.

— Рой, а не гляди на нее, как на святую. — По голо-
су узнаю — говорит командир отделения гвардии сержант
Я. И. Астахов, бывший молотобоец. Сквозь редкие деревья
вижу, как саперы дружно принялись за работу.

На КП подошли командиры подразделений, расселись
прямо на влажной земле, раскрыли карты. Небритые, с
воспаленными от бессонницы глазами, они внимательно
слушали указания. Я кратко изложил создавшуюся об-
становку и предложил обойти село Скорики с востока, а
потом резко повернуть на запад и таким образом изоли-
ровать опорный пункт противника, блокировать его.
Риск, конечно, но время не ждет. Офицеры нанесли на
карты путь движения подразделений. В это время ко мне
подошел командир санитарного взвода гвардии капитан
медицинской службы Кириллов. Его трудно было узнать:
полушубок изодран, на лице следы грязи. Он с трудом
переставлял пудовые сапоги, облепленные густым чер-
ноземом.

— Каким ветром?

— Едва вас нашел. Санитарная машина застряла, а
командир первого батальона не дает тягач. Раненые
ждут...

— Мы обеспечиваем машины с боеприпасами и про-
дуктами, — перебил Гой. — А он лезет со своей санитарной.

Я понимал, в каком положении находились экипажи
танков гвардии майора Гоя, выделенные для помощи
застывшим в грязи автомашинам. Машины, как правило,
застревали через каждые 100—200 метров, а порой ока-
зывались в безнадежном положении. Танкисты были рады
всем помочь, но не успевали.

Пришлось приказать майору, чтобы он помог и меди-
кам.

Командиры расходились в темноте. Был поздний час.
Баранов пригласил меня разделить с ним трапезу — банку
тушенки. Я наспех поужинал и, забравшись в танк, стал
слушать сводку Совинформбюро.

«Войска 1-го Украинского фронта 4 марта перешли
в наступление и, прорвав сильную оборону немцев на
фронте протяжением до 180 километров, за два дня на-
ступательных боев продвинулись вперед от 25 до 50 ки-
лометров. В результате произведенного прорыва войска
фронта овладели городом и крупной железнодорожной

станцией Изяслав, городами Шумск, Ямполь, Острополь, районными центрами Каменец-Подольской области Ляховцы, Антонины, Теофиполь, Базалия, а также с боями заняли более 500 других населенных пунктов... и ведут бой на подступах к железнодорожной станции Волочиск».

Ямполь наш. Это была приятная весть, ведь и наша бригада внесла посильный вклад в освобождение этого города.

Пытаюсь уснуть на сиденье, но сон не идет. Думаю о предстоящем бое. Снова вытаскиваю из полевой сумки топографическую карту, освещаю карманным фонарем. Еще раз осмысливаю план предстоящего боя, взвешиваю, правильно ли принял решение.

Незаметно наступает рассвет. Соскакиваю с танка на землю. За ночь земля, схваченная легким морозцем, затвердела.

— Время наступать!

Мощный рокот двигателей разнесся по передовой, и тотчас над перелеском просвистели первые снаряды. Где-то к югу от нас захлопали немецкие пушки.

Уклоняясь от боя, наши танки свернули влево. Гитлеровцев это озадачило, и они вскоре прекратили пальбу, а спустя некоторое время, разобравшись, что мы их обходим, начали параллельно с нами отходить на юг: фашисты поняли, что их окружают.

Утренний туман постепенно таял, и вдали показались отдельные строения. Это была деревня Щасновка, расположенная на речке Збруч.

Тем временем разведчики скрытно подобрались к деревне, которая вытянулась вдоль небольшой речушки Самчик. Сведения были неутешительными. Деревня опоясана траншеями, на окраине находятся огневые позиции противотанковой артиллерии. Словом, еще один опорный пункт.

— Атаковать!

Едва наши танки показались на дороге, ведущей к опорному пункту, как гитлеровцы открыли ураганный огонь. Завязался бой за переправу. Фашисты дрались отчаянно, их снаряды все чаще и чаще ложились в наших боевых порядках. Продвигаться вперед становилось все труднее и труднее.

— Вдоль берега поставить дымовую завесу, — распорядился я.

Саперы во главе с Лившицем выдвинулись к реке. Густой дым застилал землю. Под прикрытием дымовой завесы одним из первых форсировал вброд реку танк гвардии младшего лейтенанта Павла Кулешова и сразу же наткнулся на сопротивление врага.

— Прорвемся, механик-водитель? — обратился командир танка к гвардии сержанту Федору Кожанову.

— Вряд ли, — последовал ответ. — Впереди возле домов установлены противотанковые орудия.

Экипаж укрыл танк в овраге. Гвардейцы осмотрелись. Кругом — немецкие укрепления. Фашисты обнаружили машину и открыли по ней огонь. Экипаж оказался в тяжелом положении.

Связываюсь с комбатом. Федоров докладывает, что рота Пупкова уже полностью переправилась через речку и ведет бой за удержание плацдарма.

— Противник вовсю жмет, огонька надо, — просит комбат.

Возле моего танка оказался командир первого взвода минометной роты Налобин. Подзываю его к себе.

— Вот по этому месту дайте-ка огонька! — И я карандашом обвел на карте кружок возле деревни Пальчинцы.

— Есть! — отозвался гвардии лейтенант и, обращаясь к бойцам, скомандовал: — За мной, вперед!

Гвардии сержант Мараховский, придерживая полевую сумку, побежал за командиром взвода. За ним — наводчик Козминых со стволом. Бойцы выскочили на поляну, изготовились к бою.

Штаб переместился к реке. Нам хорошо видно поле боя. Мины ложатся точно в цель.

Справа бой завязал взвод гвардии лейтенанта Василия Лычкова. Он постепенно вгрызался в оборону. Пехота, посаженная десантом, не прекращала огня. Комбат Приходько просит спешить мотострелков.

— Добро.

Цепь покатила к деревне. Противник усилил ружейно-пулеметный огонь. В бинокль хорошо было видно статную фигуру командира роты Сидорова. Он, увязая в грязи, бежал по полю, взмахом руки торопил мотострелков.

— Ура, ура-а! — несло по цепи.

Дружно ударили наши танкисты. Слева, огибая деревню, показались машины роты Сидельникова. Они

вскоре втянулись в деревню. Постепенно кольцо сжималось.

— Мурашов, вперед!

Высунувшись из люка, я внимательно наблюдал за ходом боя. Гитлеровцы в панике повыскакивали из траншей и побежали по огородам. Их настигали меткие пулеметные очереди. Танки, вырвавшись вперед, давили фашистов.

Мой танк подошел к реке Збруч. Глазам не верю: у берега в овраге стоит санитарная машина. Гвардии капитан Кириллов машет мне рукой и что-то кричит. Догадываюсь: мол, порядок. На разостланной плащ-палатке лежат двое раненых, возле которых хлопочет Дора Ефимовна Гриценко и сестра медсанвзвода Антонина Загайнова.

Реку преодолели успешно. Танк движется мимо дзотов, из амбразур которых торчат исковерканные стволы пулеметов, мимо застрявших в грязи немецких пушек, опрокинутых автомашин и брошенных автобусов.

Бой завязывается за село Токи. Уничтожая противника, стремительно врываемся в село. Нам навстречу бегут оборванные старики и старухи, вылезшие из укрытий. На глазах — слезы радости. Женщина, прижимая к груди ребенка, бросает на танк букет подснежников, невесть откуда взятых.

В центре села вокруг колодца сгрудились местные жители. Мурашов остановил танк. Я соскочил на землю и подошел к ним. И то, что узнал, потрясло меня. Отступая, фашисты сбросили в колодец убитых ими детей, женщин, стариков. Я снял фуражку и опустил голову.

Подошли начальник политотдела Богомоллов, группа офицеров и бойцов из роты управления. Ко мне подбежала седая женщина и, рыдая, начала голосить:

— Там моя Марийка, трехлетняя, спасите!

— И мой сын Петро там, — плакала другая.

Но как утешить женщин, убитых горем? Чем им помочь? Я попросил начальника политотдела задержаться в селе хоть на несколько минут, выделил в его распоряжение группу бойцов, а сам вскочил на танк...

Вокруг рвались снаряды. Гитлеровцы предприняли отчаянную попытку отбросить нас назад. Черные столбы дыма заслонили горизонт: загорелись хаты. Командир третьего батальона Маслов докладывал:

— Полный порядок, мои танки подходят к Скорикам.

— Как так?

— А мы немцам котел думаем устроить!

Оказывается, танки третьего батальона, обойдя Токи с востока, рванулись на Скорики. Фашистские солдаты, утопая по колено в грязи, начали отходить на запад.

Батальон Федорова сосредоточился в небольшой рощице, юго-западнее Токи. Направляюсь к одной из машин. Навстречу шагнул офицер, привычно вскинув руку к шлемофону.

— Товарищ гвардии подполковник, — начал было он.

— Здравствуйте, товарищ Кулешов, хорошо дрались ваши орлы, спасибо.

Экипаж Кулешова ужинал. На гусенице танка были разложены вскрытые банки консервов, лежали куски хлеба.

— Просим к столу, — пригласили меня бойцы. Командир экипажа протянул ложку. Я поблагодарил танкистов за угощение, похвалил за храбрость в бою. Уставшие лица засветились радостью. Но когда рассказал о зверствах фашистов в селе Токи, бойцы помрачнели.

— Надо мстить врагу за детей, — нарушил я молчание, — не давать ему передышки. Нас ждут в оккупированных селах.

— Мы бы неплохой подъем гитлеровцам устроили на рассвете, да беда — боеприпасы на исходе, горючее кончается, — озабоченно проговорил гвардии младший лейтенант. — Механик доложил — топлива хватит на семь — десять километров.

После трехдневных тяжелых боев у нас иссякли боеприпасы, горючее. Командир корпуса обещал по воздуху подбросить горючее. Но войны бригады безнадежно поспматривали на затянутое тучами небо. Надо было что-то предпринимать. У гитлеровцев тоже плохо с горючим. Их завязшие в грязи тяжелые грузовики, штабные автобусы, гусеничные тягачи стояли на раскисших дорогах с опустошенными баками.

Я еще раз напомнил заместителю по тылу В. И. Хохлову о принятии неотложных мер, а сам поспешил в танковые экипажи. Хотелось поговорить с офицерами, бойцами, узнать подробнее о тех, кто отличился, услышать, что говорят и думают челябинцы о проведенном бое.

Натыкаюсь на танк, замаскированный в кустарнике. Бойцы оживленно переговариваются. По голосу узнаю гвардии старшего лейтенанта Акиншина. Заметив меня, он соскочил с брони.

— Что тут у вас?

— Полный порядок,— отвечает командир роты.— Горючего только нет. И снаряды в роте можно по пальцам сосчитать. Минометчикам повезло: гитлеровцы убежали, оставили свои мины. Они к нашим 82-миллиметровым что надо подходят.

В лоцинке, окаймленной кустарником, расположилась рота гвардии старшего лейтенанта Сунцова. Минометчики ловко орудовали вокруг раскрытых ящиков. Они удаляли с мин грязь, смазку, сортировали мины по весовым знакам. Сунцов не скрывал своей радости:

— Утром немцам зададим жару их же минами! Пусть нюхают, чем пахнут.

Уже темнеет. Плотный туман густой целеной седлает лоцины, легкий морозец прихватывает землю. А у нас свои заботы. Комбат Федоров подходит то к одному, то к другому командиру танка, участливо спрашивает:

— Задачу уразумел? Вот и хорошо.

В темноте возвращаемся на КП. У одного из танков встречаем гвардии подполковника Денисова. Его окружают танкисты. Политработник инструктирует агитаторов и редакторов боевых листов.

У КП какой-то оживленный разговор.

— В чем дело?

— Боеприпасы подвезли,— докладывает начальник штаба.— Пока что лишь одна машина сумела пробраться.

Командир взвода подвоза гвардии лейтенант Аверкин рассказал, с каким трудом удалось преодолеть последние километры. Я стал благодарить его, он смущенно заметил:

— Водителя надо хвалить, гвардии рядового Чижова.

— После боя к награде его представить, к ордену Красной Звезды.

В полночь мне удалось встретиться с Хохловым и Егоряном. Обессиленные, измученные, они ввалились в наспех оборудованный командный пункт и тут же попросили разрешения прилечь на кучу хвороста. Но весть они принесли радостную: в бригаду пришли еще четыре машины. Одна с боеприпасами, три — с горючим.

Сон как рукой сняло. Пришлось заняться распределением прибывшего груза. В подразделениях ликовали. И я, не скрывая своей радости, крепко обнял уставшего гвардии капитана Егояна. В боях на Украине в пору распутицы, в последующих боях Сиракан Арамович не раз выручал бригаду, и мы ему многим обязаны.

Пожалуй, я в ту ночь глаз так и не сомкнул. На рассвете танки должны были сняться с места. Я уже поглядывал на часы, чтобы дать сигнал, когда услышал рокот автомобилей. Оборачиваюсь и вижу: из подошедшей машины вылезает командарм В. М. Баданов, из других — сопровождающие его офицеры.

— Как дела, Фомичев, готовы к атаке? — протягивая руку, спрашивает генерал. — Имейте в виду, правый фланг у вас почти открыт.

— К атаке готов, но вот туман мешает.

— С этим сейчас не приходится считаться.

Командующий интересуется, как бригада намерена атаковать противника, какими средствами она усилена, как обеспечена боеприпасами.

Докладываю о плане предстоящего боя, о высоком наступательном порыве гвардейцев.

Баданов внимательно слушает, поглядывает на часы, на впереди лежащую местность. Потом говорит:

— Пора.

Даю сигнал. Дружно ударили орудия. Чувствуем, что снаряды точно накрыли обнаруженные цели.

— Теперь седлай своих стальных коней, — весело говорит Баданов, — и на полном скаку — на врага.

— Есть! — И тут же по радио передаю условный сигнал.

Танки уходят в сторону Скориков. Конечно, «на полном скаку» они не могут ворваться в расположение гитлеровцев. Мешает распутица. Большую скорость по такому раскисшему грунту не разовьешь. Тем не менее, преодолевая грязь, танки неуклонно двигались вперед.

— Жми на пятки, Фомичев. Не давай возможности противнику остановиться и укрепиться!

Баданов вдруг меняется в лице. Я смотрю на генерала и думаю: в чем дело? Почему одухотворенное, радостное лицо командарма стало другим?

— Давайте попрощаемся, Фомичев. Может, не скоро теперь придется встретиться.

Я порываюсь спросить почему, но генерал опережает:

— Отзывают в Москву, — и он крепко жмет мне руку, второй тепло похлопывает по плечу. — Бывай здоров, Михаил Георгиевич.

Баданов уезжает, а я сажусь в танк, тороплю механика-водителя сержанта Мурашова: надо скорее догонять батальоны, скрывшиеся за увалом. По радио связываюсь с командирами батальонов, требую доложить обстановку.

Первым откликается гвардии капитан Федоров, докладывает, на какой рубеж вышли его подчиненные. Батальон Федорова идет впереди, прокладывает дорогу всей бригаде. На него основная надежда. Ему и труднее других. Туман постепенно рассеивался. Мы полагали, что село Скорики удастся взять с ходу, так как поначалу гитлеровцы не приняли боя: после первых орудийных выстрелов небольшой заслон был смят. Однако при подходе к Медыне, северной части Скорики, передовые подразделения бригады были встречены сильным артиллерийско-минометным огнем. Фашисты пытались внезапным ударом остановить нас и даже перешли в контратаку. Оказалось, это были смертники и штрафники, осужденные за сдачу Киева. В этот район они были спешно выдвинуты из города Подволочиска. Фашисты предприняли отчаянную попытку смять наши боевые порядки, сильной атакой отбросить нас назад.

Бой длился два-три часа, но был очень жестоким. Минометная рота Сунцова поставила заградительный огонь перед контратакующей целью. По просьбе гвардии капитана Маслова приданная артиллерия ударила по скоплению пехоты на левом фланге. Контратакующих встретил дружный огонь наших стрелков и танкистов. Гитлеровцы залегли. Тогда Сунцов, находясь в боевых порядках танков, внес коррективы в исходные данные и беглым огнем точно накрыл фашистскую пехоту.

Немцы дрогнули. Раздалось дружное «ура». Танки ворвались в село. Задерживаться некогда. Наша задача — овладеть селом Старомищина, что севернее Подволочиска. Наступаем строго на юг. Юго-западнее деревни расположился командный пункт правого соседа — стрелковой дивизии. По неширокой полевой дороге направляюсь туда. Погода разгулялась, из-за туч выглянуло яркое солнце. Фашистский самолет-разведчик «рама» парит

в воздухе. Пока что нас не беспокоила вражеская авиация: погода мешала. По дороге в сторону Старомищины ушли наши танки. За ними — стрелки соседней дивизии. Вид у пехотинцев был довольно усталый. От тяжелого перехода в распутицу, от липкого чернозема у многих развалились сапоги. На шинелях, шапках — следы грязи. Кое-кто пристроился на попутных грузовиках, а некоторые — на трофейных лошадях.

Я побывал на КП стрелковой дивизии. С командиром дивизии уточнили вопросы взаимодействия.

Возвращаясь назад, я увидел у обочины дороги изрепеченную осколками санитарную машину нашей бригады. Спрашиваю у шофера, где гвардии капитан Кириллов.

— Взвод оказывает раненым помощь, — отвечает солдат.

Возле раненого хлопочет Антонина Загайнова. Слышу, как она успокаивает бойца:

— Все обойдется; потерпи, милоч. Вот забинтую — и станет легче.

Пехотинец зло ругается, а потом просит прощения:

— Сестричка, вырвалось. Ох как больно!

— Которого перевязываю, со счета сбилась. — Антонина рукой отбрасывает со лба волосы, и на ее бледном лице проступает легкий румянец. — Наши все целы, — скороговоркой выпаливает она и продолжает перевязку.

Антонина Сергеевна Загайнова у нас недавно. До этого она служила в Унечской мотострелковой бригаде. В боях на орловской земле медсестра спасла жизнь многим бойцам и офицерам, под огнем врага ни разу не дрогнула. Отвагу и мастерство девушки высоко оценила Родина: она награждена орденом Красной Звезды и двумя медалями «За отвагу».

Позже я узнал, что во время последней бомбардировки Антонина Загайнова одной из первых бросилась на помощь раненым. За ней — Дора Ефимовна Гриценко, Маша Бахрак, Лида Петухова. В санвзводе в то время находился и сын бригады Толя Якишев. Он не отставал от девушек: подносил бинты, помогал раненым уйти в укрытие, а иным даже делал перевязки.

Спешу в бригаду. На броне танка примостился и Толя. По сторонам дороги — разбитые машины, трупы гитлеровцев, брошенные дальнобойные орудия и ящики с боеприпасами.

Возле застрявшей в болоте машины — группа людей. Узнаю гвардии подполковника Богомолова: он в своем неизменном черном полушубке. Михаил Александрович, увидев меня, поднимает руку.

— Танки бригады уже в селе Старомищина, — доложил он.

На броню танка усаживаются Богомолов, бригадный врач гвардии майор медицинской службы Агамалиев и старшина второго батальона Девисенко. Он прихватил пару мешков с продуктами: бойцы нуждались в питании.

— Мурашов, жми, — приказываю механику-водителю.

Под руководством саперов местные жители расчищали дорогу, растаскивали подбитую технику, в овраге настилали переправы из бревен и камня.

Небольшой подъем. Танк, натужно урча, медленно ползет вверх по колее, проделанной немецким «тигром». Переваливаем подъем, и впереди как на ладони раскидывается село. Справа — два наших подбитых танка.

Навстречу идет группа немецких военнопленных. Они в оборванных шинелях, на головах поверх пилоток повязаны платки. Пленные уступают нам дорогу, заискивающе улыбаются. Гвардии лейтенант Ясиновский, высунувшись из люка, громко крикнул:

— Ниже головы, горе-завоеватели!

Машину бросает на неровностях. Я стою правее люка заряжающего, придерживаюсь левой рукой за поручень башни и внимательно осматриваю окраину деревни, где идет жаркий бой. Взрыв необычайной силы потряс воздух, и я, пока сообразил, в чем дело, оказался в луже. На несколько метров в сторону отбросило начальника политотдела Богомолова и других товарищей. Вздрыбленный танк с порванными гусеницами остановился. Я торопливо поднялся и бросился к машине. О броню танка ударили пули. Это засевшие на чердаках фашисты открыли огонь. Я пополз в кювет и тут только почувствовал резкую боль в левой руке. Взглянул на окровавленную руку: большой палец болтался на коже. Врач Агамалиев оказал мне первую помощь.

Пытались подобраться к подбитому танку, но не смогли: мешал огонь фашистских снайперов и пулеметчиков. Ко мне подполз Толя Якишев:

С. И. Колесников

П. В. Чирков

В атаку! Район деревни Борилово Орловской области

Павел Бучковский

Василий Агапов

Василий Русанов

Михаил Фролов

Б. Н. Ерофеев

На Курской дуге. Вручение правительственных наград

Ф. И. Приходько

А. А. Маслов

Вынос гвардейского Знамени

В. В. Ясиновский
(послевоенное фото)

В. А. Крюков

Г. Л. Гончаров

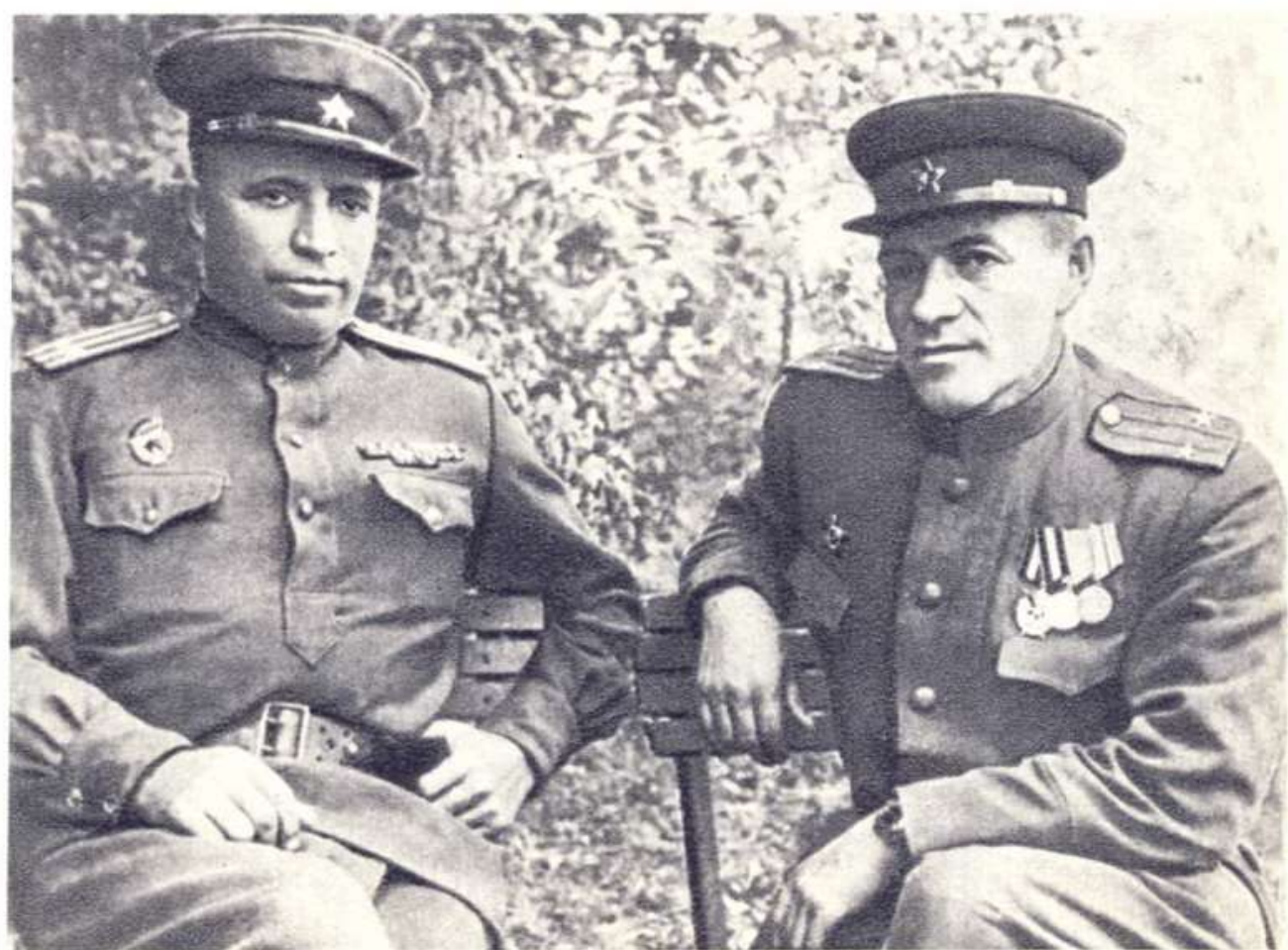
А. С. Кришталь

Иван Любивец

Виктор Тимофеев

Я. М. Баранов и М. А. Богомолов

Д. Д. Лелюшенко

Е. Е. Белов

Василий Шведов

Николай Петухов

А. С. Бабкин

В. И. Хохлов

К. Г. Салихов

Г. В. Каширский

Экипаж танка «Гвардия». Слева направо: командир танка А. В. Да-
донов, стрелок-радист А. П. Марченко, заряжающий Н. И. Мельни-
ченко, командир танкового батальона П. В. Чирков, механик-води-
тель Ф. П. Сурков

Л. А. Петухова

Д. Е. Гриценко

В. Н. Брыков

Ф. П. Пасынков

Д. М. Потапов

В. В. Васильев

Г. И. Старостин

И. Е. Романченко

С. И. Алаев

Н. Я. Железнов

Н. И. Юмашев

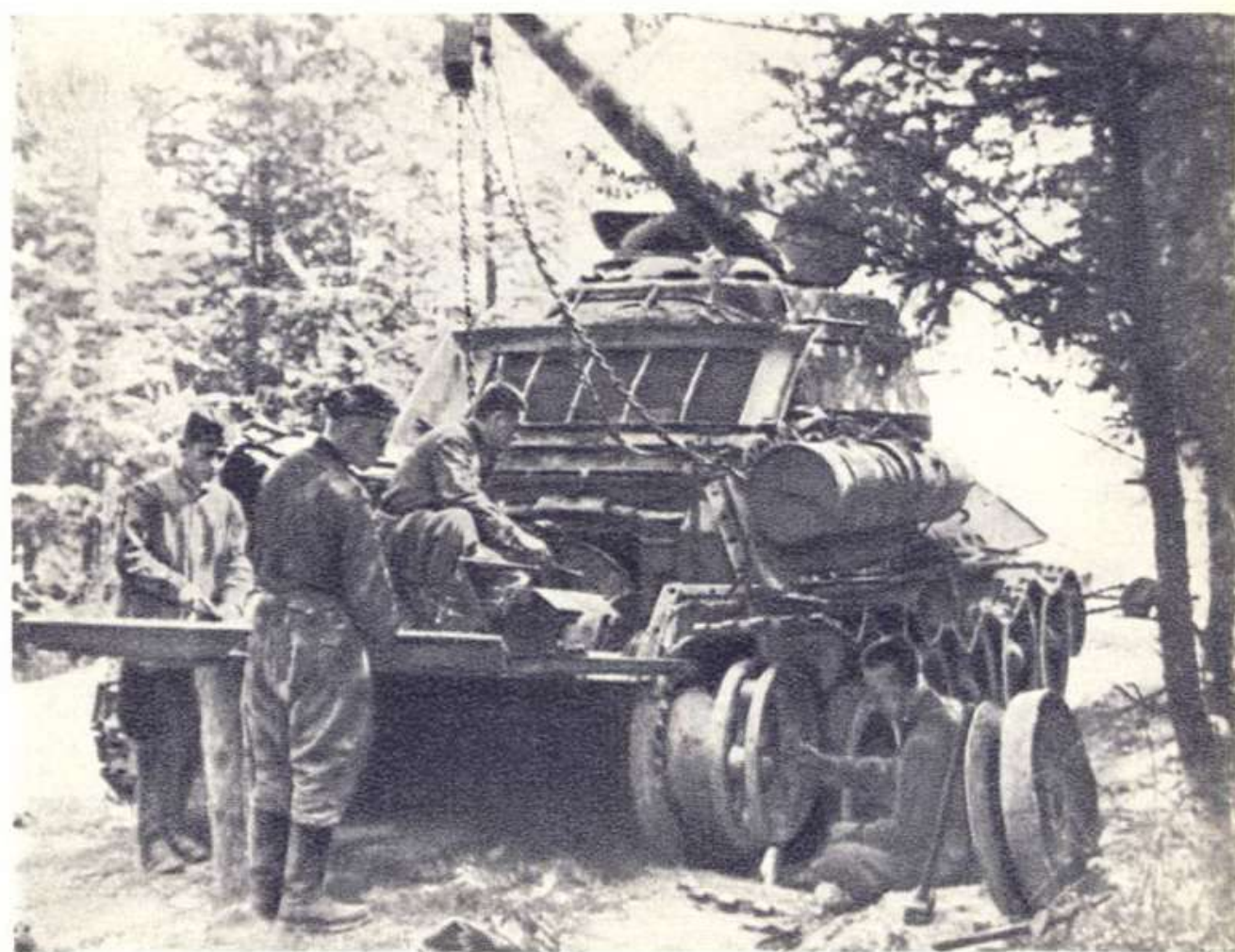
Поэт Михаил Львов читает стихи разведчикам

Николай Бирюков

Михаил Коляда

Ремонт танков в полевых условиях

П. Е. Бураков

В. И. Садовский

Хочу идти в бой коммунистом

Воспитанник бригады разведчик Толя Якишев. На этот раз в...
оборонительном бою

— Разрешите мне?

— Нельзя!

Спустя две-три минуты из танка вылез гвардии лейтенант Ясиновский и сообщил печальную весть: убиты механик-водитель гвардии сержант Мурашов и стрелок-радист, фамилию которого я, к сожалению, забыл.

По небольшому оврагу скрытно пробрались к деревне. Командир роты гвардии старший лейтенант Любивец коротко доложил обстановку. По его рации я связался с командирами батальонов, которые находились в боевых порядках своих подразделений.

— Подходим к Подволочиску, — радировал комбат Маслов.

В это время во Фридриховке, районном центре Каменец-Подольской области, вели ожесточенные бои Свердловская и Унечская бригады.

Ночью совместными усилиями частей корпуса была взята станция Волочиск. А наутро разгорелись бои за крупную железнодорожную станцию Подволочиск, Тернопольской области. Наши танки таранили эшелоны, готовые к отправке в Германию, давили метавшихся в панике фашистов. Загорелись станционные постройки. Дым, гарь...

Неожиданно на перроне появились оборванные, грязные, худые парни, они выскакивали из вагонов и приветливо махали нам руками.

На борт танка на ходу взобрался паренек лет восемнадцати. В руках у него — немецкая винтовка. Хлопец кричит мне на ухо:

— Товарищ командир, разрешите с вами!

— Добро!

Люди подбирали оружие и становились в строй.

К вечеру гитлеровцы предприняли мощную контратаку. При поддержке танков они начали теснить подразделения бригады. Им не хотелось примириться с мыслью, что Подволочиск уже в наших руках. Этот обширный край прорезала единственная железная дорога, по которой фашисты могли подбрасывать подкрепления, увозить награбленное добро. И вот мы оседлали эту дорогу. На угрожающее направление я быстро выдвинул приданную самоходно-артиллерийскую батарею гвардии капитана Дружинина, минометный взвод гвардии лейтенанта Ильченко и несколько танков третьего батальона.

Бой длился до глубокой ночи. Контратаки фашистов не имели успеха. Превосходящим силам противника был поставлен прочный заслон. Ни на шаг не отступили гвардейцы. К полуночи стрельба заметно стихла.

Штаб обосновался в небольшом домике. Сюда собрались командиры батальонов и их заместители. Глаза всех светились радостью. Бригада за эти дни прошла с упорными боями свыше ста километров и освободила несколько населенных пунктов.

Офицеры делились впечатлениями. Гвардии майор Курманалин, энергично жестикулируя, рассказывал, как мотострелки батальона, в котором он служил заместителем командира по политчасти, отражали сегодня контратаку:

— На позицию пулеметного взвода коммуниста гвардии старшего сержанта Касымова ринулось до роты гитлеровцев. Эх и здорово их встретили пулеметчики! А потом кончились боеприпасы. Касымов начал кидать в гитлеровцев гранаты. Бойцы пустили в ход приклады. Отважно дрались гвардейцы. Не дрогнули.

С рассветом возобновился бой. Немцы подтянули свежие силы. Около десятка «юнкерсов» в течение получаса бомбили наш передний край. Появились «тигры». Со стороны Тернополя подошел бронепоезд.

Тридцатьчетверки, маневрируя между домами, неожиданно били по бортам «тигров», меткими очередями расстреливали гитлеровцев, рвавшихся к станции Подволочиск. В короткой артиллерийской дуэли части корпуса разбили бронепоезд, а танкисты бригады сумели расстрелять боевые порядки контратакующих.

Сражение длилось несколько дней. Уральцы-добровольцы выдержали натиск врага до подхода основных сил 4-й танковой армии.

РУКОПАШНАЯ СХВАТКА

13 марта день выдался солнечным, погожим. Снег окончательно растаял. На дорогах появились лужи. К штабному домику прилегал небольшой сад, от которого осталось всего лишь несколько деревьев, безжалостно иссеченных осколками и пулями. На душе тяжело, щемит сердце: мы только что схоронили павших в бою товарищей.

Из раздумья нас выводит голос начальника штаба Баранова:

— К нам выехал новый командарм генерал-лейтенант Лелюшенко. Только что позвонили из штаба корпуса.

...У штабного домика остановилось несколько автомашин. Из первой вышел генерал Дмитрий Данилович Лелюшенко. Мы лично не были знакомы, но о Лелюшенко я уже много слышал. Знал, что в суровую зиму сорок первого войны его армии отстаивали столицу, а потом гнали противника на запад. Имя генерала часто упоминалось в сводках Совинформбюро и в приказах Главнокомандующего.

— Это и есть Фомичев? — пожимая мне руку, говорит генерал. — Воюете-то вы неплохо, а чем людей кормите?

Мы подошли к группе танкистов. На разостланной плащ-палатке консервы: мясные, овощные, ягодные, куча нарезанного хлеба.

Челябинцы повскакивали со своих мест.

— Видно, неплохо питаются люди, — глядя на плащ-палатку, заметил генерал.

— Не жалуемся, — ответил рыжеусый боец.

— Это наш новый командарм, — представил я генерала бойцам.

— Вот и хорошо. Отведайте с нами хлеб-соль, товарищ командующий. — И рыжеусый танкист сделал жест, приглашающий к плащ-палатке.

— Рад разделить с вами трапезу, — улыбнулся Дмитрий Данилович.

Только сейчас среди прибывших я увидел генерала Е. Е. Белова, заместителя командующего армией, и поспешил с ним поздороваться.

— Ваш новый комкор, — уведомил нас Д. Д. Лелюшенко. — Прощу, как говорят, любить и жаловать. Евтихий Емельянович Белов.

Я знал о новом комкоре много. Сын батрака из села Чуровичи, что на Брянщине, в первые годы после Октябрьской революции с оружием в руках отстаивал Советскую власть, затем стал красным командиром — взводный, ротный, батальонный, командир полка, дивизии. Е. Е. Белов — участник боев на Северском Донце и у стен Сталинграда, на Курской дуге и на Украине...

Мы возвратились на КП бригады.

— А теперь, Фомичев, получайте новую боевую задачу.— И командарм четко изложил ее. Нам предстояло выдвинуться по шоссе на запад, к селу Романувка, что раскинулось в восемнадцати километрах восточнее Тернополя, и прикрыть сосредоточение частей корпуса.

Я внимательно слушал генерала, а когда он умолк, спросил:

— А как с горючим? У нас полупустые баки. Нет и боеприпасов.

— Ну вот, начал,— шутливо заметил командарм.— Хорошо, дам горючее и боеприпасы. По воздуху перебросим.

Действительно, вскоре после того как отбыл генерал Д. Д. Лелюшенко, в небе застрекотали У-2. Потом появились транспортные самолеты. Они сбросили на парашютах необходимые нам грузы. Челябинцы вскрывали бочки с горючим, ящики с боеприпасами. Запахло бензином, солдиркой.

На сборы — час. Танки, на которых громоздились тюки с продовольствием, ящики со снарядами, вытянулись вдоль дороги. У нас их осталось немного — девятнадцать тридцатьчетверок. Некуда сажать пехоту. Как быть?

— Мы уже об этом подумали,— сказал командир батальона автоматчиков гвардии капитан Приходько.— Стрелки поедут на трофейных лошадях.

Широкое шоссе лентой убегало на запад. То там, то здесь по обочинам дороги чернели подбитые вражеские танки и самоходные орудия. Много техники оставлено гитлеровцами. «Тигры» замерли с пустыми баками. На одном из них кто-то начертил мелом стрелку, указывающую на запад, и написал: «Вперед, на Берлин!!!»

Село Романувка расположено в ложине, южнее его протекает небольшая речушка. Юго-восточнее и юго-западнее виднеются лесные массивы.

Командный пункт расположился в подвале дома на восточной окраине деревни. Саперы и разведчики установили железную печку, соорудили из досок нары и столы. Комфорт — ничего не скажешь. Было оборудовано место и для боевого Знамени.

Мы заняли оборону на окраинах села. Позиции танковых батальонов и батальона автоматчиков дугой опоясывали село с запада и юга. Батарея 76-миллиметровых

орудий расположилась так, чтобы держать под огнем шоссе-дорогу. Командиры подразделений были предупреждены: обстановка неясная, надо быть готовым ко всему. Спешно отрывались окопы, отрабатывалась система огня.

Я по радию доложил комкору о принятых мерах. Генерал Е. Е. Белов заинтересовался обстановкой и пообещал подбросить нам еще подкрепление.

Село Романувка только-только было освобождено, и наши части ушли на Тернополь. Сплошного фронта не было. В любой час могли нагрянуть гитлеровцы. Местное население нас предупредило: вчера на деревню налетела большая группа фашистов. Они захватили санитарную машину, нескольких наших раненых и снова ушли в лес.

Я хотел было спуститься в подвал, но меня окликнул Акиншин:

— Товарищ гвардии подполковник, в сторону села движется группа каких-то солдат. Неужто наши разведчики? — Он пристально всматривался вперед.

Я вскочил на броню танка и взглянул в бинокль. Солдаты, перекинув через плечо оружие, медленно брели по пахоте. Присмотрелся получше. Ну конечно, немцы. То ли разведчики, то ли отбившиеся от своих подразделений солдаты.

Приказываю командиру танка действовать. Акиншин подпускает противника на близкое расстояние и открывает огонь из пулемета. Гитлеровцы в панике бросились назад, рассчитывая укрыться в лесу, из которого вышли. Но их настигали меткие пулеметные очереди. А когда вражеские солдаты приблизились к лесу, Акиншин ударил по ним из пушки. Глаз у Акиншина натренированный — снаряды накрыли гитлеровцев.

Я спустился в подвал. Потрескивали дрова в железной печурке. Было по-домашнему уютно. Гвардии старший сержант А. А. Соколов предложил мне место на лежанке.

— Спасибо, теперь, кажется, не до отдыха.

Рядом на нарах спали разведчики. Признаюсь, и мне хотелось спать.

Вошел гвардии старший сержант А. В. Худяков, помощник командира взвода связи бригады. На нем — забрызганная грязью шинель, а на ремне — длинный парабеллум, снятый с убитого немецкого офицера.

— Связь установлена со всеми подразделениями, — доложил он.

В углу телефонистка Аня Котлярова крутила ручку телефона, проверяя связь.

— Котлярова, как слышимость?

— В норме, товарищ комбриг.

С Александром Васильевичем Худяковым мы познакомились во время завершающих боев на Курской дуге. Я возвращался из штаба корпуса в бригаду. «Виллис» бодро бежал по накатанной дороге. Из леса вышел воин и поднял руку. Шофер рядовой В. Дорошевский остановил машину.

Сержант, взглянув на мои погоны, деловито ощупал ремень — ладно ли лежит, — одернул гимнастерку.

— Мне в бригаду Фомичева, подскажите, как попасть.

— Я — Фомичев, слушаю вас.

Сержант удивленно вскинул брови, замялся:

— Не узнал вас, товарищ подполковник. Худяков я, помощник командира взвода связи.

— Садитесь в машину, подвезу.

Разговорились. Александру Васильевичу было уже за сорок. До прихода в нашу бригаду коммунист Худяков работал заместителем начальника электросилового цеха на Челябинском мелькомбинате. Встал в ряды добровольцев. Накануне боев на Курской дуге его послали в село Калиновку за имуществом связи. Прошедшие дожди размывали дороги, и он к нам возвращался с опозданием. Помню, как Худяков сокрушался, что не принял участия в бою.

— Впереди еще не один бой, — успокаивал я его.

И вот сейчас он стоит передо мной: испачканный, усталый, проголодавшийся. Уже не раз отличился. Иногда я даже удивлялся, когда он успевал со своими подчиненными налаживать связь.

В подвал влетел гвардии старший лейтенант Акиншин.

— Со стороны леса опять показалась большая группа немцев, — доложил он. — Идут прямо на нас.

Я поспешил наверх. Зеленые фигуры гитлеровцев, рассыпавшись в цепь, несмело передвигались по полю. Наблюдая за противником, который находился от нас примерно в двух километрах, я пытался понять его замы-

сел. Но как бы там ни было, надо подготовиться к бою. Связываюсь по телефону с комбатом Приходько:

— Видите немцев?

— Еще бы. Мы тут их ждем. Благо рядом и танкисты Маслова, — ответил гвардии капитан.

— Пока огонь не открывать.

Акиншин, держась рукой за скобу открытого люка, неотрывно наблюдает за поведением гитлеровцев. Мне они тоже хорошо видны. Их трудно сосчитать — слишком много.

Вражеские цепи подходят все ближе. Кажется, пора. По телефону отдаю распоряжение танкистам Маслова:

— С места, огонь!

Дружно ударили орудия. Оставляя огненные трассы, в сторону врага полетели снаряды. Фонтаны разрывов лихо заплясали в боевых порядках фашистов: огонь открыли наши минометчики.

Большая группа солдат отвернула вправо, в обход села.

Я связался по рации с гвардии капитаном Федоровым:

— Ударить по фашистам!

Развернули свои орудия влево и батареи гвардии старшего лейтенанта Пивцаева. Огонь, казалось бы, достиг наивысшей плотности. И тем не менее левый фланг наступающей пехоты упорно рвался вперед. Враг открыл сильный ружейно-пулеметный огонь. Челябинцы с двух сторон били по гитлеровцам. Попав в огневой мешок, немцы залегли и вскоре начали отходить назад, в лес.

Трудно было понять намерения врага. И лишь некоторое время спустя стало ясно: фашисты начали переходить в юго-восточный лесной массив. Они ползли по плужным бороздам, не отстреливаясь. Сейчас бы пустить танки и давить, давить их. Но тридцатьчетверки могут завязнуть: речушка болотистая, поле раскисшее и ровное. А на опушке леса наверняка притаились противотанковые орудия, и с близкого расстояния они подожгут наши танки. Нет, танками рисковать нельзя.

Подзываю гвардии лейтенанта Ясиновского:

— Бегом к минометчикам. Пусть дадут огонь по левой группе противника.

Офицер мигом устремляется в роту Сунцова. Бьют минометчики. Однако с небольшими потерями враг прорывается в лес.

Наступили густые сумерки. Левофланговую роту гвардии старшего лейтенанта Сидорова пришлось перебросить еще левее, придав ей четыре танка из первого батальона. Перегруппировка сил и огневых средств заняла немного времени. Мы были уверены: если гитлеровцы попытаются нас атаковать, сумеем удержать занимаемый рубеж. Люди настроены по-боевому. Они готовы сражаться до последнего патрона.

Противник, укрывшись в лесу, не подавал признаков жизни. Перестрелка прекратилась.

— Надо разведать лес, — сказал я помощнику командира взвода разведки, — установить расположение огневых точек противника, выявить его силы.

Гвардии старший сержант Соколов поднялся и четко ответил:

— Приказ будет выполнен, товарищ комбриг.

Александр Соколов — лихой и бесстрашный младший командир. Кажется, он для разведки и рожден, хотя у него была сугубо мирная профессия — Саша окончил студию при Челябинском драматическом театре имени Цвиллинга, был актером. В начале войны добровольно ушел на фронт. Ходил в тыл противника под Сталинградом. После ранения приехал в родной Челябинск. Узнал о формировании бригады, попросил в обкоме ВЛКСМ, чтобы зачислили в ее ряды.

Соколов не спеша надел шинель. Она измазана грязью, во многих местах просечена пулями и осколками. Неторопливо оделись разведчики гвардии сержант Пономаренко, гвардии рядовые Волков и Шевченко. В подвал вошел Анатолий Дмитрюк, командир взвода разведчиков. Он с группой бойцов выполнял другое задание.

— Разрешите и мне идти в разведку, — просит гвардии лейтенант.

Две группы разведчиков ушли в темноту. Время тянется медленно. Уже далеко за полночь. Сквозь сон слышу приглушенные разговоры: возвратились разведчики. Они привели «языка». Пленный грязный, оборванный, поверх пилотки повязан шерстяной шарф. От страха лепечет уже знакомые слова: «Гитлер капут». Он сообщил, что службу проходил в 168-м пехотном полку 68-й гренадерской пехотной дивизии. Часть потеряла связь со штабом дивизии и пошла было к Тернополю. Там ее встретили огнем советские воины. Фашисты заметались,

откатились на восток. Расположились в лесу. Их разведка накануне побывала в Романувке и доложила, что в селе советских солдат нет. И вот попали вновь под сильный огонь русских.

Пленного увели. Соколов рассказал:

— Нашли брод. Незаметно подошли к лесу. Прислушались. Немцы галдят, ужинают. А где же их огневые точки? Мы отползли назад и открыли огонь. С опушки в ответ застрочил пулемет. Засекли. Отошли влево, и еще один пулемет себя обозначил. Всполошились фашисты. Ударили их минометы.

Гвардии старший сержант показывает места расположения огневых точек на карте, продолжает:

— Слышу — справа от нас хрустит замерзшая корка земли. Пригляделся, а там маячит фигура человека. Подползаем ближе. Вижу — немец. Свалили его — и айда.

Некоторое время разведчик молчит, тянет озябшие руки к огню. На ладонях — кровавые ссадины.

— Каска спасла, а то бы от разорвавшейся мины недобровать: глядите, какие вмятины оставили осколки... — задумчиво произносит Соколов. — Было бы худо, с бригадой не хочется расставаться.

Гвардии лейтенант Дмитрюк дополняет:

— Слышу, стрельба. К чему, думаю? Потом догадался. Это Соколов манит гитлеровцев. Они подняли пальбу, а нам это на руку: все огневые точки засекли. — Командир взвода говорит негромко, чуть прищурив глаза. — У брода встречаемся. Еще издали слышу, как кто-то сопит. Гляжу: ведут фрица. Он послушно топает с разведчиками...

Разведчики легли отдыхать.

Прошу Аню Котлярову вызвать к телефону Приходько. Комбат немногословен: пока что немцы не тревожат. Приказываю быть начеку: к утру, наверное, противник что-нибудь придумает.

И я не ошибся. Едва наступил рассвет, как из леса послышалась трескотня пулеметов. Мины осыпали деревню, словно градом. Невероятная пальба подняла на ноги штабистов, дремавших в подвале.

Атакующие цепи противника выкатились из леса. В упор ударили наши орудия. Скрываясь в туманной дымке, фашистские солдаты начали переходить реку вброд. Грохот боя нарастал и справа: фашисты атаковали

нас с двух направлений. Обстановка создавалась крайне неприятная: в живой силе противник значительно превосходил нас.

Связываюсь с командирами батальонов:

— Во что бы то ни стало отбить атаку противника. Назад ни шагу!

Завязывается ближний бой. Немцы особенно напирают на позиции танкового батальона Маслова. Вместе с танкистами отбивают гитлеровцев и наши мотострелки. Положение очень тяжелое. Решаю пробраться туда. За мной бежит ординарец Марк Собко. Над нашими головами свистят пули, рвутся по сторонам мины. Взрывная волна отбросила меня в канаву, в самую грязь. Ползу по канаве: так безопаснее. Оказываюсь вблизи минометной батареи. Машу рукой Сунцову:

— Дайте беглый огонь по правому берегу реки. Только поживее.

Мины зашлепали в мокрый берег, поднимая фонтаны грязи. Но гитлеровцы продолжали лезть через речку. Они подошли уже совсем близко к нашим окопам. Кое-где завязалась рукопашная схватка. На рядового Мелкозерава напала группа немцев. Они выбили из его рук автомат и пытались пленить. Гвардеец не растерялся. Он выхватил нож, каким были вооружены все челябинцы, и всадил его в подбежавшего фашиста. Затем уничтожил второго, схватил автомат, полоснул длинной очередью. Вражеские солдаты рассыпались в стороны. Мелкозеров догнал одного из них, ударом автомата по голове свалил гитлеровца и пленил.

И вот я добрался наконец к тому месту, где решалась судьба боя. Перед комбатами Приходько и Масловым поставил задачу:

— Контратаковать, уничтожить гитлеровцев, перебравшихся на наш берег.

Гвардии капитан Приходько вскинул над головой руку с автоматом:

— За Родину! Вперед!

За командиром в полный рост шли коммунисты, комсорг батальона гвардии сержант Долман, комсомольцы, все бойцы.

— Ура! Ура!

На левом фланге контратаку возглавил заместитель командира батальона автоматчиков по политчасти гвардии

майор Курманалин. Автоматные очереди косили наседавших гитлеровцев.

Мотострелки, поддержанные огнем танков, прижали противника к реке. Перемешались боевые порядки. Снова возникли рукопашные схватки. Пьяные гитлеровцы остервенело лезли на челябинцев. С левого берега непрерывно били тяжелые пулеметы.

Укрываясь от огня, захожу в дом, в котором, как оказалось, разместился медпункт первого батальона. Врач Печерский хлопочет возле окровавленного бойца.

— Много раненых?

— Около сорока человек эвакуировали в бригадный медпункт.

К дому подползают санинструктор Тоня Зубкова и минометчик Молчанов. Они волокут носилки, на которых лежит раненый. Тот просит пить.

Антонина Филипповна его уговаривает:

— Потерпи еще, милый, сейчас напою.

— Кто это?

— Гвардии рядовой Семенов. Ранен в грудь и в обе ноги.

Носилки с раненым внесли в хату, бережно опустили на солому. Лицо Семенова было бледным. Видно, боец потерял много крови. Узнав меня, он улыбнулся, тихо сказал:

— Товарищ комбриг, а все-таки мы их отогнали. Я троих отправил на тот свет, а четвертого не успел: полоснул он по мне из автомата. Ну, ничего, маленько подлечусь — и назад в бригаду.

Молча слушаю его и восхищаюсь силой духа советского солдата, его готовностью до последней капли крови, до последнего дыхания сражаться за любимую Родину.

Мотострелки, достигнув поймы реки, вынуждены были залечь: плотный огонь не давал и головы поднять. И тут я узнал неприятную весть. Увлечшись боем, начальник штаба батальона гвардии старший лейтенант Покрищук, вырвавшись вперед, оторвался от своих. Его окружили гитлеровцы, свалили и пленили. Бойцы пытались освободить офицера, но не смогли: слишком силы были неравными.

— Видите — вдоль шоссе отходит группа немцев. Там и мой начальник штаба, — говорит гвардии капитан Приходько.

Я взглянул в бинокль. Фашисты торопливо удалялись на юго-восток. Что же предпринять? Подзываю командира танковой роты гвардии старшего лейтенанта М. Ф. Коротеева:

— Обстреляйте вон ту группу немцев. Там наш человек.

— Ясно.

Резко ударило орудие, и снаряд разорвался у цели. Еще несколько выстрелов. Гитлеровцы рассыпались по полю. Одни побежали к реке, а три человека спрятались под мостом на шоссе. Танкисты уложили еще несколько вражеских солдат.

К обеду бой стих. Вдруг на шоссе показался человек. Он махал нам руками. Оказалось, это был Покрищук. В то время, когда танкисты вели стрельбу, он сумел уничтожить двух гитлеровцев и убежать.

Через час-другой бой вспыхнул вновь. Я позвонил в штаб второго танкового батальона.

— Гвардии капитан Федоров слушает.

— Сосредоточьте огонь по левому флангу. Не давайте гитлеровцам выйти из леса.

Я решил взобраться на крышу дома, откуда лучше будет руководить боем. Направляюсь к лестнице. Меня окликают гвардии лейтенант Ясиновский:

— К вам корреспондент.

Передо мной стоит, держа под уздцы лошадь, невысокого роста смуглый юноша. Конь испуганно фыркает, опасливо косится по сторонам, всякий раз вздрагивает от разрывов мин и снарядов. Узнаю поэта и специального корреспондента «Челябинского рабочего», его я несколько раз видел на совещаниях в штабе корпуса. Михаил Львов подает мне командировочное предписание.

Он вместе со мной поднимается на крышу дома, пристально оглядывает поле боя. Просится к танкистам:

— Хочу людей видеть непосредственно в бою.

Я отговариваю. Львов, натянув на голову шапку, спускается вниз.

— Раненых несут, я к ним. А к вам еще вернусь.

Мне видно, как поэт наклонился над раненым, оттеснил санинструктора Тамару Костину и понес с бойцом носилки. А спустя минут пятнадцать — двадцать он с автоматом в руках уже сидел на броне танка Коротеева.

Позже, когда ослабли атаки противника, Михаил Львов зашел в штаб.

— Уж больно ты храбр, корреспондент. Зачем на передовую ушел?

— Вы же не возражали. — Он присаживается возле разведчиков. До меня доносятся обрывки разговора. Соколов, улыбаясь, говорит:

— Ходим к немцам, для нас это привычное дело. Приволокли «языка». Что же тут героического? — Он с трудом стягивает раскисший сапог: — Вы уж простите, посушиться надо.

У штабного домика собрались бойцы, сержанты и офицеры. А рядом, возле вырытой могилы, на плащ-накидках лежали тела павших в бою гвардейцев. Обнажив головы, воины застыли в тягостном молчании. Гвардии подполковник Богомоллов со скорбью в голосе говорил о гвардии старших лейтенантах Кучме, Морозове и Яхнине, отдавших свои жизни за Родину.

Потом слово берет гвардии капитан Чирков:

— Товарищи, мне очень трудно сейчас говорить. Я потерял лучшего друга, Яхнина, с которым вместе учился в Магнитогорске. Он честно выполнил свой долг — в тяжелейших условиях доставил в бригаду боеприпасы. Но вражеская пуля не пощадила его. — Чирков смахнул слезу, повернулся к танкистам и крикнул: — Смерть немецким захватчикам! Огонь!

Рядом стоявший танк послал в сторону леса один за другим три снаряда. Всполохи озарили вечерние сумерки. Снаряды гулко разорвались в расположении пехоты противника.

Когда стемнело, мы вынуждены были все имеющиеся в наличии резервы выдвинуть к реке Гнезна. За счет роты управления пополнили подразделения батальона автоматчиков, на наиболее угрожаемых участках поставили танки первого и третьего батальонов.

— А если противник атакует нас с запада, чем сможем помочь Федорову? — спросил меня гвардии майор Кришталь.

— Пока ничем, пусть рассчитывает на свои силы.

В подразделениях я встречался с политработниками, коммунистами. Говорил с бойцами. И как нам ни было трудно, воины уверенно отвечали:

— Выстоим! Романовку ни за что не сдадим!

Лишь поздно вечером я возвратился в штаб. Снял разбухшие от сырости сапоги, выжал мокрые портянки. Хотел немного вздремнуть. Но едва прилег, как в штаб вошел гвардии старший сержант Виктор Колчин.

— Комкор вас просит к рации, — доложил он.

Генерал Е. Е. Белов сообщил, что штаб корпуса и 29-я гвардейская Унечская мотострелковая бригада выдвигаются для сосредоточения в районе Романува Села. Я доложил, что мы с трудом сдерживаем бешеный натиск противника. Генерал подтвердил: держаться до последнего. Просить ли подкрепления? Ведь нам уже обещали, но подвезли лишь боеприпасы. Пока раздумывал, рация замолчала.

Я возвратился на КП. Ночь, а в подвале никто не спит. Молча сидит, о чем-то задумавшись, начальник штаба Баранов. Рядом с ним, склонившись над картой, штабные офицеры Гаськов и Валеев. Тут же начальник политотдела Богомоллов. Михаил Александрович вернулся из подразделений и теперь выливает из сапог воду. Он был у артиллеристов, минометчиков и автоматчиков.

— Успокоился немец, — выжимая мокрую портянку, нарушает молчание Богомоллов. — Только надолго ли? — Он придвигается поближе к огню, и теперь мне хорошо видно его лицо. Богомоллов осунулся, глаза запали. Ему, как и всем нам, в эти дни приходится много бывать в ротах и на батареях.

Меня одолел сон. Поспать, однако, долго не пришлось. На рассвете противник открыл сильный ружейно-пулеметный огонь. Завязалась перестрелка. Мы ожидали, что гитлеровцы вот-вот пойдут на нас. Прошел час, второй. Взошло солнце, и день обещал быть погожим. Но враг прекратил огонь.

Гитлеровцы ведут себя загадочно. Интересно, что они замышляют? В том, что они попытаются ворваться в Романувку, мы не сомневались. А вот когда — через час, к вечеру, ночью, — не знали. Не мог этого нам сказать и пленный. Он все мычал себе под нос: «Гитлер капут, Германия капут». Наш переводчик, бывалый разведчик Кочемазов, так и не смог от него ничего добиться.

В бинокль было хорошо видно движение в лесу и на опушке. Вероятно, противник подтягивал силы, готовился к решающему удару.

К обеду фашисты вновь оживились. Они начали вести по селу методический огонь из шестиствольных минометов. Загорелись хаты. Дымом заволокло улицы. Челябинцы бросились тушить пожар. Но вот раздались залпы вражеской батареи. На опушке леса появились небольшие группы гитлеровцев. Что-то выкрикивая, они где перебежками, а где ползком продвигались вперед. Перед фронтом атакующих появилась стена заградительного огня. Наши танкисты и артиллеристы ударили дружно, согласованно. Фашисты залегли, начали пятиться назад, отвечая огнем из пулеметов и автоматов.

Я подошел к минометчикам. На разостланных плащ-накидках рядом уложены мины, на хвостовых оперениях белеют мешочки с порохом — дополнительные заряды. Сунцов, прильнув к стереотрубе, неотрывно следит за противником. Он пока не открывает огонь — экономит боеприпасы. Я приказал:

— Дайте беглый огонь по опушке!

— По вражеской пехоте!.. — раздался охрипший голос командира роты.

На опушке леса заплясали разрывы мин. Гитлеровцы, оказавшись в огненном мешке, заметались. И тут их настиг огонь наших пулеметчиков.

Атака противника уже который раз захлебнулась, прекратилась и перестрелка. Опушка леса опустела, валялись лишь трупы гитлеровцев. Стало необычно тихо. Было решено разведать лес.

Взвод офицера Ермакова, выделенный в разведку из батальона автоматчиков, и приданная ему группа разведчиков во главе с гвардии лейтенантом Дмитрюком переправились вброд на противоположный берег реки. Они скрытно передвигались по полю. Прошли сто, двести метров. Фашисты молчат. Разведчики взбежали на бугор. И тут немцы дали о себе знать: они открыли огонь.

Командир разведки вынужден был отвести бойцов к речке. Отход мы прикрыли огнем из танков. Возвратился Ермаков, доложил:

— Немцы по-прежнему в лесу. В бинокль с бугорка были хорошо видны пехота и легкие орудия.

Особых потерь взвод не понес. Ранило троих — командира отделения гвардии сержанта Степанова, автоматчика Петина и пулеметчика Гуменюка. Санинструктор Та-

мара Костина перевязала раненых и отправила в бригадный медсанвзвод.

Теперь мы твердо знали: противник остался перед нами и надо быть начеку.

Наступила темная ночь, какие бывают на Украине в марте. Промозглая сырость пробирает до костей. Я с начальником штаба стою возле танка. Кругом тихо-тихо. И вдруг в нескольких местах вспыхнули языки пламени, раздались пулеметные и автоматные очереди. Улицы прошили трассы пуль. По звуку узнаю: бьет немецкий пулемет.

— Откуда противник? Что случилось? — спрашиваю по рации у комбатов.

Вскоре все прояснилось. Гитлеровцы скрытно обошли наш левый фланг, оседлали шоссе на дорогу Проскуров — Тернополь, а затем ворвались в село. Завязался напряженный ночной бой. Со всех сторон раздавались выстрелы. Взвод коммуниста гвардии младшего лейтенанта Митько вступил в рукопашную схватку. Его помощник гвардии старший сержант Кельмензон прикладом уложил двух фашистов, автоматными очередями свалил еще нескольких.

Из пулеметов по гитлеровцам бьют танкисты Коротеева, Лычкова, Кулешова. Яростно отбиваются от нападающего противника минометчики.

Загорелся дом, в котором размещались раненые. Через начальника штаба передаю приказ командиру медсанвзвода Кириллову:

— Раненых эвакуировать в район Романува Села, где находится штаб корпуса.

Отдаю медикам свой «виллис»: надо спасти людей, проливших кровь за Родину.

Возвращаюсь на КП. Кругом стрельба. Опасность угрожает непосредственно штабу. Пришлось напомнить гвардии старшему сержанту Соколову:

— Организуйте охрану боевого Знамени. Головой отвечаете за него.

Вдоль улицы струятся трассирующие пули. Мы оказались в огненном кольце. Но никто из воинов не пал духом. Приказываю комбату Приходько два взвода автоматчиков переместить левее — прикрыть КП. Противник забрасывает нас гранатами. Несколько разведчиков, в том числе Дмитрюк и Соколов, получили ранения, но атаку

фашистов отбили и спасли Знамя бригады. Спешно выводим танки на окраину. Танкисты давят гитлеровцев. Те с воплями разбегаются.

Дружно, с криком «ура» пошли на врагов мотострелки. Гитлеровцы дрогнули и начали откатываться по полю на север, в сторону Романува Села. Я связываюсь со штабом корпуса. Докладываю гвардии полковнику А. Б. Лозовскому.

— Какие там еще немцы? — не верит он.

Срочно снаряжаю машину, посылаю в штаб корпуса своего заместителя гвардии майора Кришталя. Надо предупредить об опасности.

Мы заняли круговую оборону. Пользуясь передышкой, забрались с Барановым в самоходно-артиллерийскую установку. От мотора тянет теплом. Сухо, уютно. Командир батареи вскрыл банку консервов.

— Немцы идут! — донесся голос наблюдателя.

Уже светает, и невооруженным глазом метрах в четырехстах отчетливо видны толпы фашистов. Оказывается, мотострелки 29-й гвардейской бригады, предупрежденные нами, шквальным огнем встретили гитлеровцев, и те повернули назад, в нашу сторону. И вот сейчас эта масса войск пытается сбить нас.

Остались нетронутыми консервы. Не до этого. Гвардии старшему лейтенанту Акиншину поручаю руководить огнем пяти танков. В утренней тишине резко ударили орудия. Открыли стрельбу минометчики. Справа по немецким пехотинцам вели огонь мотострелки Приходько, слева — батарея 76-миллиметровых пушек Пивцаева.

— По Гитлеру, огонь! — приказывает командир самоходных установок Дружинин.

Гитлеровцы, ошеломленные столь сильным огневым ударом, растеклись по всему пригорку, увязая по колено в грязи.

Теперь пора бросить в бой и танки.

Натужно взревели двигатели, и пять тридцатьчетверок, оставляя глубокие колеи в жирном черноземе, медленно поползли по раскисшему полю.

Гитлеровские солдаты дрогнули, не устояли. Но теперь они начали обходить деревню с востока, хлынули на позиции батальона автоматчиков. Бойцы Приходько и танкисты били их в упор.

За первой вражеской цепью появилась вторая, помень-

ше. Немцы бежали к реке Гнезпе. Я собрал хозяйственников, саперов и разведчиков, повел их наперерез фашистам. Те, изредка отстреливаясь, начали отступать. В упор стреляю в офицера. Выпускаю обойму в других фашистов. Ординарец Собко полоснул из автомата. Замертво упали пять-шесть гитлеровцев.

— В тыл води пленных, — приказываю Собко, а сам бегу вперед.

Правее нас слышится дружное «ура». Гитлеровцы в ужасе мечутся, не зная, куда податься. Их настигают пули, снаряды, мины. Оставшиеся в живых, обезумев от страха, поднимают руки.

Глянул на часы: двенадцать дня. Стрельба утихла. Челябинцы, разгоряченные боем, обнимали друг друга. Свыше сотни пленных взяли мы в тот день.

Вот как писал об этом бое поэт Михаил Львов:

...Был в этой битве полностью
Немецкий полк сто шестьдесят разгромлен
восьмой.
А через час в отбитом теплом доме
Танкист писал на родину письмо.
Не мог забыть он бой ни на минутку.
Рассказывали. Радовались. Бой
Мамаевым побоищем не в шутку
Договорились звать между собой.

После обеда в Романувку приехал командир корпуса генерал Е. Е. Белов. Он проворно спрыгнул с «виллиса» и, перескакивая через лужи, направился к обгоревшему штабному домику. Я шагнул навстречу генералу. Евтихий Емельянович, тепло и крепко пожав мне руку, не сдержал своего восхищения:

— Хорошо поработали челябинцы! Ей-ей, давно такого не видел. От имени маршала Жукова передайте всем благодарность.

Мы пошли по подразделениям.

Вечерело. Угасал день — день нашего успеха. Над селом стояла звенящая тишина.

РЕЙД ПО ТЫЛАМ

Один день еще мы стояли в Романувке. Подтянули запасы горючего, пополнили боекомплекты, приняли меры к восстановлению поврежденных в бою тан-

ков. Командир корпуса приказал быть готовыми к новым наступательным боям. Офицеры штаба по карте изучали районы предстоящих боевых действий, намечали маршруты, организовывали сбор данных о противнике, заботились об обеспечении войск материальными запасами, осуществляли контроль за выполнением отданных приказов и распоряжений.

Политотдел во главе с Богомоловым, командиры и политработники, партийные и комсомольские организации вели большую партийно-политическую работу. Пропагандист политотдела майор П. С. Попов и фотограф лейтенант Н. Г. Чиж выпустили серию листовок «Сражайтесь, как они». Одна из листовок посвящена разведчикам Солокову, Кочемазову и Низамутдинову. В ней рассказывалось о том, как мужественные воины спасли боевое Знамя бригады и штабные документы.

В другой листовке говорилось о том, как радисты Сергей Кестер, Владимир Войкин и шофер Николай Тестоедов в разгар боя смело вступили в схватку с группой фашистов, сумели их уничтожить и спасли радиостанцию штаба бригады.

Политотдел и штаб провели слет истребителей танков, на котором был обобщен боевой опыт. В ротах и батареях прошли партийные и комсомольские собрания. Партийное собрание состоялось и в штабной организации, где я сделал доклад «Учиться на опыте каждого боя». Коммунисты Полубояринов, Предеин, Баранов, Гаськов и другие в своих выступлениях анализировали боевые действия, обращали внимание на повышение бдительности и дисциплины, на тщательную подготовку к предстоящим боям.

...Получен боевой приказ. Нам предстояло наступать в направлении на Каменец-Подольский. Это крупный областной город.

Наш 10-й гвардейский танковый корпус во взаимодействии с 8-й стрелковой дивизией 60-й армии должен был к исходу первого дня наступления овладеть населенными пунктами Гримайлов, Окно, на второй день освободить город Гусятин, а к исходу четвертого дня выбить противника из Каменец-Подольского. Штаб спланировал боевые действия. Были продуманы вопросы управления подразделениями, налажено взаимодействие между ними, а также с приданными и поддерживающими подразделениями.

Поздним вечером 20 марта 1944 года батальоны скрытно сосредоточились на исходных позициях для наступления.

Нехотя наступало промозглое утро. Мокрый снег ложился на грязную дорогу, горками рос на броне танков, закрывая смотровые щели. Гвардии лейтенант Ясиновский в кювете нарвал пучок прошлогодней травы и, сметая с брони снег, сказал:

— Чтоб лучше видеть врага да точнее бить его.

А гитлеровцы совсем рядом. До них рукой подать. Но они не ожидают нас здесь. Противник полагает, что мы, перерезав и оседлав шоссе Проскуров — Тернополь, дальше не осмелимся наступать, побоимся оторваться от своих тылов. Взятый в плен разведкой корпуса гитлеровский солдат сообщил, что немцы имеют хорошо оборудованные опорные пункты. Судя по всему, схватки будут горячими и противника не так-то легко будет сбивать с занятых рубежей.

В 9.30 ударила артиллерия. Снаряды просвистели над нашими головами и разорвались в расположении немецко-фашистских войск. Залп повторился еще раз. А вскоре танки с пехотой на броне поплы на врага. Фашисты пытались огнем орудий расстроить наш боевой порядок. Но артстрельба вдруг прекратилась — это танк Кулешова, первым ворвавшись на огневые позиции, подмял два орудия и уничтожил из пулемета рассыпавшихся по полю фашистских артиллеристов.

Оборона немцев треснула, раскололась. Под натиском гвардейцев-челябинцев гитлеровцы начали отходить. Временами они отчаянно сопротивлялись. Из засад били тяжелые танки. С высоток, расположенных по сторонам шоссе, давали о себе знать фаустники. На пути попадались заминированные участки. Но танки неуклонно продвигались вперед.

Скалат, районный город Тернопольской области, был освобожден еще 13 марта. Но так как не было сплошного фронта, противник, отступавший на запад, вновь захватил его.

Мы спешим. Впереди — Гримайлов, Гусятин, Каменец-Подольский. Там наши соотечественники: братья, отцы, дети. Мы идем освобождать их. Челябинцы подавляют сопротивление врага, сминают его небольшие отряды.

На подходе к Скалату наши подразделения попали под

сильный огонь. Враг ожесточенно сопротивлялся. Командир корпуса приказал не ввязываться в бой за город, обойти его восточнее.

Наша задача — перерезать, захватывать дороги. Совершая рейд по тылам, рассекать на отдельные части вражеские группировки.

Моросил назойливый колючий дождь. По размокшей дороге передвигаться стало еще тяжелее. Надрывно ревели танковые двигатели.

С наступлением темноты бригада ворвалась в село Остае. Противник бросил танки в контратаку. Танки против танков. Маневрируя между хатами, тридцатьчетверки вплотную столкнулись с фашистами. Завязалась ожесточенная схватка. Загорелись дома, скирды соломы. Слева ударили «пантеры». Трудно было понять, где враг, а где свой.

Противник обрушил на подразделения бригады шквал артиллерийского огня. Фаустники, прячась в огородах, начали подбираться к танку гвардии старшего лейтенанта Любивца. Офицер при свете ракет обнаружил гитлеровцев и пулеметной очередью уничтожил их.

Механик-водитель повел машину вперед и с ходу раздавил расчет тяжелого пулемета. Танк, маневрируя по огородам, первым вышел на южную окраину деревни. Из засады ударил фаустник. Языки пламени лизнули трансмиссионное отделение. Вот-вот вспыхнут баки с горючим. Любивец бросился сбивать пламя. Пулеметная очередь полоснула по броне машины. Офицер на миг спрятался за башню. Потом снова начал сбивать пламя. Фашисты окружили тридцатьчетверку, пытаясь взять в плен членов экипажа. Командир танка вынул из-за пазухи гранату и швырнул ее во врагов.

— Вперед, дави! — крикнул Любивец механику, вскакивая в танк.

Машина рванулась по огороду. В течение минуты с группой гитлеровцев было покончено.

К утру 22 марта вражеский гарнизон села был полностью уничтожен. Танки бригады начали вытягиваться в колонну. Еще дымились сожженные хаты, во дворах, огородах валялись трупы гитлеровцев. Раненые лошади беспомощно бились в упряжках. Под конвоем понуро брели около двадцати пленных немецких солдат.

Небо прояснилось, и вдруг на нем одна за другой появились черные точки. Приближаясь, они увеличивались в размере. По звуку нетрудно было определить: летят «юнкеры». Где-то сзади нас подали голос зенитки.

— Рассредоточить танки! — приказал я.

Тридцатьчетверки расползлись по огородам. «Юнкеры» сделали заход со стороны солнца, готовясь пойти в пике. Но в это время из-за туч вынырнули наши «ястребки». Они помешали немецким летчикам нанести удар по танкам. Бомбы падали беспорядочно.

Я открыл люк танка, высунулся наружу. Горели стога солом, крытые камышом хаты. Едкий дым полз по земле.

Тороплюсь на южную окраину села, где находилась голова танковой колонны. Надо выяснить, какие потери понесла бригада. По пути встречается раненый боец. Он, прихрамывая на правую ногу, медленно идет в тыл, к санитарной машине. Кто-то ему наснех перебинтовал голову, но сквозь бинт густо проступает кровь.

Дотрагиваюсь до плеча лейтенанта Ясиновского. Он понял меня и приказал механику остановить танк. Я окликнул раненого. Он медленно повернул голову в нашу сторону, из-под бинта взглянул на меня.

— Товарищ комбриг, слушаю вас.

Боец подошел к машине и, придерживаясь левой рукой за скобу, пытается правую руку вскинуть к забинтованной голове. Узнаю рядового Беляева, автоматчика из роты Сидорова.

— Откуда вы появились? Вас ведь ранило в Романувке, и, если не ошибаюсь, доставили в медсанбат.

— Было такое. Только пустяковое ранение — пуля царапнула правую ногу. А сейчас осколком... Ну, ладно, подлечусь — и назад в бригаду. Свидимся еще, товарищ комбриг. И не позже, как через месяц-два. Не думайте, найду. По указателям. По надписям: «Хозяйство Фомичева». — Слова автоматчика звучат убедительно, как клятва.

Он уходит, а я еще с минуту смотрю ему вслед.

Возле сожженной избы танк остановился. Во дворе — уцелевший домик из самана: то ли сарайчик, то ли летняя кухня. Мы с командиром танка Ясиновским вошли туда. На деревянной скамейке сидела старушка. Она бросилась нас крестить, причитая:

— Нэхай вам бог поможе в бою. Швидче нимцив прогоняйте.

На улице возле танков собрались местные жители. Они тепло приветствовали воинов-освободителей. Женщины и девушки, одетые в национальные костюмы, спешили угостить челябинцев хлебом, молоком, вареной картошкой. Воины лукаво подмигивали девушкам, а те озорно переглядывались, прячась друг за дружку. Кто-то из бойцов задорно кричит:

— А ну-ка, смуглявая, покажись! Вернусь из Берлина — и, гляди-ка, обвенчаемся.

Девушки хохочут. Они задорно отвечают:

— С перемогой вертайтесь, тоди будэ выдно.

Мы подошли к толпе. Люди расступились, затем окружили нас. Я поздравил жителей с освобождением, пожелал им быстрее восстановить разрушенное колхозное хозяйство, не теряя времени, приступить к весенним полевым работам.

Взревели двигатели. Бойцы тепло прощаются с жителями села, а те в ответ приветливо машут руками, желают нам удачи.

После встречи с колхозниками усталость как рукой сняло. Настроение отличное. Потери бригады небольшие. Связываюсь с комкором. Слышимость была хорошая, и я доложил генералу Е. Е. Белову о наших успехах. Выслушав меня, генерал сказал:

— Продолжайте выполнять поставленную задачу.

Мы рвемся к Гримайлову — районному городку. За нами следует Пермская бригада. Танки идут на предельных скоростях. С ходу они таранят груженные немецкие автомашины и повозки, подминают небольшие заслоны.

Батальон Федорова должен захватить мост через реку, пересекающую город на две части. В головной походной заставе рота Акиншина. Три его танка уже на подходе к городу. Он радостно докладывает:

— В триплексе замелькали домики Гримайлова. Вижу стационарные постройки.

А через минуту-другую он взволнованно сообщил:

— Танки роты встречены сильным огнем артиллерии. У моей машины перебита гусеница. Повреждение устраняем.

— Постарайтесь пробиться к мосту. Обходите станцию справа. Не задерживайтесь.

— Вас понял. Выполняю. Уже заменили трак, а разбитый оставили для музея. — В голосе Акиншина звучат

шутливые потки. Даже в бою он остается верен себе: всегда в хорошем настроении. А это много значит!

Выдвигаю к вокзалу часть танков первого батальона. Силами бригады ведем бой за станцию, которая расположена на северной окраине Гримайлова. Рота Коротеева одной из первых вышла к вокзалу. Гусеницы танков лязгнули о рельсы. На вагонах виднелись выведенные мелом надписи: «Штеттин», «Бреслау», «Лейпциг». Туда везли награбленное добро.

Автоматчики завязали бой за служебные здания и попали под сильный огонь. Положение создалось не из приятных. Пора бы уже овладеть станцией, а мы все еще топчемся у пристанционных построек. Связываюсь с командиром роты Коротеевым, уточняю ему задачу. Его танки тут же выходят на прямую наводку и начинают обстрел двора.

Вдоль железнодорожного полотна появились немецкие пехотинцы. За ними — два тяжелых танка с черно-белыми крестами на бортах. Цель противника ясна: на какое-то время задержать наше продвижение вперед.

— Слева «тигры»! — доложил гвардии лейтенант Ясиновский.

Но вражеские танки уже были в поле моего зрения, и я приказал первому батальону уничтожить их. В это время по рации слышу радостный голос Федорова:

— Мост успели захватить. Удержим до вашего подхода.

У меня отлегло от сердца. Позже узнал подробности: Федоров с несколькими танками, маневрируя по переулкам, пробился к речке, перебил охрану и захватил мост целехоньким.

А в районе вокзала по-прежнему шла ожесточенная перестрелка. Мне хотелось пробиться к роте Коротеева, чтобы на месте руководить боем за станцию. Наш танк выскочил из-за угла дома и попал под обстрел. Вблизи один за другим разорвались два снаряда. Пришлось сманеврировать и, прикрываясь насыпью, двигаться вдоль полотна.

По тому, как огрызался противник, я приходил к выводу: роте Коротеева нужна подмога. И вызванные мной автоматчики уже были на подходе.

У насыпи мы увидели бойца, возле которого находилась девушка-санинструктор. У бойца были перевязаны

голова, руки и нога. Девушка пыталась оттащить раненого в безопасное место, но тот всячески сопротивлялся.

Я выскочил из танка, подбежал к раненому. Он лежал весь в крови. Осколки разорвавшейся мины разбили челюсть, впились в обе руки и ногу. Санинструктор Тамара Костина упрашивала бойца не упрямиться:

— Думаешь, без тебя Гримайлов не возьмем? Возьмем! Поверь мне, а теперь, родненький, разреши тебя в санвзвод отнести.

Боец отрицательно мотал головой.

— Не слушается, — сказала мне девушка. — Весь искалеченный, а рвется в бой.

Боец глядел на меня, что-то хотел сказать, шевеля побледневшими губами. Потом он дотянулся до кармана, вынул огрызок карандаша и окровавленными пальцами с трудом вывел на измятом солдатском треугольнике: «Троих в рукопашной уложил, а четвертый, гад убежал. Жаль. Коммунист Акимов».

В нескольких метрах от нас разорвался снаряд. Взрывной волной меня бросило на кучу прогнувшихся шпал, обдало грязью. Немцы, видимо, нас заметили и открыли огонь. Я вскочил на ноги. С санинструктором Костиной мы подхватили Акимова и оттащили за железнодорожную насыпь. Оттуда его отправили в медсанвзвод.

К этому времени подоспели танкисты Пермской бригады, подошли истребительно-противотанковый полк и 29-я мотострелковая бригада. Через час станция полностью была очищена от гитлеровцев. На здании затрепетал красный флаг.

На пути к вокзалу мы увидели группу бойцов. Они с интересом что-то рассматривали. Я попросил Ясиновского остановить танк. Дзот, вокруг которого собрались челябинцы, был втиснут в железнодорожную насыпь, вооружен одним орудием и двумя тяжелыми пулеметами. Теперь дзот лежал развороченным, груды металла еще дышали жаром. Тут же валялись обгоревшие трупы фашистов.

Кто-то дотронулся до ствола исковерканного орудия; произнес восторженно:

— Ничего себе штучка, теперь поминай как звали! Гвардейцев работа. То-то же!

Раздавались отдаленные разрывы. В центре города вели бой подразделения нашей, Пермской и Унечской бригад. Гвардии капитана Федорова я нашел в разбитом

кирпичном домике. На полу валялись битое стекло, обрывки грязной бумаги, куски кирпича. Из проема окна комбат следил, как развивался бой. Василий Александрович доложил, что немцы подбили его танк и экипаж устранил повреждения. В батальоне всего два раненых, других потерь нет. Федоров сообщил довольно неприятную весть: сгорела машина моего заместителя гвардии майора Криштале.

— А как экипаж?

— Кажется, кто-то ранен. Видел, как на носилках унесли в дом, что на противоположной стороне.

Вместе с Федоровым и Ясиновским перебежали улицу. У входа в подвал нас встретил заместитель начальника оперативного отделения штаба бригады гвардии капитан Гаськов.

— Кристаль ранен в ногу, — сообщил он.

В освещенном углу на пружинном матраце лежал гвардии майор. Старший фельдшер роты управления М. Д. Мостовов забинтовывал ему ногу. С трудом сдерживая стоны, раненый корчится от боли. Мостовов успокаивает его:

— Не шибко, товарищ гвардии майор. Заживет.

Кристаль мучительно кривит лицо, просит пить. Заметив меня, вяло улыбнулся и, словно в оправдание, тихо сказал:

— Не повезло, товарищ комбриг. Надо же так — из-за угла «фердинанд» резанул. В упор. И ему не поздоровилось. Я успел выстрелить.

Офицер умолк. Я наклонился, попрощался с ним:

— Еще встретимся, выздоравливай.

Но встретиться нам больше не пришлось. Через несколько дней я с болью в душе узнал, что ранение оказалось смертельным. Мы потеряли храброго офицера. О майоре Кристале у меня сохранились самые светлые воспоминания. Он был хорошим помощником во всех делах.

Мы вышли из подвала. Бой уже шел на южной окраине города. Кое-где рвались шальные снаряды, горели дома, рушились крыши. От копоти и дыма почернели каменные стены. Возле угла дома путь преградил автоматчик.

— Улицу переходить опасно, бьют засевшие на крышах снайперы, — предупредил он нас.

Я не успел ему ничего ответить, как мимо уха чиркнула пуля. Вбегаем в соседний дом. От разорвавшегося снаряда качнулись стены и обгоревшие балки потолка

рухнули на пол. Мы отделались легкими ушибами. Карбакаемся по развалинам, окольными путями добираемся до машин.

По улицам трудно проехать. Горят немецкие трехосные машины, автобусы. Лоб в лоб, уткнувшись, стоят наш танк и «тигр». У разбитого 81-миллиметрового миномета трупы фашистских солдат. Возле брошенного «опеля» орудуют два наших бойца. Один из них сидит за рулем, другой лихо вращает заводную рукоятку.

Едем на южную окраину. Город освобожден. Из подвалов с поднятыми руками выходят уцелевшие солдаты противника. Небритые, уставшие, с опухшими от бессонницы глазами. Один из пленных с наброшенной на плечи шалью подозрительно пятится назад. Кто-то из наших бойцов толкает его в бок:

— Куда глядишь?

С него спадает шаль.

— Братцы, так это же власовец! — крикнул боец.

Пленный попытался поспешно сорвать опознавательную нашивку.

— Куда тянешься, предатель? — остановил его боец, и власовца взяли под особый конвой.

Штаб бригады на время разместился в полуразрушенном домике. Ординарец Собко невесть откуда принес охапку соломы и, расстелив на ней плащ-палатку, стал готовить ужин: вывалил из вещмешка несколько банок консервов, буханку черствого хлеба. Присели начальник штаба Баранов, начальник политотдела Богомолов, начальник связи бригады Никифоров, офицер Гаськов. Чадит коптилка. От усталости не хочется есть.

— Пойдите, пойдите. — В дверь протискивается начпрод Юмашев. — Все-таки догнал вас. Законные сто граммов полагаются. — И он, подав Баранову флягу со спиртом, начал стягивать с себя полшубок.

— Не раздевайтесь, у нас не очень жарко.

— За освобождение Гримайлова! — предложил тост начальник штаба. Но ужин пришлось прервать: на улице возле дома разорвался снаряд. Потом второй, третий.

Лейтенант Ясиновский бросился к выходу, но тут же был отброшен взрывной волной. В открытую дверь дохнуло жарким пламенем. Снаряд угодил в угол дома, загорелась крыша. Потухла коптилка. Немецкая дальнобойная

артиллерия, потревожив нас, через минуту прекратила стрельбу.

Было решено сменить место штаба. Зашли в ограду какого-то одноэтажного дома, хлюпаем в луже сапогами. Словно из-под земли на крыльце вырос старик в исподнем:

— Проще, панове. — Он уступил нам дорогу. В небольшой комнате с закопченным потолком на полу валяются стреляные гильзы, бутылки из-под шнапса, обрывки топографической карты. На подоконнике — полевой телефон, кожаное снаряжение. В печке потрескивают дрова. Хозяин поясняет, что час назад здесь квартировали немцы.

— Право же, полный комфорт, — снимая полусубок, говорит Богомоллов и укладывается на ночлег.

Меня вызывают к рации. Гвардии старший сержант Виктор Колчин уступает мне место. В трубке слышится голос гвардии полковника А. Б. Лозовского.

— Где остановились? — интересуется начальник штаба корпуса.

Докладываю координаты. В свою очередь он называет координаты штаба корпуса (это где-то в двух-трех километрах от нас) и приказывает прибыть в штаб.

На «виллисе» петляем по темным и незнакомым улицам Гримайлова. Нам повезло: на одном из перекрестков девушка-регулировщица, проверив наши документы, показала рукой:

— В том доме расположился штаб корпуса.

Генерал Е. Е. Белов молодо шагнул навстречу и крепко пожал руку. В небольшой комнате уже собрались командиры бригад. Евтихий Емельянович сел за квадратный стол, на котором была разостлана карта-склейка. Он о чем-то негромко беседует с начальником штаба.

— Прощу поближе. — Генерал поднялся из-за стола. Карту хорошо освещает коптилка, и мне видна красная стрела, нацеленная строго на юг.

— До Каменец-Подольского — рукой подать, — восторженно заговорил комкор. — Поднажмем — и денька через два будем в нем. Но не забывайте, что мы в тылу врага. Противник попытается приостановить нас. Надо позаботиться и о тылах, и о прикрытии, хотя это не значит, что мы должны на них оглядываться. Пробиваться только вперед, на юг, и как можно быстрее. По-прежнему перере-

вайте, захватывайте дороги, тесните противника, давите и сбрасывайте его технику в грязь.

Комкор взглянул на карту и, обращаясь ко мне, сказал:

— Ваша Челябинская бригада пересечет фронт первой гвардейской танковой армии генерала Катукова в районе Копычинцев и затем пойдет в направлении на Скала-Подольская, Оринин, Каменец-Подольский.

Другие бригады корпуса получили задачу наступать левее нас, на город Гусятин.

Затем генерал спросил у командиров бригад о людях — героях боев.

— Отличившихся много? — спросил он у меня.

— Считайте, вся бригада.

— Молодцы челябинцы, наиболее отличившихся представьте к награде.

За полночь я возвратился в бригаду. У штабного домика какое-то оживление, саперы снуют с миноискателями. На ногах все офицеры штаба.

— В чем дело?

Баранов возбужденно рассказал:

— Легли отдыхать. Слышу: «тик-тик-тик». Думаю: что же это? Позвал командира саперного взвода. «Так это же мина замедленного действия», — сказал гвардии лейтенант Лившиц и извлек из-за иконы деревянный ящичек. Говорит: «Через час было бы уже поздно. Поминайте как звали». А старик, хозяин дома, утек: очевидно, из украинских националистов, — заключил начальник штаба.

Саперы обследовали дом. Так до утра никто из нас глаз и не сомкнул. Впредь надо быть осмотрительнее, проявлять бдительность.

На рассвете возвратились разведчики.

— Убегают немцы, — доложил исполняющий обязанности командира разведвзвода Александр Ярошенко. — Тьма-тьмущая техники на дорогах. Надо торопиться, пока не ушли далеко.

Танки рванули по широкому шоссе. По сторонам замелькали омытые дождями белые домики, обнесенные заборами. Немцы почти не оказывали нам организованного сопротивления. На дорогах — уйма машин с пустыми бензобаками. Брошенные обозы. Бродят по полю, пощипывая траву, лошади.

Группа немцев бросила оружие, расступилась по сторонам. Пленных уже конвоируют в тыл.

Перекресток дорог. Бригада поворачивает на юго-восток, на Копычинцы. Там уже идет бой. Это танкисты 1-й гвардейской армии рвутся к Днестру.

Копычинцы. Тянет дымом — горят дома. Разрушены многие здания. На тротуаре, распластав руки, лежит убитый офицер-эсэсовец. Изрешеченный пулями автобус. Обгоревшие танки с крестами на башнях.

На улицу выбежали освобожденные люди. Они бросают танкистам моченые яблоки, тепло приветствуют бойцов Красной Армии.

Наступление продолжается.

Впереди Скала-Подольская. Танки с ходу таранят бронированные фашистские машины, врываются в городок. Противник в панике мечется. Со всех сторон слышится пулеметно-автоматная трескотня, рвутся мины, снаряды. Гитлеровцы уцепились за речушку. Часто бьют их пушки. Покосившиеся опоры моста вот-вот обрушатся.

Бригадная разведка нашла брод. Мне невооруженным глазом видно, как тридцатьчетверки плавно преодолевают реку, а вскоре их гусеницы заскользили по каменистому берегу. Подмяв гусеницами деревянную ограду, одна из машин устремилась к замаскированной пушке. Гитлеровцы врассыпную. Но куда там! Их настигают меткие пули. Безмолвно застыло орудие.

Противник после короткого боя поспешно отходил на юг. Наши танки с десантом неотступно следовали за ним.

Дорога вела к Оринину — небольшому городку, раскинувшемуся по обеим сторонам реки Жванчик. Рваные черные тучи висели над головой, временами лил холодный, нудный дождь. Мелькали квадраты небольших полей. К дороге прижимались лесные массивы.

До Оринина шли почти без боев. Небольшие заслоны сминали без особого труда. Но на подходе к городу головная походная застава попала под артиллерийско-минометный огонь. Завязалась перестрелка.

Пришлось развернуть подразделения бригады и атаковать гитлеровцев, засевших на берегу речки. Танки, минометная и артиллерийская батареи открыли дружный огонь, при его поддержке стрелки начали штурм обороны противника. Враг пытался оказать сопротивление. Но тщетно. Под неотступным натиском гвардейцев гитлеров-

цы дрогнули, стали отходить. Не дав возможности противнику зацепиться за постройки, мы на его плечах ворвались на восточный берег и в результате короткого боя в полдень 24 марта полностью овладели городом.

Короткий отдых. Дозаправляем танки, пополняем боеприпасы. Вокруг танков — молодежь, женщины, дети. Шутки, смех, веселье. Наши танкисты надолго запомнили эту встречу и часто в боях вспоминали о ней. А иной раз из Оринина и письма к нам в бригаду приходили.

Мы с начальником штаба склонились над картой.

— Не худо у нас получается, — говорит он.

— Пока да. За сутки по пятьдесят — семьдесят километров проходим, — соглашаюсь я. — Но как легче, с наименьшими потерями, освободить Каменец-Подольский, убедить его от разрушений?

Нами овладел азарт наступления. Прикидываю на карте: до Каменец-Подольского не больше тридцати километров. Если поднажмем, вечером будем в городе. По данным разведки, вражеский гарнизон насчитывал девять тысяч человек. В его распоряжении тяжелые танки, самоходные орудия, минометы. Но и мы движемся на город не одни. На него нацелены не только соединения нашего танкового корпуса, но и 6-го гвардейского механизированного корпуса.

Собираем солдат на митинг. Его открывает начальник политотдела. Богомоллов краток. Он предоставляет мне слово. Довожу до гвардейцев приказ Верховного Главнокомандующего, который мы только что приняли по радио и в котором говорилось о прорыве вражеской обороны на участке Тернополь, Проскуров. Подчеркиваю то место в приказе, где отмечались действия нашей 4-й танковой армии, сообщаю, что Москва в эти часы салютует героям наступления. Затем говорю о той чести, которая выпала нам, челябинцам, — первыми войти в областной город, призываю коммунистов и комсомольцев, весь личный состав беспощадно бить фашистов.

На митинге выступают бойцы, командиры, политработники. В их словах, решительных жестах ощущается глубокая вера в свои силы, в победу.

Урчат танковые двигатели. Колонна вытягивается по шоссе. Валит густой снег, ограничивая видимость. И вдруг меня осеняет мысль: включить фары — это морально будет воздействовать на врага.

По рации связываюсь с комбатами. Включены фары, свет с трудом пробивает снежную толщу. Машины мчатся на максимальных скоростях. Давим немецкие обозы. Порой приходится двигаться по узкому коридору между трофейными автомашинами, пушками, автобусами. Бросая технику, гитлеровцы откатываются к Каменец-Подольскому.

С наступлением ночи врываемся в Должок — пригород Каменец-Подольского и почти без боя овладеваем им. Нам достались богатые трофеи: около пяти тысяч машин разных марок. Улицы загрохотали шикарными «опель-капитаны», трехосные грузовики, толстогузые штабные и санитарные автобусы.

С зажженными фарами врываемся на западную окраину города, старая часть которого раскинулась на высоком, обрывистом полуострове. Танк Кулешова первым выскочил на мост, перекинутый через речку Смотрич. На броне танка — разведчики. Гвардии рядовой Кочемазов на немецком языке кричал: «Каменец-Подольский окружен Красной Армией!»

Гитлеровцы в нижнем белье выскакивают на улицу, но тут же их настигают меткие пулеметные очереди челябинцев. Немцы не поймут, откуда взялись русские танки. Ведь еще утром им говорили, что русские за сотню километров от города и им не быть в Каменец-Подольском. Появление танкистов с запада явилось для них полной неожиданностью.

Кое-где противник начал оказывать сопротивление. Из переулков нет-нет да и выползали немецкие танки. Но не успевали они произвести и первого выстрела, как вспыхивали от наших снарядов. Однако чем ближе продвигались мы к центру города, тем ожесточеннее становилось сопротивление врага. Особенно упорный бой шел в районе крепости. Здесь фашисты не только отчаянно оборонялись, но и предпринимали контратаки. Ближний огневой бой перерос в рукопашный: челябинцы оттеснили противника. Бои развернулись на многих улицах города. Огнем орудий, автоматами и гранатами гвардейцы прокладывали себе дорогу, отвоевывали дом за домом, перекресток за перекрестком.

Рядом с нами вели бои Свердловская танковая и Унечская мотострелковая гвардейские бригады, другие части корпуса. Город полыхал в дыму и огне.

Сражение за город продолжалось всю ночь. Поредели ряды челябинцев, но их удары не ослабевали. На одной из улиц гитлеровцы просочились к дому, который прикрывал подступы к важному перекрестку. Их надо выбить. Но как? Командир взвода гвардии лейтенант Митько первым поднялся во весь рост:

— За мной, вперед, челябинцы!

За командиром-коммунистом бросились бойцы. Войны в упор расстреливали гитлеровцев и очистили от них дом.

Днем 25 марта бои не утихали. Приходилось драться за каждый дом, за каждую улицу. С криками «ура» гвардейцы смело ходили в атаки, незаметно подбирались к засевшим на чердаках и в подвалах гитлеровцам, штыком, гранатой уничтожали их.

Наш танк идет мимо сожженного дома, перед руинами которого опустился на колени боец. Мы подошли к воину. Ясиновский мне шепчет:

— Это танкист Михаил Эльфонд, местный, каменец-подольский.

— Не успели, товарищи, — обращается к нам боец. — Три года я ждал этой минуты. В этом доме жили мать, отец, сестра Мариам. Теперь нет их...

Прибежали соседи. Михаил бросается к старухе:

— Тетя Броницкая, а мои где?

Она успокаивает Михаила:

— Мать и отец ушли из дома еще до прихода немцев. А Мариам, — старуха уткнулась в грудь воина, рыдая, — бедная Мариам... Фашисты загубили ее.

В этом городе Эльфонд родился, на этой земле он сделал свои первые шаги, здесь прошла его юность. А теперь он стоит на еще дымящихся развалинах.

Эльфонд не плачет, он смотрит на нас застывшими глазами:

— Товарищ комбриг, дайте мне самое опасное задание, сегодня дайте, сейчас! — Вскинув автомат, воин побежал туда, где шел жестокий бой.

Огненное кольцо постепенно сжимается. Части добровольческого танкового корпуса настойчиво теснят противника. Фашисты пытаются пробиться на западную окраину. Их многочисленные войска наседают на нашу бригаду. Челябинцам приходится туго. Важно выстоять, удержать занятые позиции.

Теперь и мой командирский танк вынужден занять оборону в развалинах сожженного дома. В проем окна выглядывает лишь ствол пушки. Со стороны Турецкого вала показалась «пантера», за ней крадутся десятка два солдат. Их замысел нам ясен: враг пытается незаметно обойти одну из наших танковых рот.

Ясиновский становится у прицела. Как всегда, он спокоен. На его лице ни тени волнения. Обращивается ко мне:

— Подпустим поближе. Чтобы наверняка.

Ствол пушки начал медленно перемещаться влево. Резкий выстрел. Снаряд угодил в цель. «Пантеру» заволокло дымом, и в ту же секунду вспыхнуло пламя.

Пехота противника, прижатая пулеметным огнем, залегла на мостовой. Выползла еще одна «пантера» с ребристыми полосами.

— И этот номер не пройдет, — говорит Ясиновский.

Внимательно наблюдаем за поведением гитлеровцев. Тем временем начальник штаба Баранов докладывает по радио:

— Приходько сообщил: немцы отрезали дом, в котором обороняется взвод гвардии лейтенанта Митько. Просит помочь.

В те дни подобных случаев было немало. Мы теснили немцев, а они порой пробивались через наши боевые порядки, окружали наши подразделения, пытались приостановить наступление советских войск. Попавших в окружение приходилось выручать. Вот и теперь на помощь взводу я выделил два танка и отделение автоматчиков.

Позже стало известно о подвигах бойцов взвода Митько. Когда взвод оказался отрезанным от роты, гвардии лейтенант в трехэтажном доме организовал круговую оборону. Гитлеровцы постепенно проникли в дом. Бой завязался на лестничных клетках, перенесся на второй и третий этажи. Горстка храбрецов устояла против напора гитлеровцев, удержала дом до подхода подкрепления. Командир взвода, бойцы и сержанты были награждены орденами и медалями.

...К утру 26 марта бой несколько ослаб. Гитлеровские вояки целыми ротами сдавались в плен. К обеду Каменец-Подольский был освобожден.

Богомолов приглашает осмотреть крепость. Было радостно, что нам удалось помешать гитлеровцам превратить ее в руины.

С обрывистого берега реки Смотрич хорошо видна юго-западная часть города. Еще горят дома, среди брошенной техники по улицам снуют наши танки, самоходные орудия.

Каменец-Подольский освобожден, но мы знаем: бои за него еще не закончились. Пока что войска 1-го Украинского фронта лишь расчленили группу немецко-фашистских армий «Юг»: ее 4-я танковая армия отброшена на запад, а левофланговые соединения 1-й танковой армии — на восток.

Таким образом, севернее Каменец-Подольского окружена большая группировка в составе десяти пехотных, десяти танковых, одной моторизованной дивизии и нескольких других частей. Кольцо окружения было не сплошным и недостаточно прочным. Между флангами частей и соединений существовали разрывы. Ясно, что враг попытается выбиться из окружения.

Утомленный боями, я лег на топчан, стоявший в углу штабного подвала, и крепко уснул. Под утро сквозь сон слышу — меня кто-то треплет по плечу. С трудом раскрыл глаза.

— Извини, Михаил Георгиевич, что потревожили. — Узнаю по голосу — говорит командир Свердловской бригады гвардии полковник Н. Г. Жуков.

Отбрасываю в сторону тулуп, обнимаюсь с комбригом, здороваюсь с начальником политотдела бригады подполковником И. И. Скопом. В это время политотдельцы принесли запись сводки Совинформбюро. Читаем:

«Войска 1-го Украинского фронта, развивая наступление, вчера, 26 марта, в результате стремительного удара танковых соединений и пехоты овладели областным центром Украины городом Каменец-Подольский — сильным опорным пунктом немцев на Днестре. В боях за овладение городом Каменец-Подольский отличились части полковника Смирнова, полковника Жукова, полковника Денисова, полковника Фомичева...»

Не послышалось ли: «полковника Фомичева»? Может быть, ошибка? Но вот позвонили из штаба корпуса: мне действительно присвоено звание «полковник».

Где ординарец Собко? А вот он, калачиком свернулся в углу и спит крепким сном. Тихонько трогаю Марка Наумовича за плечо. Не слышит. Устал тоже. Почти семь суток не смыкал глаз.

Я разыскал вещмешок, вынул консервы. Пригласил к столу гостей. Подсели Богомоллов, Баранов, Гаськов. Позавтракали. Поздравляли друг друга с победой, а меня еще и с новым воинским званием.

После освобождения Каменец-Подольского не могло быть и мысли о передышке. Окруженная вражеская группировка, нависавшая над нами с северо-востока, дала о себе знать буквально на другой день. И это объяснимо. Ведь через областной город проходила единственная мощная дорога, ведущая на запад через Ориин и далее на Бучач и Подгайцы. По этой дороге командование противника рассчитывало соединиться с остальными войсками группы армий «Юг» в районе реки Стрыпа. «...Враг стремился, — как об этом писал командующий 4-й танковой армией генерал Д. Д. Лелюшенко, — любой ценой выбить нас из Каменец-Подольского, Ориина, Жердые и других пунктов, через которые проходило это шоссе с булыжным покрытием. Мы же приняли решение во что бы то ни стало удержать эти пункты в своих руках.

С 28 марта по 2 апреля происходили ожесточенные бои не на жизнь, а на смерть. Враг непрерывно наносил сильные удары... Но, несмотря на многократное превосходство противника в живой силе и технике, овладеть этими населенными пунктами гитлеровцам не удалось. 4-я танковая армия удержала их в своих руках до конца.

Исключительный героизм проявляли защитники Каменец-Подольского, когда гитлеровцы сделали попытку вновь овладеть этим городом. 61-я и 63-я танковые, 29-я мотострелковая, 16-я механизированная гвардейские и 49-я механизированная бригады, 121-я стрелковая дивизия, 127, 28 и 56-й танковые полки стояли насмерть»¹.

Командарм дает высокую оценку мужеству защитников Каменец-Подольского. И они действительно достойны похвалы. Стойко бились с врагом все воины нашей бригады — танкисты, автоматчики, артиллеристы, связисты...

В те дни мы начали испытывать нехватку боеприпасов: тылы отстали, оказались где-то за окруженной группировкой противника. Но мне то и дело обращались командиры батальонов и рот:

¹ Д. Д. Лелюшенко. Москва — Сталинград — Берлин — Прага. М., «Наука», 1973, стр. 239—240.

— Боеприпасы на исходе. Хватит на один день, не больше.

Надо было искать выход. Вызываю начальника артснабжения гвардии старшего лейтенанта Иванкова и приказываю собирать трофейное оружие и боеприпасы.

Из тыловиков, санинструкторов были организованы две группы по сбору трофейного оружия. Одну из них возглавил Иванков, а вторую — спецкорреспондент «Челябинского рабочего» Львов. Вскоре в роты начали поступать немецкие пулеметы, автоматы, пушки и к ним боеприпасы. Трофейным оружием гвардейцы-челябинцы начали битьседавших врагов.

Силы были неравными. Мы ощущали недостаток в танках и орудиях. А держать оборону, когда у тебя мало огневых средств, трудно. За одну ночь мы потеряли чуть ли не все орудия батареи 76-миллиметровых пушек. Помнится, утром я зашел на огневую позицию батареи. Командир первого взвода гвардии лейтенант Игошин, приложив забинтованную руку к головному убору, доложил, что батарея готова сражаться до последнего солдата. Возле разбитого орудия в окопе лежал раненый боец, рядом плащ-палаткой были накрыты погибшие.

Я приподнял плащ-палатку. В одном из солдат узнал рядового Литовченко.

— На рассвете убило. Прямым попаданием, — сказал Игошин.

Я хорошо знал рядового Литовченко. Он был родом из Полтавской области. Помню, он обратился ко мне с необычной просьбой: отпустить на день домой. «От Киева — рукой подать», — убеждал меня боец. Через два дня Литовченко возвратился сияющий. Родители живы-здоровы. Марийку, сестричку свою, обнял. Выжили в неволе, прятались в лесах. В городе Гримайлов этот отважный наводчик два танка подбил. Тогда я приказал представить его к ордену Отечественной войны. А теперь вот он, лучший наводчик, лежит, иссеченный осколками.

Возле другой пушки возится ее командир гвардии старший сержант Левшунов. Высокий, худой. Густая щетина на впалых щеках. Знаю, недавно он получил сообщение, что и второй его сын погиб.

— Петр Андреевич, здравствуйте.

Присели на станину. Виду не подает, что устал. Впо-ру бы отдохнуть, а он месяцами не выходит из боев. Прошу

рассказать о только что прошедшем бое. Петр Андреевич прячет израненные, забинтованные руки.

— Обычный бой был, товарищ гвардии полковник. Много их на нас шло. Жаль ребят — пять убитых и пять раненых. Еще не успели в санчасть отправить.

У ног валяются еще не остывшие гильзы, пустые деревянные ящики, пропитанные густой кровью бинты.

— «Тигры» находились в ста двадцати метрах от нас. Вначале расчет вел огонь бронебойными — не берет. Из неприкосновенного запаса вытащили последний ящик с подкалиберными. Выстрелили. «Тигр» закружился на месте. Другой «тигр» пытался его взять на буксир, но Литовченко и его подбил. Третий «тигр» вывел из строя двух наводчиков. Тогда я стал у прицела и заставил «тигр» замолчать. Потом появилась пехота. Гитлеровцы шли в полный рост. Четыре раза они бросались вперед, и четыре раза мы отбрасывали их.

Подходит командир корпусного минометного полка гвардии подполковник В. К. Зыль:

— Храбро дрались твои челябинцы. Выручили нас. Фашисты так и не прорвались к огненным позициям батареи, оставили на поле боя более сотни убитых солдат и офицеров и три танка «тигр».

Мы прощаемся с артиллеристами. Идем дальше. На перекрестке полевой дороги — подбитая тридцатьчетверка. Возле нее сидит и плачет механик-водитель гвардии старший сержант Н. С. Балашов.

Из машины высовывается вымазанный маслом башенный стрелок Н. Стремиллов:

— Амба, все сгорело.

— Не вовремя, товарищ комбриг. Подбили три танка. Фаустник подполз — и по нас. Буран, не видно...

Успокаиваю бойцов:

— Скоро получим новые танки.

Танкисты берут автоматы и идут в бой.

В штаб бригады мы возвратились поздно вечером. Начальник штаба сообщает печальную весть:

— Двадцать девятого марта убит Смирнов, командир Унечской бригады.

Прощай, боевой друг! Почти год мы шли с Михаилом Семеновичем плечом к плечу. Воевали рядом, а встречались лишь иногда в штабе корпуса. Лихой комбриг. Всегда шел с мотострелками в боевых порядках.

В то время когда основные силы бригады отражали бешеные атаки фашистов, рвавшихся в Каменец-Подольский, отдельные группы гвардейцев, отрезанные от нас, кочевали по тылам противника. Застрявший танк превращался в огневую точку, тыловые подразделения смело преграждали путь наседавшим фашистам. В те дни многие челябинцы, оказавшиеся в окружении гитлеровцев, показали образцы беззаветной храбрости, мужества и героизма.

...Начальник техслужбы бригады гвардии капитан Тисенин собрал бойцов.

— Нас немного, двадцать три человека. Будем стоять насмерть. Мой заместитель — гвардии лейтенант Белоусов.

В группе оказались помощник по технике командира роты гвардии лейтенант Хватин, гвардии рядовые В. Дубов, В. Козлов, А. Козлов, экипаж подбитого танка — Белоусов и гвардии сержанты Синец и Рыжов... Утром 3 апреля они направились в деревню Лясковцы. На пути к группе присоединился расчет 45-миллиметрового орудия на конной тяге.

Гвардейцы подошли к деревне.

— У нас много немцев, — сказала хозяйка крайней хаты. — Только сейчас фашисты схватили двух партизан, готовят им виселицу.

— Освободить! — принял решение гвардии капитан Тисенин.

Челябинцы скрытно стали пробираться по огородам.

Столпившиеся фашисты не подозревали о нависшей над ними угрозе. Тисенин подал команду, и группа бойцов открыла огонь из автоматов. Каратели, охваченные паникой, пытались укрыться в избах. Но не успели. Стремительная атака гвардейцев завершилась разгромом карателей. В схватке особо отличился гвардии рядовой Балашов: он уложил несколько эсэсовцев. А Тисенин убил из пистолета фашистского офицера, мчавшегося по улице на коне.

Тем временем продолжались тяжелые оборонительные бои под Каменец-Подольским. Вражеские соединения и части, встретив здесь упорное сопротивление, начали обходить город с севера. Но 2 апреля им удалось выйти в район Борщова, что находится между Каменец-Подольским и Бучачем.

В наспех оборудованную землянку с трудом протиснулся рослый капитан — связной из штаба корпуса.

— Едва нашел вас, — стряхивая снег с полушубка, сказал офицер.

— Небесная канцелярия подвела, — невесело пошутил я.

Действительно, погода в те дни нас не баловала. То лил дождь, то валил мокрый снег. И вдруг завьюжило, поднялся сильный буран. Немцы не раз скрытно пытались подобраться к позициям, чтобы расстроить наши боевые порядки и пробить брешь в обороне.

Помнится, в один из таких дней неожиданно на полевой дороге появился длинный вражеский обоз. Неистовствовала пурга, снег слепил глаза. Мне позвонил начальник штаба третьего батальона офицер А. Т. Злобин.

— Немцев тьма-тьмущая! — доносится из трубки его взволнованный голос, — обозы, пешие колонны солдат идут напролом.

— Анатолий Терентьевич, не дайте им проскочить.

Наперерез противнику устремились тридцатьчетверки. На головы фашистов посыпались мины. Уже в первые минуты колонна была рассечена надвое, передние повозки, наткнувшись на огневую стену, беспорядочно растекались по полю и увязали в снегу и болоте. Враг попятился назад, но было уже поздно: танки начали сминать хвост. Кольцо сжалось, немцы подняли руки. Богатые трофеи достались нам. Мы пополнили запасы продовольствия.

Справа от нашей бригады свердловчане добивали разрозненные немецкие части. Рядом в упорных боях Пермская бригада изматывала потрепанные фашистские подразделения. Наша оборона выстояла, не изломалась. Но части 1-й танковой армии противника, действуя севернее Каменец-Подольского, рвались на запад, навстречу своим войскам, которые наносили удар из района Подгайцы, Бучач. Ценой огромных потерь в живой силе и технике врагу удалось все же соединиться с подгайцевской группировкой в районе Бучача и на реке Стрыпа.

Связной офицер вручает пакет. Вскрываю. Нашей бригаде приказано передислоцироваться срочно на Бучач!

— А как другие бригады? — спрашиваю у капитана.

— Тоже снимаются. Целиком корпус перемещается в тот район.

Позднее мне станет известен приказ командующего 1-м Украинским фронтом от 6 апреля 1944 года, в котором говорилось: «4-й танковой армии, подчинив себе 147-ю стрелковую дивизию, форсированным маршем выдвинуться на автомашинах на западный берег р. Стрыпа, нанести удар на Подгайцы и отбросить противника на р. Коропец»¹.

И вот все приходит в движение.

Связисты поспешно сматывают телефонный кабель. Уходят с огневых позиций артиллеристы, минометчики, пехотинцы оставляют наспех оборудованные окопы.

Машины, оставляя глубокие следы на мягкой пахоте, вытягиваются в колонну вдоль обочин. На «виллисе» спешу в голову колонны. Навстречу попадает спецкор «Челябинского рабочего» Михаил Львов.

— Едем с нами, Миша, — приглашаю поэта.

— С радостью, Михаил Георгиевич, но сейчас не могу.

— А кто же нам будет трофейные боеприпасы собирать? — шутливо спрашиваю.

Михаил широко улыбается. Мы прощаемся. Этот отважный человек помогал как мог. И в атаку ходил с мотострелками, и стихи читал разведчикам, и вместе с саперами проходы проделывал в минных полях, и был инициатором сбора трофейного оружия и боеприпасов.

Бригада стремительно движется по шоссе. По сторонам дороги — битая немецкая техника. Зияют рваные дыры в хваленых «тиграх», опрокинуты в кювет зенитные пушки, беспомощно застряли в грязи тяжелые грузовики. Все это дело рук наших артиллеристов: они уничтожили более трех десятков танков и штурмовых орудий, несколько сот автомашин.

Ночью подразделения бригады заняли исходные позиции на высоте. Впереди виднелась деревня Зелена, а за ней болотистая пойма речушки. Мы знали, что противник располагает небольшими силами, прикрывающими деревню. Основной же его узел сопротивления был за рекой. Там немцы укрепились на высоте, соорудили несколько дзотов, поставили в окопы танки.

¹ Архив МО СССР, ф. 324, оп. 4761, д. 4, л. 230.

Мы с начальником штаба склонились над картой.

— Трудновато придется, — заметил Баранов.

Не скрою, и я с опаской поглядывал на отметку 199,4, обозначающую высоту. Она господствует над прилегающей к деревне местностью. Обойти ее? Не удастся. В мокрых снежных сугробах погубим всю технику. Было решено на рассвете атаковать высоту с флангов. На опушке леса расположили несколько танков. Подтянули батарею 76-миллиметровых орудий. Отрыли окопы, автоматчики, позади них оборудовали огневые позиции минометчики.

Час назад в сторону высоты ушли разведчики с группой автоматчиков. От них пока никаких вестей. Саперы соорудили шалаш, и офицеры штаба, зябко кутаясь в полушубки, разрабатывали план боя.

Далеко за полночь. Возвратились разведчики и автоматчики, привели пленного. Нескладно длинный, в короткой шинели, разбитых сапогах, немец не то от страха, не то от холода дрожит. Он хорошо осведомлен об организации обороны высоты, расположенных на ней огневых средствах и охотно отвечает на все вопросы, задаваемые переводчиком гвардии рядовым В. С. Кочемазовым.

Пленного увели, а разведчики не уходят почему-то отдыхать. Сидят молча. На лице у старшего сержанта А. С. Бабкина заметна грусть.

— Афанасий Сергеевич, радоваться надо. Видную птицу взяли в плен. А ты нос повесил.

На глазах у разведчика появились слезы.

— Товарища потеряли, автоматчика Исабетинского, друга-земляка. Разрывная навывлет.

Да, потеря боевого друга всегда отзывается болью в сердце.

Мы вырыли могилу, опустили в нее обернутое в плащ-палатку тело рядового Исабетинского. Троекратные выстрелы разведчиков слились с орудийными раскатами и автоматными очередями. Над свежим холмиком появилась дощечка, на которой химическим карандашом была сделана надпись: «Здесь похоронен доброволец Исабетинский из Челябинска. Погиб в боях за Родину. Апрель 1944 года».

Пехота и танки покидают опушку, идут в атаку, сопровождаемые артиллерийским и минометным огнем. Нас осыпают осколки разорвавшегося снаряда: гитлеровцы открыли ответный огонь. Над головой щелкают разрывные

пули. Недалеко от нас падает сраженный боец. К нему бегут санитары...

Силы явно неравные. Жаль, мало артиллерийских орудий. В оврагах залегли автоматчики, за бугорками укрылись танки. Перестрелка не утихает. Нам неожиданно повезло. На полевой дороге появились «катюши».

— Выручай, браток, — обратился я к вышедшему из машины офицеру. — Люди под огнем гибнут, ударь-ка по высоте.

— Минуточку, — отвечает капитан.

Он связывается с кем-то по радио. Затем следуют короткие команды. Грохот взрыва, дым, пламя. Огненные языки потянулись к высоте, а вскоре бригада без особого труда ворвалась в деревню и полностью пленила фашистский гарнизон.

Меня вызвали в штаб корпуса. Захватил с собой двух автоматчиков: обстановка сложная, всякое может случиться. «Виллис» с трудом преодолевал заболоченные лощины. Впереди появилась грузовая машина. Подъезжаем. Вижу — машина нашей бригады. Рядом, у пушки с разведенными станинами, бойцы. В одном из них узнаю гвардии старшего сержанта Петра Левшунова. Он, вытирая паклей масляные руки, неторопливо рассказывает о только что прошедшем бое.

— Смотрите, вон те навсегда остались на украинской земле.

На краю неубранного кукурузного поля еще чадили две «пантеры».

— И нам досталось маленько. Осколком порван штук накатника. Что делать — ума не приложу.

В нескольких метрах от дороги расположился медсанвзвод. Раненых немного — человек семь-восемь. Медики уже успели сделать им перевязки. Я подзываю Левшунова.

— Бери раненых и езжай на своей автомашине в госпиталь. В том районе корпусные склады. Возьмешь запчасти для пушки и боеприпасы — и назад в бригаду.

— Есть, товарищ комбриг!

Наш «виллис» катит дальше. Где-то недалеко слышна стрельба. Дорога взбегает на бугорок. Слева от нас показывается какая-то машина. Она быстро приближается к нам. Останавливаемся. Вскидываю бинокль. Своя или чужая — не поймешь. На кузов натянут тент.

Вроде бы «шевроле». Метрах в сорока от нас грузовик остановился, и на землю прыгнули несколько гитлеровцев. Раздались автоматные очереди. Я прыгнул в небольшую воронку и бросил в машину лимонку. Загорелась машина, попадали на землю убитые. Два оставшихся в живых гитлеровца подняли руки.

В штабе корпуса меня ознакомили с обстановкой, с данными о противнике, его намерениях. Начальник штаба передал приказание командира корпуса: прочно обосноваться на реке Стрыпа, не отступать ни на шаг. Слушая гвардии полковника Лозовского, я думал о событиях последних дней. Части корпуса прошли большой путь — более трехсот километров, да еще по раскисшим дорогам и полям, — освободили сотни населенных пунктов. Конечно, не обошлось и без потерь. Теперь для наступления силенок маловато. Вот почему командование решило перейти к обороне.

На обратном пути в бригаду я снова встретил Левшунова. Вид его теперь был жалким: шинель изрешечена осколками, одна пола болтается. Сам сержант устало передвигал ноги.

— Что случилось? Докладывайте.

Выяснилось, что, благополучно доставив раненых в госпиталь и погрузив боеприпасы, машина по дороге в бригаду попала под бомбежку и загорелась. Вот-вот должен был произойти взрыв. Осколками ранило Колосаева, Виноградова и Уфимцева. Погиб Мартынец.

Левшунов, рискуя жизнью, успел оттащить раненых в безопасное место, оказал им первую медицинскую помощь, а затем на попутной санитарной машине отправил друзей в тыл.

Командир орудия умолк, понутив голову. Он досадовал, что не удалось сбить с машины пламя пожара.

— Благодарить тебя надо, Петр Андреевич, людям жизнь спас.

Обоюдные атаки продолжались до 18 апреля. Но удары врага становились все слабее. Окруженная группировка гитлеровцев, измотанная советскими войсками, таяла с каждым днем, пока не закончила своего существования.

По раскисшим дорогам брели пленные. А мы торжествовали: над советской Подольщиной взвились красные флаги.

В один из дней нашей бригаде были переданы все уце-

левшие танки 4-й танковой армии. Мой заместитель по технической части гвардии майор Дуэль недовольно бурчит:

— Металлолом челябинцам передали.

Успокаиваю заместителя:

— Ничего, товарищ Дуэль, подремонтируем, подлатаем — и опять танки будут что надо. — Говорю, а у самого на душе кошки скребут. Тридцатьчетверки сильно поизносились. У многих из них моторесурсы на исходе. Им бы впору в капитальный ремонт.

В ночь на 20 апреля мы совершили марш, чтобы занять оборону северо-западнее города Коломыя.

Разыскал командира стрелкового полка. Его командный пункт располагался в сосновом бору. В землянке, уже хорошо обжитой, навстречу мне поднялся рослый полковник. Оглаживая редкие усы, он настороженно осмотрел меня, на секунду задержал взгляд на танковых эмблемах:

— Вы из штаба армии?

— Нет, мы прибыли, чтобы сменить ваш полк.

— Легки на помине. — Полковник крепко пожал мне руку. — Мы тут с начальником штаба только что вели об этом речь. Из штаба армии шифровку вчера получили.

На столе, покрытом небольшим обрывком фронтовой газеты, появился зеленый лук, редиска, толстые куски украинского сала. Полковник приглашает поужинать.

От обилия закусок заныло под ложечкой (завтракал часов двенадцать тому назад на марше). Но мы лишь наспех перекусили: наступал вечер, и надо было успеть ознакомиться с участком обороны, принять его.

«Виллис» петляет по лесной дороге. Из-за кустов выходит боец:

— Дальше ехать нельзя.

Мы отправляемся пешком. Добираемся до хода сообщения, который приводит нас в траншею. Это и есть передний край.

— Таково наше хозяйство, смотрите и принимайте.

Идем траншеей из конца в конец. От нее к реке тянется мелкоколесье. Противоположный берег Прута просматривается хорошо. Но противник, засевший там, ничем себя не выдает. Молчат его огневые точки, хотя, как рассказывал командир полка, перестрелка до этого дня велась здесь интенсивно.

Ознакомившись с участком обороны, мы вернулись на командный пункт, оформили прием-передачу документально. Под утро стрелковый полк был отведен в тыл. Бригада заняла оборону на широком фронте, и танкисты теперь могли приступить к ремонту машин.

С рассветом я снова шагаю по переднему краю. Комбат Приходько сетует:

— Участок большой, а людей мало.

— Скоро прибудет пополнение. Но пока рассчитывайте на свои силы. За противником смотрите в оба.

Дорогу нам преграждает боец:

— Тут опасно.

В рослом пулеметчике узнаю коммуниста гвардии рядового Пяткина. Храбрый солдат, отважный. Своим огнем он немало сразил гитлеровцев. При отражении только одной контратаки в селе Романовка уничтожил не менее двадцати.

— А где командир роты?

— Только что был здесь.

— Слушаю вас, товарищ комбриг, — словно из-под земли появился гвардии старший лейтенант Сидоров.

— Что известно о противнике?

Из полевой сумки офицер извлекает карту. На ней уже десятки пометок.

— Откуда данные?

— Со слов сменившегося командира роты.

— Вы уверены в их точности?

— Будем проверять. Уже выставлены наблюдатели. Рядовой Пяткин на рассвете засек пулемет. Вот его расположение. Совпадает с данными нашего предшественника.

Пробираемся по низкорослому сосняку, выходим на поляну. За небольшим бугорком укрылась тридцатьчетверка. Издалека на башне видна надпись «Гвардия». У снятой гусеницы хлопочет Федор Сурков.

— Чиним, товарищ комбриг, гусеничные пальцы поносились. — Гвардии сержант поспешно сплюнул папиросу, каблуком ботинка вдавил ее в мокрый песок. — К обеду с гусеницами покончим. Потом к мотору доберемся. Хочу, чтобы машина до Берлина дотянула. — Он испытующе смотрит на меня и, словно пытаясь меня убедить, твердо заявляет: — Дотянет, товарищ комбриг!

Федор Сурков — бывалый танкист. За период боев он возмужал, приобрел опыт. Еще на Орловско-Курской дуге коммунист Сурков отличился в боях. Ни разу он не дрогнул перед гитлеровцами и в боях за освобождение Правобережной Украины.

— А об охране и позабыл, — упрекнул я танкиста.

— Все предусмотрено.

Из командирского люка высунулся стрелок-радист гвардии старшина Александр Марченко:

— Я во все глаза смотрю, товарищ комбриг.

Подошел Акиншин. Командир роты выглядел усталым. Мы тепло поздоровались.

— Технику приводим в порядок, — доложил он. — Ремонтников бы сюда.

— Пришлем.

— И боеприпасов подбросьте.

— Дадим. Через день-два.

Ремонт техники шел полным ходом. Но где бы мы ни появлялись с гвардии майором Дуэлем, у нас настойчиво просили запчасти, горючее, боеприпасы. А где их взять? Кое-что из запчастей изготовляли в ремонтном подразделении гвардии капитана Дирипенко.

Лишь к вечеру я возвратился в штаб. В землянке трудились штабные офицеры. Им было не до сна и не до отдыха. Они уже планировали учебные занятия, кратковременные сборы офицеров и сержантов, уточняли вопросы взаимодействия в обороне, организовывали сбор данных о противнике.

Из подразделений начали поступать наградные листы. Просматриваю их. Читаю: Левшунов Петр Андреевич. Командир противотанкового орудия...»

Нелегко сложилась судьба этого воина. Он потерял двух сыновей. Василий погиб под Москвой, а Прокопий — в районе Курска. Отец тяжело переживал свое горе, но не пал духом. В боях он показал себя храбрейшим человеком.

Еще один наградной лист: «Рядовой Чижов П. А., водитель. Представляется к ордену Красной Звезды». В распутицу, в самое трудное время, рискуя жизнью, он доставлял нам боеприпасы. Наградных листов много. Представлены к награде офицеры Кулешов, Акиншин, Пупков, Коротеев, бойцы и сержанты Сурков, Марченко, Веселовский и другие. Знакомясь с наградными листами, я словно

вновь пережил те бои, в которых участвовала бригада в марте и апреле 1944 года на Правобережной Украине. Взволнованный, вышел на улицу. Было необычно тихо, лишь где-то в ночном небе гудел самолет-разведчик.

В бригаду начало прибывать пополнение, в основном из освобожденных от немецко-фашистской оккупации сел и городов. Люди не были обучены военному делу. Штаб разработал учебный план занятий. Поочередно батальоны отводили в тыл и учили личный состав вести огонь из автоматов, пушек, пулеметов.

Политработники подразделений Денисов, Курманалин, Карамышев, Шлыков, Яковлев, партийные и комсомольские организации проводили большую агитационную работу. В групповых и индивидуальных беседах коммунисты повседневно разъясняли воинам политику нашей партии, благородные цели, справедливый характер Великой Отечественной войны советского народа, конкретные задачи личного состава.

Политотдел выпустил несколько фотоплакатов, которые были посвящены коммунистам пулеметчику Пяткину, танкисту Суркову, артиллеристу Левшунову и другим. Политотдел корпуса обратился к воинам-новичкам со специальной листовкой. В ней были такие строки:

«Товарищи бойцы! Вы и ваши близкие пережили все ужасы гитлеровского ига, много дней страдали под сапогом фашистов. Это они, грабители, разрушили и сожгли твой дом, угнали в гитлеровскую Германию твою сестру или любимую. Отомсти врагу. Будь храбр в бою, не дай оккупанту унести ноги с Украины!»

Перед молодыми часто выступали бывалые воины. Коммунист Сурков поделился опытом вождения машины в боевой обстановке, автоматчик Василевский — как надо применять оружие в бою.

Политотдел заботился об учебе агитаторов, об их политическом образовании. С ними были проведены однодневные сборы. Перед агитаторами выступали опытные политработники.

Состоялись семинары партторгов и комсorghов рот. С молодыми коммунистами велось изучение Устава партии. По инициативе политотдела были подготовлены письма родителям воинов, награжденных орденами и медалями. Письма зачитывались перед строем.

Серьезное значение придавалось командирской подготовке. Штаб разработал и провел занятия с офицерами по темам: «Усиленная танковая рота в наступлении», «Ведение боевых действий в лесистой местности» и «Бой в горах и населенных пунктах». С сержантами проводились инструкторско-методические занятия по темам: «Атака переднего края», «Отделение в ночном поиске и засаде», «Бой в населенном пункте».

Противник нас порой беспокоил, обстреливал из артиллерии и минометов. Войны из нового пополнения держались стойко. Но встречались и казусы. Как-то на позициях батальона автоматчиков начали рваться мины. Один из бойцов выскочил из траншеи и пытался бежать в тыл. Его кто-то удержал.

— И чего ты, Яковенко, испугался? — донесся до меня чей-то голос. — Гляди, рядом с тобой пулеметчик Пяткин. Так он, брат, от самой Москвы в боях — и не дрогнул ни разу. Тебя сейчас могло убить. А в траншее надежнее.

Я подошел к бойцам. Облокотившись на бруствер, возле автоматчиков стоял белобрысый офицер. Что-то не узнаю, кто он.

Заметив меня, офицер вытянулся в струнку. На нем ладно сидело обмундирование, крепко сбитую фигуру плотно обхватывала кожаная портупея.

— Гвардии лейтенант Белоусов?

— Так точно!

Этот офицер прибыл к нам несколько дней тому назад на должность парторга батальона автоматчиков. Сам он из Златоуста. Работал старшим мастером в ремесленном училище № 4. В мае 1943 года поступил в военно-политическое училище. По окончании добился, чтобы направили в нашу бригаду.

Подошел молодой боец, тот, что испугался вражеской мины.

— Что с вами?

Солдат растерянно смотрит на меня, виновато переминается с ноги на ногу:

— Як гаркнуло, и мэни стало страшновато.

— Помните: у страха глаза велики. В нашей бригаде трусов не было.

Я попросил парторга помочь молодому воину преодолеть робость.

На подготовку к последующим боям времени было мало. Отделения, экипажи и расчеты продолжали пополняться воинами. Каждая свободная минута использовалась для учебы и ремонта боевой техники.

Танкисты с нетерпением ожидали нового наступления.

В ПЕРЕДОВОМ ОТРЯДЕ КОРПУСА

И вот Челябинская бригада, как и другие части 10-го гвардейского корпуса, в походных колоннах. На этот раз мы двигаемся на север. 5 июля 1944 года, завершив двухсоткилометровый марш, корпус сосредоточился в районе Игровица, что в пятнадцати километрах от Тернополя.

Стало известно: предстоят серьезные бои. В те дни наши войска усиленно готовились к Львовско-Сандомирской операции. 1-му Украинскому фронту противостояла группа немецко-фашистских войск «Северная Украина», в которую входили тридцать четыре пехотные, пять танковых и одна моторизованная дивизии, две пехотные бригады. Группа занимала оборонительные рубежи от Полесья до Карпат. Враг создал за лето глубоко эшелонированную оборону. Три ее полосы состояли из густой сети траншей, соединенных ходами сообщения. Местность резко пересеченная, лесистая. На пути наступающих войск немало водных преград. Это реки Западный Буг, Золочевка, Билка и другие.

Планом, разработанным штабом 1-го Украинского фронта, предусматривалось нанесение двух сильных ударов: одного из района западнее Луцка, в общем направлении на Сокаль, Рава-Русская, и другого из района Тернополя на Львов.

Во втором ударе принимала участие и наша 4-я танковая армия. Она получила задачу наступать в полосе прорыва 38-й армии и, стремительно развивая прорыв в направлении Перемышляны, Городок, разгромить львовскую группировку противника.

13 июля началось наступление советских войск из района Луцка, а днем позже последовал удар на львовском направлении. Соединения и части 60-й и 38-й армий к исходу 14 июля сумели продвинуться на 3—5 километров. Противник ввел в сражение тактические резервы, и бои

стали еще ожесточеннее. Прорвать оборону удалось лишь в районе Колтова. Благодаря активным действиям войск, особенно 322-й стрелковой дивизии, здесь образовался так называемый колтовский коридор глубиной 18 километров и шириной 4—5 километров. Этот коридор сыграл важную роль в развитии нашего наступления. 16 июля в него была введена 3-я гвардейская, а утром следующего дня — наша 4-я танковые армии.

17 июля бригада участвует в прорыве вражеской обороны, а затем идет в передовом отряде корпуса. Моросит дождь. Мой позывной — «Самара». Меня непрерывно по рации вызывает комкор. Он торопит.

Прорываемся в узкую горловину возле села Тростянец. Гитлеровцы бьют из засад, упорно сопротивляются. К вечеру форсируем реку Стрыпа. Противник несколько раз переходит в контратаки, которые мы успешно отбиваем.

Наступление продолжалось днем и ночью. Мы ворвались в дымящийся Золочев. На улицах идут бои. Челябинцы настойчиво теснят немцев. К железнодорожному вокзалу первым прорвался танк гвардии старшего лейтенанта Потапова.

Вскоре бой перенесся за пределы города. Танки быстро идут по шоссе на Львов. На подступах к населенному пункту Словита бригада попала в очень трудное положение. Нас встретил из засад огонь тяжелых танков и закованных орудий. Справа — открытое поле, а слева — горы, покрытые лесом. Неоднократные попытки уничтожить противника атакой в лоб успеха не имели. Мы потеряли двое суток драгоценного для нас времени, а главное — многих людей, павших на поле боя. Пришло решение: батальону автоматчиков обойти противника слева, ударить с тыла.

Вызываю комбата Приходько. Он возбужденно рассказывает о своих гвардейцах, которые славно дрались на улицах Золочева. Комбинезон комбата, туго обхваченный ремнем, прострелен в нескольких местах. Перехватив мой взгляд, гвардии капитан поспешно сказал:

— Малость задело. На то и война. Только я в госпиталь не пойду.

И тут я только заметил, что офицер немного прихрамывает: пуля прострелила правую ногу, но кости не задела.

— Все нормально, товарищ комбриг. Медики уже свое дело сделали.

— Я хотел доверить вам одно задание, а вот сейчас опасаясь.

— Товарищ гвардии полковник, прошу вас.

— А нога?

— Пустяковая царапина, не о ней сейчас должна идти речь.

Я расстелил на капоте «виллиса» карту и поставил перед командиром батальона задачу.

Через несколько минут автоматчики скрылись в кустарнике. Пока было время, мы произвели дозаправку машин, пополнили боеприпасы.

Связываюсь по радию с Приходько. Он докладывает:

— Через пять минут начинаем бой. Оседлали дорогу Золочев — Львов. Взяли в плен офицера и солдата.

Отыскиваю на карте место. Это где-то за Словитой в 1—1,5 километрах. Не теряем времени: начинаем атаку и с фронта. Гитлеровцы разгадали наш замысел и, опасаясь окружения, поспешно снялись с огневых позиций, стали отходить. Бригада — за ними. От комбата Приходько поступают одна за другой тревожные вести. На одном из рубежей противник предпринял контратаку, начал теснить батальон. Самоотверженно дрались автоматчики. Они смело бросали под гусеницы танков связки гранат. Снова отличился пулеметчик коммунист гвардии рядовой Пяткин.

Мы спешим на помощь батальону Приходько. Танки второго батальона мчатся по улицам Словиты. Убегающих гитлеровцев настигают меткие очереди. Из-за угла дома показался фаустник. Услышав шум мотора нашего танка, он быстро упал в кювет, изготовился к бою. Гвардии лейтенант Железнов опередил врага.

Часть немцев сумела прорваться через позиции батальона автоматчиков и ушла на запад.

Утром на командный пункт бригады приехал командарм Д. Д. Лелюшенко. Его сопровождал командир корпуса генерал Е. Е. Белов.

Командарм похвалил бригаду за успешные действия.

— Вам, Фомичев, — сказал он, — дается новое задание: первым прорваться к юго-западной окраине Львова. Это очень важно. Конкретную задачу получите от комкора.

Генерал Белов провел на карте стрелу. Нам предстояло прорваться через оборону противника и совершить смелый рейд по тылам врага.

Как лучше пробиваться ко Львову? Идти в лоб по шоссе — бессмысленно. Впереди небольшая деревушка. Есть ли там гитлеровцы?

— Я уже послал разведчиков, — доложил начальник штаба.

Вскоре группа воинов, возглавляемая только что прибывшим из госпиталя коммунистом Соколовым, возвратилась с двумя пленными.

Соколов возбужденно рассказывал:

— Мы подползли по ржи незаметно к крайнему домику. Глядим, один верзила сидит на завалинке и пьет молоко, а второй роет окоп. Рядом телефонный аппарат, от него уходит красная нитка. Разведчик Николай Лавриков перерезал провод. Бросаемся к немцам: «Хенде хох!»

Со слов пленных мы узнали, что в деревушке расположен батальон, усиленный танками и самоходными орудиями.

С начальником штаба Барановым и инженером Полубояриновым выехали на рекогносцировку местности. Немцы обнаружили наш бронетранспортер и обстреляли. Командир бронетранспортера гвардии сержант Иван Будницкий прильнул к пулемету. Приказываю водителю Ивану Рехину укрыть машину. В это время рядом разорвался снаряд, осколок впился в голову Будницкому. Полубояринов подхватил на руки безжизненное тело гвардейца. Мы поспешно возвратились назад.

Влево от деревни уходила в лес полевая тропа. По ней можно обойти узел сопротивления противника. Рискнем, что ли?

Подошел начальник политотдела Богомолов. Посоветовались с офицерами штаба. Пришли к одному мнению: идти по тылам в обход больших дорог. Я собрал командиров батальонов и рот, поставил перед ними задачу.

Танковый батальон Федорова обрушил шквал огня на опорный пункт, в котором засели гитлеровцы. Приданная 37-миллиметровая зенитная батарея старшего лейтенанта Иволгина поддержала батальон. Дым окутал опорный пункт. Человек двести немцев ушли в лес, в горы.

— Вперед!

Танки бригады, вытянувшись в колонну, свернули на лесную дорогу. Вплотную подступают деревья. Дорога то идет в гору, то стремительно сбегает в низины.

Справа от нас остается деревня Лагодов. Не встречая сопротивления, достигаем шоссе Перемышляны — Львов. Вдруг мне по радио сообщили:

— Со стороны Перемышлян движутся семь самоходок противника.

Подзываю к себе командира приданного взвода тяжелых танков гвардии лейтенанта Никогосова.

— Прикроете фланг бригады, пока танки перевалят через шоссе.

Самоходные орудия, не подозревая об опасности, продолжали двигаться по шоссе и угодили под огонь наших тяжелых танков.

Вброд форсируем реку Свирж. Продвигаемся по 10—12 километров в час. 20 июля утром бригада с ходу ворвалась в село Водники, вышла на шоссе Ходоров — Львов. Завязалась ожесточенная схватка. Противник наседал со всех сторон. Он значительно превосходил нас и в живой силе, и в технике. Немцы занимали очень выгодные позиции, и каждый метр вперед стоил больших усилий. Наши танкисты проявили изумительную храбрость и отвагу.

Экипаж гвардии младшего лейтенанта Александра Семенов, расстреливая фашистов из пушки и пулемета, одним из первых ворвался на позиции противника. И вдруг резкий удар о башню. Механик-водитель гвардии старший сержант Аким Басинский продолжал вести машину. Неожиданно умолк пулемет. Басинский оглянулся. Заряжающий Разгонюк перевязывал командиру голову.

— Поворачиваю назад! — крикнул механик-водитель.

— Только вперед! — ответил Семенов и снова встал у прицела.

Заговорил пулемет. Экипаж достиг высоты, но вновь раздался оглушительный взрыв. Машина остановилась — мотор заглох. В живых остался один Аким Басинский, но и он на какое-то время потерял сознание. Тем временем экипажи других танков, не заметив подбитой во ржи машины, ушли вперед. Басинский очнулся, а языки пламени уже лизали броню танка, забрались в моторное отделение. Аким напряг силы, с трудом сбил пламя. Он вынес из машины погибших членов экипажа, захоронил их.

Ждать, когда ремонтники найдут его, Басинский не мог — совесть не позволяла. И гвардии старший сержант решил самостоятельно восстановить танк.

Четверо суток, преодолевая боль и усталость, он ползал по машине и устранял повреждения. Четверо суток без пищи, без медицинской помощи, в постоянной опасности. И лишь на пятые сутки завелся двигатель. Ослабевший, но не упавший духом, танкист нагнал своих.

Бригада рвалась ко Львову. Противник предпринял ряд ожесточенных контратак. Его авиация наносила удары по танкам. Подразделения приходилось рассредоточивать в лесу, а это задерживало наше продвижение.

Впереди идет второй батальон. В головной походной заставе взвод гвардии старшего лейтенанта Д. М. Потапова с группой разведчиков. В бригаде Дмитрий Мефодьевич не так давно, но пользуется заслуженным авторитетом и уважением.

Головной походной заставе нелегко. Она первой принимает на себя удары. Прямым попаданием снаряда порвало гусеницу танка гвардии младшего лейтенанта Евгения Алексеева. Два других танка в это время огнем прикрыли друзей.

Повреждение устранено. Танк продолжает продвигаться вперед.

— Перед нами артиллерийская батарея, — докладывает Потапов. — И несколько танков.

— Опрокинуть заслон! — последовала команда.

Но сделать это не так-то легко. Вновь слышу взволнованный голос командира взвода:

— Натолкнулись на опорный пункт. Создалось тяжелое положение.

Оказывается, танк Кулешова с ходу раздавил орудие противника, расстрелял прислугу. С закопанными танками пришлось завязать упорный бой. Тогда ему на помощь поспешили другие танки батальона.

На обочине дороги вижу обгоревший танк. Возле него на плащ-палатке — безжизненное тело механика-водителя гвардии сержанта Мурзина. Под густой кроной дерева сидит гвардии младший лейтенант Алексеев. Его уже успели перевязать, лицо полностью забинтовано. Услышав мой голос, Алексеев поднялся.

— Товарищ комбриг, не заметили «тигра», он нас с близкого расстояния...

После короткого боя бригада овладела небольшим населенным пунктом Давыдов. В бинокль уже видна окраина Львова. Еще одно усилие — и мы в городе. Тороплю второй батальон, на танках которого десант.

— Воздух! — докладывают наблюдатели.

Больше десяти «юнкерсов» на небольшой высоте шли в нашу сторону. Приказываю рассредоточиться. Почти в ту же минуту посыпались бомбы. Мы недосчитались трех танков, более десяти бойцов и сержантов.

18.00 21 июля 1944 года. Мы на окраине Львова.

— «Киев»! «Киев»! Я — «Самара». Достиг окраины «Розы», продолжаю выполнять задачу, — доложил я командиру корпуса.

«Роза» — это Львов. Мы в старинном украинском городе. Учащенно забилося сердце. В суровый 1941 год я отходил с танковым полком по этим местам. А теперь вот возвратился.

АЛЕКСАНДР МАРЧЕНКО И ЕГО ТОВАРИЩИ

— Скорее, скорее берите «Розу»! — подгонял меня по радио генерал Е. Е. Белов.

Дождь стих. Из-за туч выглянули лучи заходящего солнца. Танки бригады рассредоточились в небольшой роще. Гвардии капитан Гаськов расстелил карту. Отчетливо помечены на ней улицы, переулки, площади.

— Иметь бы сейчас человека, который хорошо знает Львов, — произнес офицер штаба.

— Из местных жителей бы, — продолжил Баранов.

— Смельчаков сесть на броню найдется немало, — возразил Богомоллов, — нужен проверенный человек.

Смотрю на Гаськова. Офицер усиленно трет рукой лоб, словно пытается что-то вспомнить. Вдруг он ожил.

— Если память не изменяет, у нас есть такой человек, — радостно говорит он.

Гвардии капитан Гаськов исчезает из штабного автобуса, а спустя минуты три-четыре, сияющий, появляется в дверях.

— Гаськов редко ошибается, товарищ комбриг! — восклицает он. — Гвардии старшина Александр Марченко, стрелок-радист.

Я припоминаю этого невысокого, стройного, с грустными глазами танкиста. С ним познакомился, еще когда принимал бригаду.

— Вызвать Марченко!

Спустя полчаса тот доложил о своем прибытии.

— Львов хорошо знаешь?

— Вроде бы неплохо.

— А ну-ка, взгляни на карту.

Марченко неловко пожимает плечами.

— В карте не очень силен, — сконфуженно признался он. — Без нее могу обойтись.

И он рассказал, что Ходоровское шоссе, по которому мы шли к городу, упирается в улицу Зеленую. Это рабочая окраина.

— А к центру мог бы провести головной дозор? — спросил я у гвардейца.

— Хоть с закрытыми глазами.

Экипаж, в котором служил Марченко, решили назначить в головной дозор. Я вызвал командира танка коммуниста гвардии лейтенанта А. В. Додонова. Он в бригаде новичок. Недавно из военного училища. Сам из Ленинграда. Родители погибли в блокаду.

Командир выстроил гвардейский экипаж. Механик-водитель — старший сержант Федор Сурков. Стрелок-радист — старшина Александр Марченко. Заряжающий — рядовой Николай Мельниченко.

— На вас, товарищи, на ваш экипаж «Гвардия», — сказал я, — возлагаются трудные, но очень важные и почетные задачи: первыми пробиться к центру города и поднять над ратушей Красное знамя — символ освобождения Львова. Дорогу вам будет показывать коммунист Марченко.

Я крепко пожал танкистам руки и передал алое полотнище. Александр Марченко срубил молодой дубок и, гладко обстрогав его, прикрепил к древку знамя.

Уже начало темнеть, когда комбат гвардии майор Чирков ставил конкретную задачу. Рядом оказался наш фотограф Николай Григорьевич Чиж.

— Сфотографируй товарищей, — попросил я Чижа.

Щелчок. Пять человек оказались в кадре.

В 12 часов ночи танк «Гвардия» вырывается вперед. Ярko светит луна. Справа роща Погулянки. Танкисты движутся медленно. Связь работает безупречно.

— «Гвардия», «Гвардия», доложите, как дела? — спрашивал я в микрофон.

— Все идет хорошо, все идет отлично, — сообщал Додонов.

Потом на этой волне начала играть музыка, послышалась чужая речь. Но связь мы все же не теряли. Экипаж в сопровождении пятнадцати автоматчиков скрытыми путями к рассвету вышел к улице Зеленой.

— Впереди танки и пушки, — радирует Додонов.

— Атакуйте, поддержим.

Раскаты орудийных выстрелов взорвали утреннюю тишину. Танк Додонова с ходу раздавил орудие, меткими выстрелами подбил один за другим два танка.

Противник не ожидал появления наших танков, тем более на южной окраине города. Слышу по радио немецкую речь:

— Русские с тыла атакуют.

Оправившись от шока, гитлеровцы начали переходить в контратаки. Меня особенно беспокоил левый фланг. Но как обезопасить левофланговые подразделения? Решаю выдвинуть на перекресток улиц 76-миллиметровую батарею Пивцаева. Это быстро удалось. Теперь батарея прикрывала огнем танкистов и автоматчиков. Она уничтожила несколько опасных целей. Но противник подбросил свежие силы. Ударили его тяжелые минометы. Из-за угла двухэтажного дома открыла огонь «пантера».

Фашисты упорно атакуют левый фланг. Батарея Пивцаева оказалась в тяжелом положении. Выдвигаю танковый взвод Потапова, который шел вплотную за разведдозором.

— Постарайтесь сдержать натиск гитлеровцев, — поставил я задачу перед Потаповым. — Обеспечьте левый фланг бригады, окажите помощь Пивцаеву.

Выслушав меня внимательно, офицер уверенно ответил:

— Сдержим.

Потапов бегом направился к своим машинам. Вскоре он скрылся в танке. Маневрируя по узким переулкам, танки продвигались вперед. Опасность подстерегала их на каждом шагу. Танк Потапова выскочил на перекресток. Из-за угла ударила «пантера». Снаряд, коснувшись брони, срикошетировал. Механик-водитель гвардии сержант Федор Кожанов увел машину в укрытие. Танкисты

решили выждать. Фашисты вначале молчали. Минут через пять — семь из-за угла выползла «пантера». Башенный стрелок гвардии сержант Мартьянов в упор выстрелил по гитлеровской машине, и «пантеру» в ту же секунду охватило пламя.

Гвардии старший сержант Левшунов подбил самоходное орудие «фердинанд», осколочными снарядами рассеял приближавшихся солдат противника.

Однако гитлеровцы скрытным путем обошли батарею Пивцаева и ворвались на огневую позицию. Завязалась рукопашная схватка. Батарейцы уничтожили более двадцати и пленили восемь солдат противника. В неравном бою геройски погибли гвардейцы старшина Алексюк и рядовой Паномарев, были тяжело ранены Ширшов, Скобликов и Канарский.

А тем временем головной дозор с боями рвался к центру города. Когда наступили вечерние сумерки, пришлось приостановить наступление: продвигаться вперед было небезопасно — на улицах притаились фашистские фаустники.

Командный пункт бригады расположился в старинном особняке, обнесенном высоким железным забором. Мы наспех перекусили и отправились с начальником штаба к экипажу Додонова. На ближайших перекрестках были расставлены тридцатьчетверки. Почти за каждым углом комбат Приходько расположил станковые пулеметы. Бригада прочно заняла оборону на ночь.

Члены экипажа Додонова выглядели бодрыми, радостными. А в нескольких метрах от танка были немцы.

— Будьте поосторожнее, — предупредили нас танкисты.

Пришлось укрыться за углом многоэтажного дома. Гвардии лейтенант доложил о ходе выполнения боевой задачи.

— Молодцы, — похвалил я гвардейцев, — быстро продвигались вперед. Но учтите, с рассветом будет не легче.

— Спасибо механику-водителю Суркову, — сказал Додонов. — Целы благодаря его смекалке.

Александр Марченко пояснил, что до центра уже рукой подать.

— Успехов вам, товарищи! — Мы крепко пожали танкистам руки и отправились на командный пункт.

Было решено произвести разведку в направлении наступления.

Я вызвал начальника разведки бригады гвардии старшего лейтенанта Иванова и поставил ему задачу. В разведку были посланы командир взвода гвардии лейтенант Анатолий Дмитрюк, гвардии старшина Соколов и несколько бойцов. Часа через два разведчики возвратились. На плащ-палатке лежал окровавленный лейтенант. Я осветил карманным фонариком. На безжизненном лице виднелись пулевые раны. Оказывается, на улице Ивана Франко разведчики наткнулись на засаду и попали под сильный перекрестный огонь.

Соколов показал на карте, где примерно расположены огневые точки.

— Вот здесь были обнаружены танки и орудия, — доложил разведчик.

На рассвете вспыхнул бой. Разведдозор быстро проскочил вперед, с ходу уничтожил орудие, а затем танк. Отбивая натиск с флангов, бригада рано утром пробилась к центру города.

Танк «Гвардия» первым подошел к зданию ратуши. Из окон тянулись трассы пуль: фашисты открыли огонь по смельчакам.

— Не отрываться от автоматчиков, — напутствовал Александра Марченко Додонов.

Марченко молча пожал танкистам руки и, взяв Красное знамя, побежал к зданию. По ступенькам поднялся к парадному входу. За ним бежали автоматчики. Благополучно достигли третьего этажа. Ворвались в коридор. Несколько гитлеровцев пытались преградить путь, но автоматчики быстро с ними расправились.

Александр приблизился к башне, вылез на крышу и укрепил Красное знамя.

Вниз воины спускались радостные и счастливые. Гвардии старшина Марченко первым выскочил на улицу и направился к танку. Но в это время из окна раздалась автоматная очередь. Две пули впились в гвардейца. Марченко упал на мостовую. К нему, забыв об опасности, подбежали Додонов и Сурков. Они осторожно подняли истекавшего кровью боевого друга, положили на танк и хотели отвезти в безопасное место. В это время вблизи танка разорвался снаряд. Осколок попал в голову Марченко. Из виска хлынула кровь.

К машине уже спешили другие автоматчики. Подбежал к танку и санинструктор гвардии рядовой К. И. Рождественский. Он начал делать перевязку тяжело раненному в грудь и голову старшине. Откуда-то выстрелил снайпер. Рождественский тихо склонил голову на грудь товарища.

Мы с болью восприняли весть о гибели двух отважных сынов бригады. Когда я подъехал со штабом к ратуше, на которой развевалось Красное знамя, вокруг убитых собрались танкисты, мотострелки, артиллеристы и минометчики. Они застыли в тягостном молчании.

Мы похоронили коммуниста Александра Марченко в сквере на улице Кохановского (ныне улица Маяковского). На его могиле поставили дощечку с надписью: «Здесь похоронен танкист-уралец Александр Марченко, первым поднявший Красное знамя над освобожденным Львовом. Поклонись могиле героя, прохожий! Мы отомстим за него!»

Бригада продолжала освобождать Львов. Мы отбивали улицу за улицей. Связываюсь по радию с впереди идущим вторым батальоном.

— Ерофеев вас слушает, — докладывает начальник штаба батальона.

— Связь со взводом Потапова есть?

— Оба танка подбиты и сгорели. Потапов и Кулешов тяжело ранены. Их подобрал подошедшие автоматчики.

На душе тяжело. Несем большие потери. К обеду подошла наконец помощь — Пермская бригада. Связываюсь с полковником С. А. Денисовым. Он сообщает свои координаты. Оказывается, мы рядом. Встречаемся. Коротко ввожу его в обстановку, организуем взаимодействие. Командир корпуса по радио поставил нам задачу: во что бы то ни стало захватить вокзал.

На улицы города высыпали толпы народа. Радостные, взволнованные люди приветствуют нас, произносят слова благодарности. Я тороплюсь в штаб. Подразделения бригады впереди ведут бой. Нас останавливают женщины и ребяташки. Перегорожено пол-улицы, на дощатом заборе выведены дегтем крупные буквы: «Товарищи Червона Армия, астарожно, тут мины».

Петляем по каким-то переулкам. Вскоре догоняем бригаду.

— Нам приказано брать вокзал, — говорю начальнику штаба.

Баранов развернул карту. До вокзала не так далеко. Но, судя по всему, в том районе большое скопление гитлеровцев.

— Удастся ли прорваться?

Яков Михайлович отвечает не сразу:

— Туда я выслал группу разведчиков во главе с гвардии старшиной Шевченко. Вот-вот должны вернуться. Да вот они идут.

Шевченко дал точные сведения о противнике, доложил, как лучше продвигаться к вокзалу.

К вечеру начинаем штурмовать вокзал. Нам придан батальон автоматчиков гвардии майора Ахмадулла Ишмухаметова из 29-й Унечской бригады. Бойцы ворвались на вокзал. На путях — десятки груженых эшелонов. На платформах — пушки, танки, машины. Все это теперь наши трофеи.

24 июля взят вокзал. Бригаде поставлена новая задача: разгромить артиллерийские батареи гитлеровцев на Высоком Замке и уничтожить их бронепоезд, курсировавший между железнодорожными станциями Львов — Подзамче и Львов — Лычаков.

Вперед снова уходит танк «Гвардия». Он движется к Высокому Замку от улицы Русской. Удастся ли смельчакам подняться в гору?

Когда танк взбирался в гору, то неожиданно наткнулся на фашистское орудие. Гитлеровцы в упор выстрелили. Снаряд разорвался у башни. Взрывом сорвало люк командира, был убит гвардии лейтенант Додонов и ранен гвардии рядовой Мельниченко.

Механик-водитель Сурков увел машину в укрытие и с помощью гвардии сержанта Терентьева, заменившего Марченко, вытащил из танка тело Додонова и тяжело раненного в грудь Мельниченко.

Теперь в танке осталось двое, но он снова шел вперед. Терентьев заметил противотанковое орудие. Но было уже поздно. Гитлеровцы опередили. Снаряд ударил в борт танка. Осколками ранило Терентьева. Машина остановилась. Фашисты бросились к ней. Тогда у прицела встал Сурков. Выстрел, второй. Орудие врага разбито.

Пламенем охватило и танк «Гвардия». Тяжело раненный Сурков с трудом выбрался из танка, а отойти от

него не успел. В горящей машине стали рваться снаряды. Сильная взрывная волна отбросила Федора далеко в сторону...

К утру 27 июля 1944 года город Львов усилиями многих частей 1-го Украинского фронта был освобожден. Правда, кое-где еще шла небольшая перестрелка. Это гвардейцы добивали засевших в домах и подвалах гитлеровских солдат...

Командный пункт перемещается ближе к подразделениям бригады, занявшим оборону на северо-западной окраине Львова. Нам встречаются несколько санитаров. Узнаю — наши. Они несут кого-то на носилках. Механик-водитель остановил танк.

— Убит?

— Ранен. Майор из соседней бригады.

Спрыгиваю с танка на землю, приподнимаю шинель.

Ахмадулл Ишмухаметов. В течение многих дней его батальон был придан бригаде, и я видел в боях этого офицера. Отважен и смел.

Ахмадулл слабо улыбнулся, тихо проговорил:

— Выживем, товарищ комбриг. Еще повоюем.

Позднее нам не приходилось встречаться. Но я с радостью узнал, что гвардии майору присвоено звание Героя Советского Союза.

Угасал вечер. Над городом реяли алые флаги. Население ликовало. А меня не покидала тоска по товарищам, павшим в боях за Львов.

В те дни отличились все. Особенно храбро дрались подчиненные офицеров Чиркова, Федорова, Коротеева, Акиншина, Пупкова и Приходько. Многие были отмечены орденами и медалями.

Во Львове глубоко чтят память героев, отдавших свою жизнь за освобождение города. Одна из улиц названа именем Александра Марченко. А на здании городского Совета депутатов трудящихся прикреплена мемориальная доска с надписью: «На башне этого здания 23 июля 1944 года танкист гвардии старшина Марченко водрузил Красное знамя, ознаменовав этим освобождение Львова от немецко-фашистских захватчиков».

Вечным памятником героическому экипажу стал его танк «Гвардия». Он теперь возвышается на постаменте на улице Ленина.

В связи с 30-летием освобождения Львова в городе состоялись большие торжества. Мне довелось участвовать в них. Как только я вступил на львовскую землю, учащенно забилося сердце, нахлынули воспоминания о боях, о друзьях-товарищах. На улицах и площадях, где кипели жаркие бои, где лилась кровь гвардейцев, теперь лился народ. Город заметно преобразился, отстроился.

В ОСВОБОДИТЕЛЬНОМ ПОХОДЕ

МЫ — В ПОЛЬШЕ

Ночью, когда Совинформбюро передало сводку об освобождении Львова, меня вызвали в штаб корпуса за получением новой задачи. Генерал Е. Е. Белов ввел меня в обстановку.

К тому времени войска 1-го Украинского фронта овладели городами Рава-Русская, Ярослав, Перемышль, Станислав, Перемышляны. Вражеская группировка войск «Северная Украина» потерпела крупное поражение. Между 4-й и 1-й немецкими танковыми армиями образовался разрыв. Гитлеровцы подбрасывали свои танковые и пехотные дивизии, стремясь закрыть брешь.

Чтобы не дать противнику занять оборону на Висле, войска 1-го Украинского фронта, по замыслу Ставки Верховного Главнокомандования, должны были стремительно развивать наступление в западном направлении и не позже начала августа с ходу форсировать Вислу. Наша 4-я танковая армия вместе с 38-й армией нацеливались на Самбор, Дрогобыч, Борислав с тем, чтобы овладеть Дрогобыч-Бориславским нефтеносным районом.

Как информировал меня командир корпуса, соседняя с нами 3-я гвардейская танковая армия П. С. Рыбалко устремилась к реке Сан с задачей форсировать реку и вступить на территорию Польши.

Некоторые немецкие дивизии, боясь полного окружения, еще 24 июля начали поспешно отходить в юго-западном направлении на Самбор, пытаясь быстрее уйти в Карпаты. На пути фашисты оставили мощные заслоны. Заминировали дороги, мосты, переправы.

Нашей бригаде предстояло идти в передовом отряде корпуса.

И вот танки бригады в стремительном марше рванулись в сторону Самбора. По сторонам шоссе колосились густые хлеба. Местами виднелись небольшие прямоугольники полей кукурузы и подсолнечника. На дороге — груда битой техники: следы бомбардировки нашей авиации. Хорошо поработали славные соколы!

Впереди шли танкисты третьего батальона, в головной походной заставе — рота Коротеева. На подходе к небольшому населенному пункту Бол. Любець танки Коротеева попали под сильный огонь фашистской артиллерии. Заминированной оказалась и дорога: подорвался танк головного дозора.

— Обходите село левее, не ввязывайтесь в бой, — приказал я командиру роты.

Слева овраг. Рота начала совершать маневр, и снова ее обстреляли противотанковые орудия. Стало ясно: фашисты в предгорьях Карпат намерены хотя бы на время задержать наше наступление.

Пришлось усилить головную походную заставу взводом 76-миллиметровых орудий, в котором обязанности командира исполнял гвардии старший сержант Левшунов. Туда срочно был послан также взвод разведки гвардии старшины Соколова и отделение саперов во главе с гвардии лейтенантом Лившицем.

Сильно пересеченная местность позволяла противнику довольно упорно оборонять отдельные рубежи. Фашисты оказали нам огневое сопротивление на подступах к небольшому городку Рудки. Пришлось развернуть почти всю бригаду. 30 июля первыми ворвались на южную окраину городка танки роты Любивца. С северной окраины немцев потеснила рота Пупкова. Искусно маневрируя, вскоре в городок с боем пробились подчиненные Акиншина.

Рудки — чистый, красивый городок. В зелени утопали аккуратно выбеленные хаты, обнесенные живыми изгородями из деревьев. И очень жалко было смотреть, как некоторые из домиков превращались в груды битого кирпича. Фашисты без разбора вели огонь по жилым домам, тяжелыми танками утюжили неубранные огороды.

Вскоре за Рудками промелькнул указатель: «Самбор — 32 км». Пройдено полпути. Короткий привал. Батальоны расположились вдоль шоссе, выставив охранение, а штаб бригады обосновался в небольшом саманном домике, спря-

тавшемся в глубине обширного двора. Из колодца мы пили ледяную воду, утоляя жажду. Хозяин дома — уже в годах мужчина — угощал нас свежим вареньем из клубники, хозяйка наварила молодого картофеля.

Мы разговорились. Хозяин с нескрываемой радостью говорил нам, с каким нетерпением местные жители ожидали прихода Красной Армии.

— Товарищ офицер, — взволнованно говорил он, — побачьте, яка спына.

Он поднял рубашку. Вся его спина была в кровоподтеках.

— О ца германское клеймо. Утик я от них вчора из Самбора.

По словам хозяина дома, на северо-восточной окраине Самбора стоят десятка два-три танков, на перекрестках улиц — противотанковые орудия, в огородах — минометы. Мы понимали, что дальнейшее наше продвижение по шоссе будет связано с неоправданными потерями. Нет, мы не могли рисковать людьми и техникой.

— Надо запросить командира головной походной заставы, — сказал я начальнику штаба.

— Да, нам необходимы его данные. — И Яков Михайлович приказал радисту вызвать Коротеева.

На столике, расположенном под ветвистой яблоней, начштаба расстелил карту-склейку. На ней были ярко обозначены населенные пункты, квадраты лесных массивов, отдельные дома и полевые дороги.

В это время штабной офицер, только что переговоривший по радио с Коротеевым, подошел к нам и доложил:

— В Хлопчинцах до батальона немецкой пехоты и до двадцати танков и самоходок. Вдоль шоссе, вот здесь, — он обозначил карандашом точку, — расположилась артиллерийская батарея.

Данные весьма неутешительные. В десяти километрах от нас закрепился противник. Если ввяжемся в бой, не скоро дойдем до Самбора.

— Пойдем по лесам, — заключил я, — южнее сел Хлопчинцы, Калинов и с юго-востока ворвемся в город.

— А Днестр? Как его форсировать? — поинтересовался гвардии капитан Гаськов. — Брод надо искать.

Хозяин дома слышал наш разговор. Он подошел ко мне, несмело спросил:

— Дозвольте вас проводить?

Не из украинских ли он националистов? Нет, не похоже.

Вперед ушла рота Александра Сидельникова. На одном из танков сидел наш хозяин. Танкисты почему-то называли его батей. Не потому ли, что он выглядел стариком? Полевая дорога вскоре уперлась в реку Днестр. Нашли брод: старик нам его указал. Танки форсировали водную преграду. Двигались осторожно. К вечеру 6 августа вышли к селу Дубляны. Штурмовать село решили с двух сторон — от Дрогобыча и Самбора.

Справа в наступление пошел первый батальон, а слева — второй. Третий батальон наступал во втором эшелоне. Танки первого батальона ворвались в село по двум улицам, вдоль которых зеленели высокие деревья. В огородах стояли немецкие подводы, во дворах — автомашины, груженные продуктами, боеприпасами.

Мы застали противника врасплох. Возникла перестрелка, гитлеровцы в панике заметались, разбегаясь по садам и огородам. Рота Сидельникова разгромила штаб полка, взяла в плен несколько солдат и офицеров.

Второй батальон стремительно прорвался на восточную окраину села. К тому времени первый батальон уже перекрыл все улицы на северо-западной окраине. Немцы оказались в ловушке. Гвардейцы в упор расстреливали танки, бронемашины, давили обозы, которые пытались вырваться из кольца.

К десяти часам вечера подошли и другие части соседней армии. 7 августа село Дубляны было освобождено. По тенистым улицам побрели колонны пленных. И тут, словно сговорившись, из подвалов и укрытий вышли местные жители, на тротуары высыпали дети. Приветственные улыбки. Теплые рукопожатия. Велика радость освобожденных.

Танки бригады сосредоточиваются в небольшом лесу. В этот район направляется и штаб. Вокруг танка Сидельникова почему-то сгрудились бойцы.

Выхожу из машины. Лицо у Сидельникова расстроенное.

— Проводник убит, — сообщил он. — Батя. Настоящего имени и фамилии его не знаем.

На корме машины в безжизненной позе застыл старик: пуля вражеского снайпера оборвала его жизнь.

Решили похоронить проводника с воинскими почестя-

ми. Саперы вырыли могилу. Тело старика бережно опустили в нее. Раздался троекратный винтовочный залп. Прощай, патриот Родины!

Уже при ярких звездах подошли другие подразделения бригады. Командир третьего батальона возбужденно докладывает:

— Третий батальон уничтожил пять танков, десять орудий, пленил сто гитлеровцев, захватил два средних танка, двенадцать повозок...

— погоди, погоди, ведь ваш батальон шел во втором эшелоне...

— А я вижу: первый батальон отвернул вправо, а второй — влево. Решил: двинем-ка в промежуток. И вдруг на улицу выкатили гитлеровцы. Видимо, стрельба их подняла на ноги. Ну, мы и давай их колотить.

Что ж, действия комбата заслуживают одобрения, хотя батальон и был во втором эшелоне.

Несмотря на жаркий бой, бригада особых потерь не имела. Фашисты подбили всего лишь два танка, один из которых сгорел, и одну приданную самоходку. Мы гитлеровцам нанесли большой урон, пленили несколько сот солдат и офицеров, захватили много боевой техники.

Короткий отдых. Повар, гвардии старший сержант Шевченко, разложил на плащ-палатке куски жареного мяса.

— И когда это ты успел, Иван?

— Пока вы немцев выковыривали из села, мы и постарались.

Горячий ужин получили все подразделения. Не могу не упомянуть теплым словом заместителя по тылу гвардии подполковника Хохлова и начальника продслужбы гвардии капитана Юмашева. В трудных фронтовых условиях они сумели хорошо наладить службу тыла. Личный состав регулярно получал питание, обмундирование, даже нательное белье.

Помнится такой случай. На подступах ко Львову бригада завязала тяжелый бой. И вдруг к командному пункту подъехал грузовик. Кто же к нам пожаловал? Из кабины выскочил гвардии старший лейтенант П. Ф. Марков. Он подбежал ко мне и доложил, что привез обмундирование, обувь, чистое белье для личного состава. Завскладом В. З. Тарасов и писарь Надя Пинегина быстро перегрузили имущество в штабные машины.

Нередко бывало и так. Между боями короткая пауза. Глядишь, а на передовой появляется походная кухня. Как-то в районе Каменец-Подольского, когда бригада отбивала яростные контратаки, в расположение батальона автоматчиков приехала походная кухня. Валил снег, видимость была ограниченная. Работники тыла этим и воспользовались, незаметно пробрались на передовую. Утомленные бойцы принялись за еду. В это время очередная контратака. За автоматы схватились и тыловики. Особенно отличился повар Иван Шевченко. На него набросились четыре здоровенных гитлеровца, выбили из рук автомат и пытались взять в плен. Шевченко удалось вытащить из чехла нож. Ловкими ударами он убил двух гитлеровцев, а двух пленил с помощью подоспевших товарищей. За смелость, проявленную в том бою, гвардии старшего сержанта наградили медалью «За отвагу».

И вот она красуется на его гимнастерке. Для Ивана это дорогая награда. До этого он не раз мне говорил:

— Приеду в родной Киев, стыдно будет перед земляками.

— Почему?

— Разве в поварах награду заслужишь? Будут говорить: Иван в тылах всю войну кашеварил. Нет, товарищ комбриг, больше не могу. Переведите в боевой экипаж.

— Пойми, — убеждал я его. — Ты здесь нам очень нужен. Лучше тебя эту работу никто не сделает. Кормить солдат — почетное дело.

Шевченко славился своим кулинарным мастерством. Еще до войны он работал в одном из киевских ресторанов, любил свое дело. И все же ему хотелось в боевой экипаж. Он и сейчас ко мне обратился с прежней просьбой:

— Война скоро кончится, а я все кашеварю, — и подал очередной рапорт.

Не успел я поговорить с Шевченко, как подбежал радист штаба гвардии старший сержант Кестер. Он доложил:

— Передают приказ Верховного Главнокомандующего.

Мы оставили ужин и бросились к штабной радиостанции. Приказ читал Левитан: «Сегодня, 7 августа, в 21 час столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам 1-го Украинского фронта, овла-

девшим городом Самбор, 12 артиллерийскими залпами из 124 орудий».

Ко мне протиснулся начальник радиостанции гвардии старший сержант Колчин:

— Вас просят на переговоры.

Я надел шлемофон. По голосу узнал, что говорит новый начальник штаба корпуса гвардии полковник П. Д. Белов. Он поставил бригаде задачу: не допустить отхода противника в район Санок.

Через двадцать минут бригада снялась с места и по шоссе, идущему на северо-запад к Мостиске, начала форсированный марш. Туда устремились и другие части нашего 10-го танкового корпуса.

Командование нас торопило. Немцы предприняли яростные контратаки и пытаются сбросить советские части в реку Сан. На отдельных участках создалось угрожающее положение. Противник успел подтянуть свежие резервы, бросил в бой крупные танковые силы. Вражеская авиация непрерывно бомбит передовые части. Фашисты отчаянно контратакуют.

Совершив семидесятикилометровый марш, бригада на рассвете прибыла в район пограничного села Медика. Впереди река Сан. Мерно катятся волны, свидетели недавнего боя. Понтонеры уже навели переправы. Нам предстоит переправляться на западный берег по наплавному мосту.

Граница. Кто-то уже успел установить пограничный столб. Ждем у переправы очереди. Танки и автомашины бригады рассредоточены в редком лесочке, выходящем клином к реке Сан.

— Братцы, неужели впереди заграница? — говорит русский плечистый боец, аккуратно завертывая в тряпочку горсть родной земли. Его примеру следуют другие.

— Теперь не остановимся до Берлина! — ликуют гвардейцы.

Последний рубеж на родной земле: территория нашей страны на западе полностью освобождена. Вот и расстаются однополчане с любимой Отчиной, с милыми сердцу перелесками, полями в надежде в скором времени вернуться в родные края. Из раздумья меня выводит начальник политотдела Богомоллов.

— Почитайте, только что получил из политотдела корпуса, — говорит Михаил Александрович и протягивает

мне вскрытый пакет. В нем оказались материалы для докладов и бесед на темы: «Современная Польша», «О советско-польских отношениях» и другие. Политработникам, партийным, комсомольским организациям и нам, командирам, предстояло значительно усилить агитационно-массовую работу среди личного состава. Находясь за рубежом родной страны, мы обязаны были высоко нести честь советского воина-освободителя.

— Я уже наметил план работы. Сейчас политотдельцы разойдутся по ротам, — сказал Богомолов. — Будут проводить беседы о Польше. Очень важно, чтобы люди ясно сознавали свой интернациональный долг, — добавил он.

То там, то здесь собираются группы танкистов. Они внимательно слушают политработников. Подошел и я к танкистам роты Коротеева. Посыпались вопросы. Бойцы интересовались, по какому пути развития пойдет послевоенная Польша.

Время шло. На переправе — скопление различных родов войск. Мощные тягачи буксируют дальнобойные пушки, подошла колонна тяжелых танков, вперед рвутся груженные обозы, идут вторые армейские эшелоны матушки-пехоты, приотставшие от танковых частей после их стремительного броска.

Не терпится на противоположный берег.

— Мы со вчерашнего вечера ждем очереди, — говорит мне полковник, командир корпусного артиллерийского полка.

— «Юнкерсы» часто навещают?

— Всю ночь не давали покоя. Несколько раз сбрасывали осветительные ракеты, бомбили, но мимо переправы. — Полковник потянулся к портсигару. — Да вот, глядите, легки на помине...

На высоте двух-трех тысяч метров шли до двух десятков вражеских бомбардировщиков. Ударила наша зенитная артиллерия, застрекотали крупнокалиберные пулеметы. Один из «юнкерсов» загорелся. Густо дымя, самолет стремительно падал на землю. В небе вспыхнул еще один костер. В полосе дыма показался белый купол парашюта.

Сильный заградительный огонь не позволил фашистам подойти близко к переправе. Воздушные пираты, беспорядочно сбросив бомбы, отвернули на запад. Вдогонку им помчались красnozвездные «яки».

К обеду нашей бригаде удалось пристроиться в хвост какой-то колонне.

...Противоположный берег. Вдвинулись разрушенные доты, обгоревшие коробки «тигров» и «пантер», разбитые орудия.

Движемся на север, в сторону Жешува. Шоссе загромождено войсками. Танки идут стороной, поднимая густые клубы пыли. Улицы деревень украшены красно-белыми польскими знаменами. Население приветливо нас встречает. Мой головной танк превратился в яркий букет: он осыпан цветами.

— Нэх жие Раджецка Армия! — кричит кто-то из толпы.

— Да здравствует Красная Армия! — уже по-русски выкрикивает другой поляк.

— Ура-а!.. Ура! — несется отовсюду.

Так же тепло встречали нас поляки в освобожденных Жешуве, Кольбушове, Мелеце. В это время ожесточенные бои развернулись в районе города Сандомир. С ходу форсировав в нескольких местах реку Висла, наши войска прочно закрепились на плацдарме. Противник предпринимал отчаянные контратаки, стремясь ликвидировать плацдарм и восстановить оборону по Висле.

Нашей 4-й танковой армии было приказано переправиться через Вислу в полосе 5-й гвардейской армии и к рассвету 15 августа сосредоточиться на плацдарме в лесах близ населенного пункта Сташув. Прежде чем выполнить этот приказ, мы совершили четырехсоткилометровый марш-бросок. На это ушло четыре ночи. Переправились благополучно и вовремя сосредоточились в указанном районе.

Бригада заняла оборону западнее Сташува. Задача состояла в том, чтобы вместе с частями 5-й гвардейской и 13-й армий удерживать сандомирский плацдарм. Командир корпуса меня предупредил: по данным разведки, противник в районе Хмельника сосредоточил крупную группировку и намеревается нанести удар по нашим войскам.

Ночью в тыл врага ушел командир взвода разведки Александр Соколов с несколькими бойцами. Вскоре разведчики вернулись и привели пленного. Он подтвердил, что на рассвете гитлеровцы намерены нас контратаковать. Соколов сообщил, что по шоссе со стороны Хмель-

ника движутся колонны танков, мотопехоты, часть которых уже рассредоточилась на опушке леса перед нашей обороной. Пришлось усилить наблюдение и боевое охранение.

На рассвете появились фашистские танки. На подразделения бригады обрушился шквал артиллерийско-минометного огня. Связываюсь с левофланговой ротой Сидельникова.

— Подбили три немецких танка, — докладывает гвардии старший лейтенант. — Немцы нажимают крепко. Пока держимся.

К обеду на отдельных участках противнику удалось вклиниться в нашу оборону. На угрожаемое направление я успел выдвинуть 76-миллиметровую батарею и приданную батарею самоходно-артиллерийских установок. Самоотверженно дрались челябинцы. Дальнейшие попытки врага развить удар в направлении Сташува разбились о стойкость советских воинов.

Несколько дней противник бешено контратаковал наши позиции. Но безуспешно. Мы продолжали глубоко зарываться в землю. Так называемый сандомирский плацдарм за Вислой составлял теперь 75 километров по фронту и 50 километров в глубину.

Настали дни, о которых в сводках Совинформбюро сообщалось: «На некоторых участках фронта — поиски разведчиков и бои местного значения». За этой короткой фразой скрывались напряженные фронтовые будни. Немцы нередко прощупывали нашу оборону, они все еще надеялись сбросить нас в Вислу. Нам было нелегко. Позади почти месяц непрерывных боев. Уцелевшие танки можно было сосчитать по пальцам. Ждем пополнение. А пока что гвардейцы роют траншеи, ходы сообщения, землянки.

В молодом сосняке расположился КП. В землянке при свете фронтового «электричества» — фитиля, вставленного в гильзу из-под снаряда, — мы подолгу корпели над составлением учебных программ, продумывали, как наладить учебу с пополнением, которое вот-вот к нам придет из Челябинска и других городов Урала.

В один из таких вечеров, 23 августа, меня вызвали к аппарату.

— Поздравляю вас, Фомичев, и всех челябинцев, — слышался в трубке голос комкора генерала Е. Е. Бе-

лова. — Слушайте Указ Президиума Верховного Совета СССР... — И он прочел, что наша бригада за успешные действия при освобождении Львова награждена орденом Красного Знамени.

25 августа — памятный для нас всех день: на нашем гвардейском Знамени появился первый боевой орден. Его нам вручил командир корпуса.

Ровно через месяц к нам вновь приехал командир корпуса Е. Е. Белов, начальник политотдела корпуса гвардии полковник И. Ф. Захаренко и начальник штаба П. Д. Белов.

Приказано выстроить личный состав бригады. Ровными рядами замерли челябинцы.

— Слушайте Указ Президиума Верховного Совета СССР...

Генерал Белов начал читать. Звание Героя Советского Союза присваивалось гвардии младшему лейтенанту Кулешову Павлу Павловичу, гвардии старшему лейтенанту Потапову Дмитрию Мефодьевичу, гвардии старшине Суркову Федору Павловичу, гвардии полковнику Фомичеву Михаилу Георгиевичу. Первые Герои... В бригаде торжество.

20 ноября добровольцы принимали гостей. Приехала из Челябинска делегация во главе с В. С. Коржевым — заместителем заведующего военным отделом обкома партии. В составе делегации — рабочие, колхозники, актеры. Они привезли подарки, письма.

...Импровизированная сцена. Встреча гвардейцев-челябинцев с делегацией. Коржев вручает мне подарок Челябинского обкома ВКП(б) — никелированную саблю. На ней надпись: «Герою Советского Союза гвардии полковнику Фомичеву Михаилу Георгиевичу».

По списку вызывают офицеров. Подходит гвардии подполковник В. И. Хохлов. Он только на днях вернулся из госпиталя после ранения во Львове. Ему вручают подарок.

В это время левее полевого «клуба» шлепнулось несколько мин. На передовой поднялась пальба. Коржев наклоняется ко мне, спрашивает:

— Часто такое бывает в обороне?

— Почти ежедневно.

— Гвардии старший лейтенант Сидельников, — вызывает начальник штаба.

Из «зала» кто-то кричит:

— Задерживается!

— Его рота на передовой, это она ведет бой, — пояснил я Коржеву.

Через три часа, когда утих бой, в землянку к нам был приглашен Александр Сидельников. Коржев тепло с ним поздоровался и, вручая подарки, спросил:

— Значит, это и есть тот самый смелый танкист?

— Что я особенного сделал? — смущенно пробормотал офицер. — Вот Федя Сурков — иное дело.

— Расскажите гостям хотя бы о сегодняшнем бое, — попросил я командира роты.

— Что там рассказывать. Обыкновенный бой был, такой же, как вчера, позавчера... Значит, сидим мы в танках, — начал Сидельников, — смотрим в приборы наблюдения. Вдруг мне докладывает гвардии лейтенант Бирюков: «Слева — танки!» Хитер же немец. Решил нам во фланг ударить. Думаю про себя: «Не выйдет у тебя, фашист, и эта затея». Быстренько развернул танки влево. Свою машину поставил в кустах. Противник жмет, а когда до его «тигров» осталось метров двести пятьдесят, я скомандовал: «Бронебойным — огонь!» Дали гитлеровцам прикурить! Четыре «тигра» подожгли, а другие удрали.

— Стало быть, сильный бой был? — не сдержался кто-то из членов делегации.

— Какое там сильный. Бой местного значения.

Через три дня делегация уехала, а вместе с ней уехали в Челябинск и посланцы нашей бригады, чтобы дать отчет землякам, рассказать, как добровольцы выполняют наказ жен, отцов, матерей, братьев, сестер.

ОТ ВИСЛЫ ДО ОДЕРА

Бригада отводится с передовой линии. Находясь во втором эшелоне обороны, мы начали усиленно готовиться к новым боям. Днем и ночью проводили занятия с танковыми и стрелковыми ротами.

...На опушке леса залегла стрелковая рота гвардии старшего лейтенанта Сидорова. Впереди показались цели. Огонь открыли артиллеристы 76-миллиметровых пушек. С первого снаряда поражал цели действовавший за

наводчика Петр Левшунов. Пехота пошла в атаку. Челябинцы отрабатывали вопросы взаимодействия...

Короткий отдых между «боями». В сосняке тщательно замаскирована тридцатьчетверка. Читаю надпись: «Александр Марченко». Товарищи чтут память павших в боях.

Я подошел к танкистам.

В руках гвардии младшего лейтенанта Суркова (ему на днях присвоили офицерское звание) развернутый лист бумаги.

— Домой письмо пишешь?

— Другу... Помните Александра Мордвинцева, командира орудия нашего экипажа?

— Как же, его тяжело ранило еще в боях за Орел.

— Так он во Львове, — продолжал Сурков. — Поступил учиться в Государственный университет имени Франко. На днях от Саши письмо получили. Послушайте, что пишет: «...Зачислен студентом 1-го курса филологического факультета. Очень доволен... Львов — город хороший, красивый, почти весь сохранился, чувствуется, что и освобождали-то его красиво, по-добровольчески, по-уральски. И все-таки меня очень тянет к вам, на фронт. Скучаю о друзьях-товарищах... Учеба дается легко, изучаю латинский, французский, русский, украинский... Привет всем, всем. И бате Фомичеву передайте мой низкий поклон. Целую, ваш Саша Мордвинцев».

А вот что мы товарищу пишем. — И Сурков прочел текст письма: — «Дорогой Саша! Прими от друзей сердечный фронтовой привет. Ты сейчас студент одного из старейших университетов. Это делает нам честь, и мы гордимся тобой. Будь, Саша, гвардейцем и в учебе. Докажи на деле, на что способны лучшие сыны нашей Отчизны — коммунисты, сменившие танк на книги. Докажи всем, что вчерашний фронтовик-гвардеец является передовиком учебы, примером дисциплины и организованности.

Помни наш гвардейский наказ: не сдавать позиций без боя. Помни наш гвардейский закон: там, где наступает гвардия, враг не устоит, там, где обороняется гвардия, враг не пройдет!

Учеба — это тоже бой, бой разума, сознания. Бой за овладение вершинами науки. Желаем тебе успехов в учебе. Ты не одинок. Твои друзья тебе помогут.

Целуем тебя. Твои боевые друзья: Чирков, Денисов, Кулешов, Сурков, Пунков, Сидельников, Ерофеев, Литвинко, Лисых...» — Сурков аккуратно сложил лист бумаги.

— Мы решили помочь студенту, — заговорил комбат Чирков. — Собрали «фронтовую надбавку» к стипендии. Пусть пригодится немного. Семь тысяч рублей.

— Хвалю за смекалку, товарищи, — сказал я. — Это и есть закон войсковой дружбы!

Невдалеке расположилась еще группа бойцов. Доносится голос Ермакова, командира роты автоматчиков. Оказывается, идет комсомольское собрание. Подхожу, становлюсь участником собрания. Командир роты остро критикует воинов, которые недостаточно упорно осваивают военное дело. Горячо, темпераментно выступают комсорг роты гвардии старшина Засанский, автоматчики Салов, Сартюхов, Зимин, комсорг батальона Долومان и другие.

Затем рассматриваются заявления желающих вступить в ряды ВЛКСМ.

— Впереди у нас серьезные бои, — сказал я в своем выступлении. — Сейчас задача номер один — овладеть искусством ведения наступательного боя. Поэтому наш долг — каждую свободную минуту использовать для учебы.

В бригаде не ослабевала партийно-политическая работа. Политотдел заботился об идейно-теоретической подготовке командиров. Офицеры изучали документы партии и правительства, произведения классиков марксизма-ленинизма о войне и армии.

Много внимания уделялось учебе политработников, парторгов рот и батарей. С парторгами рот и батарей были проведены семинары на темы: «Марксистско-ленинское учение о партии», «Задачи парторганизаций по воспитанию молодых коммунистов», «Работа парторга с партийным активом», «Расстановка партийных сил в бою», «Партбюро — орган коллективного руководства», «Партийное руководство комсомолом».

Работникам политотдела и штаба нередко приходилось выступать и перед агитаторами, редакторами боевых листов. Корпусная газета «Доброволец» и армейская «Вперед на врага» рассказывали о подвигах героев, помещали фотоснимки лучших воинов. На страницах газет

командиры делились опытом ведения наступательного боя в лесистой местности и в населенных пунктах, поднимали вопросы о взаимодействии, о ведении встречного боя и т. д.

Как-то к нам в бригаду приехал редактор газеты 4-й танковой армии гвардии полковник В. Е. Федотов. Он побывал в ротах и батареях, говорил с гвардейцами, вникал в жизнь и быт бойцов, сержантов и офицеров. А вскоре на страницах армейской газеты появилась серия материалов под рубрикой «Так бьют врага челябинцы-добровольцы». Рассказывалось о коммунистах офицерах Сидельникове и Акиншине, младших командирах Соколове, Левшунове и других.

Личный состав бригады упорно готовился к боям.

Наступил январь 1945 года. Бригада скрытно выдвигается к переднему краю. Теперь у нас новенькие тридцатьчетверки. Они полностью укомплектованы личным составом.

Наконец-то мне дали заместителя. Им стал гвардии полковник С. И. Алаев. Сменились и комбаты. На первый батальон назначен гвардии капитан Егоров, на третий — гвардии майор Бондарев, заменивший погибшего в бою Маслова. Вместо Приходько прибыл гвардии майор Г. И. Старостин. Вторым танковым батальоном еще со Львовско-Сандомирской операции командовал гвардии майор Чирков (его предшественник В. А. Федоров некоторое время командовал первым батальоном, а затем был переведен в другую часть с повышением).

Нас, командиров бригад, вызвали в штаб корпуса. Гвардии полковник Н. Д. Чупров, заменивший генерала Е. Е. Белова на посту командира корпуса, подошел к карте.

— Немцы бьют союзников в Арденнах, — без всяких предисловий начал он, водя указкой по карте. — Черчилль обратился к Сталину с просьбой ускорить наступление Красной Армии на советско-германском фронте. Фомичев, когда готов к наступлению? — спросил комкор.

— В любое время, хоть сейчас.

— Как с боеприпасами, горючим?

— Всем обеспечены, не жалуемся.

— А вы, товарищ Жуков? — обратился гвардии полковник к командиру 61-й Свердловской бригады.

— Свердловчане готовы!

Командир корпуса рассказал о задаче, которую поставил командарм перед 10-м гвардейским танковым корпусом: «Сильным передовым отрядом в составе 63-й гвардейской танковой бригады, 72-го тяжелого танкового полка, двух батарей 1689-го легкоартиллерийского полка наступать непосредственно за 6-й гвардейской стрелковой дивизией и правым флангом 112-й стрелковой дивизии и, как только пехотой будет нарушена система противотанковой обороны противника, стремительным броском к исходу первого дня операции овладеть узлом шоссейных дорог Хенцины»¹.

...11 января вечером в штабной землянке собрались офицеры бригады. Я довел до них поставленные перед бригадой задачи. А в полночь мне докладывали комбаты:

— Все готово!

...Легкий морозец, два-три градуса. За ночь выпал снег. Тихо-тихо. В строю застыли гвардейцы. Перед ними алое полотнище с изображением Ленина — гвардейское Знамя бригады. На митинге бойцы и командиры клялись мужественно и самоотверженно действовать в предстоящем бою, с честью пронести гвардейское Знамя до победы над фашистской Германией.

В 6 часов 15 минут ударила наша артиллерия. 240 стволов на каждом километре! Сотни, тысячи снарядов. Сплошная канонада стояла в течение часа.

В воздух полетели красные ракеты. Первые эшелоны войск двинулись вслед за огневым валом.

В 14.00 раздалась команда «По машинам!». Экипажи заняли места в танках, автоматчики, артиллеристы, саперы и связисты — в своих машинах. И бригада устремляется в прорыв. Вперед вырывается первый батальон гвардии капитана Егорова. Фашисты отчаянно огрызаются. Многие полосы, доступные для движения, заминированы. Вырыты широкие противотанковые рвы.

Оборона прорвана. Тороплю Егорова, чтобы он скорее прорывался к деревне Малешува. Комбат докладывает

— Встретил сильное сопротивление. Развернул батальон.

На рубеже Гуменице, Малешува противник установил

¹ Архив МО СССР, оп. 4756, д. 114, л. 1—3.

до десяти танков, несколько самоходных орудий. Все подступы заминированы.

Принимаю решение — выдвинуть вперед танки-тральщики. Поддерживаем их огнем. Разгорается танковый бой. Враг не выдерживает удара, и мы глубокой ночью врываемся в Малешуву. За сутки пройдено более тридцати километров.

«Войска армии, — вспоминает командарм Д. Д. Лелюшенко, — успешно продвигались, несмотря на темноту и туман. Особенно хорошо шла 63-я гвардейская Челябинская бригада М. Г. Фомичева, имевшая большой опыт действий ночью»¹.

Танки, обходя узлы сопротивления, стремительно продвигаются к городу Хенцины. Временами нас беспокоит вражеская авиация. Где-то правее продвигаются свердловчане и пермяки.

Слева от нас наступает передовой отряд 3-й гвардейской танковой армии, возглавляемый гвардии полковником И. И. Якубовским. Мы тесно взаимодействуем с соседями, вовремя информируем друг друга.

Гитлеровцы спешно выдвинули из Кельце танковый полк, который занял оборону на западном берегу реки Чарна Нида. Разведка доложила: мосты взорваны, берега заминированы. Город Хенцины превращен в опорный пункт. На улицах баррикады, в угловых каменных зданиях оборудованы доты. Город опоясан широким противотанковым рвом.

Я выехал в первый батальон, который остановился в сосновом лесу.

— Егоров, ваш батальон пойдет в передовом отряде, — сказал я комбату. — Постарайтесь найти брод через реку Чарна Нида.

В деталях обговорили предстоящую задачу.

— Чей взвод пойдет в головном дозоре?

Комбат ответил не сразу. Он знал: дозор пойдет на опасное дело и такая задача по плечу лишь наиболее смелым.

— Гвардии лейтенанта Цыганова пошлем.

Петр Иванович Цыганов к нам прибыл на сандомирском плацдарме. Рослый, симпатичный, немного смугля-

¹ Д. Д. Лелюшенко. Москва — Сталинград — Берлин — Прага, стр. 288.

вый, он и впрямь походил на цыгана. Был слесарь-инструментальщик одного из московских заводов, он быстро завоевал авторитет среди воинов.

По неровной полевой дороге танк Цыганова, искусно прикрываясь кустарником, первым двинулся вперед. В триплексе промелькнули полосатые гитлеровские танки.

— Останови машину, — приказал гвардии лейтенант механику-водителю.

Над рекой висела туманная дымка. Фашисты, не подозревая об опасности, грелись у костра. Цыганов навел орудие. Выстрел. Уцелевшие гитлеровцы бросились к танкам. Еще два выстрела — и загорелась «пантера».

Фашисты обрушили на головной десор страшный огонь. Поле вздыбилось темными фонтанами. Но механики-водители, маневрируя на поле, уводили машины из-под огня. Достигли реки. Удача сопутствовала гвардейцам: река обмелела, и подо льдом было совсем немного воды. Танки вброд переправились на противоположный берег.

Вслед рванулась танковая рота гвардии старшего лейтенанта Ивана Любивца. Но и враг не дремал. С восточной окраины Хенцин ударили тяжелые орудия. Слева открыли огонь закопанные танки. Появилась группа «юнкерсов». Сотрясая воздух, рвались бомбы. Загорелась одна из тридцатьчетверок, но остальные танки роты уже втягивались в городскую черту.

Тем временем танки Цыганова уже вели уличные бои. Тридцатьчетверки настойчиво и упорно шли вперед. На пути — уличная баррикада. Цыганов, чтобы не нарваться на мины, произвел по ней два выстрела и с ходу таранил баррикаду броней.

Из-за угла ударил «королевский тигр». Потом показался еще один такой же танк. Положение осложнилось. Гвардии лейтенант открыл ответный огонь и подбил одну гитлеровскую машину, но второй «тигр» успел разбить гусеницу нашего танка. Ранило Цыганова. Загорелось на броне в запасных бачках горючее.

Механик-водитель и радист-заряжающий бросились сбивать пламя, а раненый офицер продолжал вести огонь по гитлеровцам. Он подбил и второй танк.

Тридцатьчетверку охватило пламя.

— Оставить машину! — приказал Цыганов членам экипажа. Сам он выбрался через нижний люк. Хотел отползти за баррикаду, но гитлеровцы открыли сильный пулеметный огонь. Члены экипажа, оказавшись отрезанными от своих, отбивались от наседавших врагов. Они пустили в ход гранаты. Вторично был ранен Цыганов. Рядом — фашисты, а у гвардейцев в дисках автоматов по десять — двенадцать патронов.

Вдруг возгласы: «Ура! Ура!»

— Наши идут, держись, ребята! — крикнул гвардии лейтенант членам экипажа и в упор открыл огонь по группе приближавшихся врагов. Цыганов уничтожил еще 15 гитлеровцев.

В это время экипаж Бирюкова несколькими выстрелами из орудия проломил стену в доме, затем протаранил его насквозь и выскочил за баррикаду. Цыганов и его экипаж были спасены.

Родина высоко оценила подвиг Петра Ивановича Цыганова. Ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Весь день 15 января прошел в уличных боях. Нашей бригаде удалось перехватить все дороги, ведущие к Хенцинам. Отступать врагу было некуда. Части его 17-й танковой дивизии оказались в огненном кольце. Подошедшие бригады корпуса добились оставшихся в живых гитлеровцев.

Особенно сильный натиск врага пришлось выдержать на северной окраине города. Перерезав шоссе Варшава — Краков, мы тем самым отрезали пути отхода группировке противника из Кельце. Это поставило его в тяжелые условия. Фашисты решили прорваться по шоссе. Подразделения бригады были подвергнуты бомбовому удару. Через некоторое время со стороны Кельце показались части противника.

Тяжелое положение создалось на участке третьего батальона. До тридцати танков врага атаковали батальон. В разгар боя начальник штаба батальона гвардии капитан Злобин доложил:

— Из строя вышли три танка. Отражаем контратаки.

Я связался по радиации с подполковником Табелевым, командиром приданного бригаде 72-го гвардейского Львовского тяжелого танкового полка. Полк находился на северо-западной окраине Хенцин.

— Перебросьте на северную окраину две роты, — приказываю ему. — Туго приходится моему третьему батальону.

Вскоре тяжелые танки пришли на помощь челябинцам. Непрерывные контратаки врага разбились о стойкость гвардейцев.

Вечером получаем новую задачу: бригада должна первой ворваться в Пшедбуж, а затем стремительным броском выйти на юго-западную и западную окраины Петркув-Трыбунальски и отрезать пути отхода гитлеровцам.

До Пшедбужа по шоссе не менее 70 километров, а напрямик намного меньше — 50 километров.

— Будем продвигаться вне дорог, — сказал я офицерам штаба. — Опыт есть, местность проходимая.

Накануне выпал обильный снег. Но он особенно не препятствовал нашему продвижению. На рассвете мы с ходу без труда освободили деревню Лопушно. Небольшой немецкий гарнизон не ожидал нашего появления и не оказал серьезного сопротивления.

Вброд форсировали небольшую речушку Чарна и к обеду 17 января подошли к Пшедбужу, расположенному на западном берегу реки Пилица. Нам повезло: противник не успел взорвать мост, и мы немедленно этим воспользовались.

Первым влетел на мост танк Бирюкова, шедший в головном дозоре. Экипаж уничтожил охрану и ворвался на окраину города. Вскоре мы потеряли связь с головным дозором. Мне не давала покоя мысль: что же с Бирюковым? Связываюсь с командиром головной походной заставы Сидельниковым.

— Что у вас случилось? Где Бирюков?

— У нас порядок, товарищ комбриг! Рота уже на западном берегу Пилицы, а Бирюков где-то в городе ведет бой.

Основные силы рвутся к городу. Подтягиваются батальоны. Спустя несколько минут Сидельников взволнованно докладывает:

— Фашисты прижали нас к реке. Спешите на помощь.

Позже выяснилось: танк Бирюкова слишком далеко оторвался от роты. Бирюков всегда действовал решительно и смело, внезапно, как снег на голову, обрушивался на врага, беспощадно уничтожал гитлеровцев. А тут допус-

тил ошибку. В городе оказались довольно большие силы вражеской техники и пехоты. Немцы убедились, что на улице лишь один советский танк. Они быстро подтянули на восточную окраину несколько танков и пехотных рот, прижали роту Сидельникова к реке, успели организовать оборону.

По счастливой случайности экипаж Бирюкова остался в живых. Но нам ошибка командира разведдозора стоила дорого. Бригада не смогла с ходу овладеть Пшедбужем. Рота старшего лейтенанта Сидельникова была вынуждена отойти на восточный берег.

— Немцы подтянули артиллерию, — доложил Сидельников. — Южнее моста расположены самоходные орудия.

Только закончился этот короткий разговор, как с запада в нашу сторону ударили орудия. Вокруг нас стали рваться снаряды.

— Пшедбуж с ходу не удалось взять, — доложил я командиру корпуса. — Мешает сильный артиллерийский огонь, и нет смысла зря губить технику.

Комкор Н. Д. Чупров знал, что у нас почти нет артиллерии. Он сообщил, что в тридцати километрах севернее нас к реке подошли подразделения 61-й гвардейской Свердловской бригады, и приказал:

— Будете форсировать Пилицу на участке свердловчан.

Подразделения бригады повернули строго на север. В головном дозоре шли три тридцатьчетверки, возглавляемые помощником начальника штаба первого батальона гвардии старшим лейтенантом Петуховым. Дул неистовый ветер, а вскоре повалил густой снег. Мы с трудом пробивались сквозь белесую пелену. Не продвинулись мы и на пять километров, как Петухов по радию доложил:

— Захватил целехоньким деревянный мост. Для танков вполне пригоден. Мы уже на западном берегу.

— Молодец, Петухов, это по-гвардейски! — похвалил я офицера. — Спешим к вам.

Петухов потом рассказывал:

— Продвигаемся на север, гляжу, вроде бы движется обоз. Куда бы это? Ага, к мосту. Ну, мы и шарахнули по гитлеровцам. Они и руки вверх. Двенадцать подвод нам досталось, взяли в плен двадцать власовцев.

Мы подходим к пленным. Понурив головы, они прячут глаза. Кто-то из добровольцев сует одному из власов-

цев под нос кулачище. Гляжу, это гвардии старший сержант Касымов. Один из лучших командиров пулеметных взводов.

— Ты что ж это, Касымов?

Он подходит ко мне и с нескрываемой злостью говорит:

— Да я бы их, этих предателей, сейчас пустил бы на тот свет! Погань такая! Разрешите, товарищ комбриг, их пустить в расход?

— Без нас найдут на них управу, а наше дело — добывать фашистов, — объяснил я Касымову.

Бригада продолжала наступать. К вечеру следующего дня мы вышли на шоссе Ченстохов — Петркув-Трыбунальски севернее деревни Воля-Нехицкая. Шоссе оказалось заминированным. Подорвался танк первого батальона. Комбат Егоров повернул свои танки строго на северо-запад — на Петркув. Вскоре батальон был встречен прицельным артиллерийским огнем противника.

— Нам нечего ввязываться в бой, — решил я, посоветовавшись в штабе. — Ударом на Белхатувотрежем пути отхода немцам.

До города Белхатув, который расположен западнее Петркува, 20—25 километров. Переход займет немного времени — час-два.

Смеркалось, когда мы вошли в деревню Грохолице, — по существу, это была окраина Белхатува. Поляки тепло нас встретили.

— Мы ждали вас, — говорили они, — но не думали, что вы придете так внезапно.

Ко мне подошел пожилой человек.

— Я добже по-русски мовлю, пан офицер, — сказал он. — Воевал в Красной Армии в Первой Конной. Рад пшиятеле видеть.

— В Белхатуве немцы есть? — спросил я поляка.

— Дуже богато. Штабы, тылы.

В руках у челябинцев появились кринки с молоком, сало, моченые яблоки. Вижу, как хмурится пулеметчик Пяткин — заводила и весельчак. Ему хочется растянуть мехи баяна, да нельзя. Не время.

Я вызвал командира разведвзвода гвардии старшину Соколова.

— Точными данными о противнике мы не располагаем. Пока ужинаем, разведайте, что там в Белхатуве.

— Я об этом уже позаботился, товарищ комбриг, — сказал Соколов. — Послал на задание гвардии сержанта Анатолия Романова и двух бойцов. Вернутся — доложу.

Подошел командир первого батальона Егоров. Он отводит глаза в сторону:

— Извините меня, товарищ комбриг. Хотел как лучше, но малость оплошал, полагал, что удобнее идти на Петркув.

— Надо было посоветоваться.

Комбат ушел, а я все еще думал об этом случае. Конечно, разумная инициатива похвальна, но ведь Егоров имел определенное задание — оседлать шоссе и ждать дальнейших указаний. Хорошо, что обошлось без потерь.

Возвратились разведчики.

— В городе полным-полно гитлеровцев, — доложил гвардии сержант Романов. — Много пушек, но в основном это тыловые подразделения какой-то дивизии. Есть и танки.

— Покажите на карте, где стоят танки.

— В основном на восточной и северо-восточной окраинах.

— А как ведут себя гитлеровцы?

— Судя по всему, нас не ожидают.

Прошу радиста Колчина связать меня со штабом корпуса. Колчин усердно крутит рукоятку настройки, копошится возле радиостанции.

— Батарей сели, что ли? — в сердцах спрашивает он себя. — Ан нет. «Киев», «Киев», «Киев»! — кричит в трубку гвардии старший сержант. Наконец ему удается связаться.

Докладываю комкору Н. Д. Чупрову, что достиг окраины Белхатува. Он несколько секунд молчит, видимо, разглядывает карту.

— Вот так артисты челябинцы! — слышится в трубке. — И когда же вы это успели? Ну, хорошо, штурмуйте город, мы не удивимся, если вы завтра скажете: я на окраине Берлина. Ладно, ни пуха ни пера.

Танки направились к городу. Ночь светлая, лунная. И вот в тишину ворвались звуки оружейных выстрелов, пулеметных очередей. Внезапный и сильный огонь вызвал в стане врага панику. Я видел, как во двор метнулся рослый гитлеровец, потом, словно споткнувшись, упал возле подвола.

Прислушиваюсь к звукам. Где-то рядом дробно застучал немецкий пулемет и вдруг захлебнулся: видимо, фашиста настигла пуля гвардейца.

Тотчас же позади нас выстрелила пушка, стрельба поднялась справа и слева. Вдоль улицы прошелестели снаряды. Перед нами неожиданно взметнулись языки пламени: разорвались мины.

На какое-то время в городе все смешалось, было трудно понять, где свои, где враг. Потом постепенно стрельба утихла. Первый батальон без особых потерь овладел восточной окраиной, а третий вышел на западную окраину и перерезал пути отхода гитлеровцам.

Возле углового коттеджа — группа солдат. Свои или чужие? По голосам узнаю — наши. Мне навстречу бежит гвардии старший сержант Касымов:

— Гвардии майор Старостин оставил нас на этом перекрестке. Ни один фашист не унес ноги. Вон их сколько на мостовой.

Командир батальона автоматчиков уже в первые минуты боя выслал на западную окраину пулеметный взвод. Касымов на перекрестке улиц занял оборону. Гитлеровцы стали убегать на запад и угодили под огонь наших пулеметчиков.

Вместе с начальником политотдела подходим к пулеметчикам, чтобы поблагодарить их за смекалку и отвагу. В это время к нам подбегает боец, рассказывает:

— Гляжу, вот в этом доме горит свет. Думаю, а кто же там? Открыл дверь и ахнул. Фашисты женщину резали.

Мы вошли в коттедж. На полу полураздетая женщина, в груди ее торчит длинный нож. Возле женщины сидит девочка трех-четырех лет. Увидев нас, она закричала в отчаянии. Кто-то ласково обратился к ней, протянул руки. Девочка заплакала, прижимаясь к безжизненному телу зверски убитой матери. Прибежали соседи. Старый поляк подошел к девочке.

— Ядвига, — позвал он и взял ребенка на руки. И, обращаясь к нам, пояснил: — Это семья пана Казимира. Германцы зло надругались.

— Мы им за все отомстим, — сказал Богомоллов.

Я первым вышел на улицу. Неожиданно раздалась пулеметная очередь. Стоявший рядом со мной гвардии

рядовой Мальцев схватился за грудь. На снегу появились красные пятна.

— Куда ранен? — спросил я бойца, поддерживая его под руки.

Автоматчик Мальцев ответить не успел: он скончался. Ко мне подошел комбат Старостин и доложил:

— Убит командир взвода Касымов. Мы потеряли отважного командира, храброго коммуниста, — едва сдерживая слезы, промолвил он.

В садике, среди оголенных вишен, хоронили мы Касимова и Мальцева.

— Простите, дорогие друзья, что не уберегли вас. То, о чем вы так мечтали, верим — сбудется. Мы дойдем до Берлина. Спите вечным сном, отважные гвардейцы, — сказал над братской могилой начальник политотдела Богомолов.

— Вы много заслужили, храбрые из храбрейших, у нас нет времени, чтобы похоронить вас с воинскими почестями, но мы вас не забудем, — дрожащим от волнения голосом произнес гвардии майор Старостин.

Над могилой вырос холмик.

Бой продолжался. Враг начал спешно отходить на северо-запад, в сторону города Лодзь. И я торопил челябинцев. Надо было выиграть время, не давая врагу опомниться, бить его, преследовать, с ходу уничтожать подходившие резервы.

По сторонам — лесные массивы. Высланный вперед разведдозор во главе с гвардии старшим лейтенантом Петуховым где-то в пяти — семи километрах от нас. Петухов — штабной работник, но я его уже вторично послал в разведку. Он хорошо ориентируется на местности и читает топокарту. Хитер и смекалист. Может под носом у противника незаметно пройти.

— Иду на Злочев, — хрипит в племофоне голос Петухова. — Уже в триплексах показались крутые берега Варты. Будем искать брод до вашего подхода.

Только я закончил разговор с Николаем Ивановичем, как Колчин передает мне микротрубку.

— Где находитесь? — спрашивает комкор.

Называю координаты:

— К Варте подходим, напротив Злочева.

— Опаздываете, Фомичев. Свердловчане уже на западном берегу. Ведут бой за Буженин. Только что доло-

жили. Так что поворачивайте на север и переправляйтесь на участке Свердловской бригады.

Форсирование реки — нелегкое дело. Мы не стали рисковать и поддались соблазну: как-никак переправа уже обеспечена.

Повернули на север. Через полчаса Петухов радирует:

— Вижу целехонький мост. Но перед ним расставлены фашистские танки и орудия.

— Это наши, не путайте.

— Товарищ комбриг, мне же ясно видны белые кресты на танках, а возле орудий фигуры немцев.

Я выехал вперед. Остановились на опушке леса. Метрах в пятистах виднелись танки. Чьи они? Вскинул бинокль. В самом деле, немецкие — полосатые, с крестами на башнях. Немцы чем-то встревожены. Они скрытно передвигаются, жерла орудий направлены на восток.

— Вы правы, Петухов. Не пойму одного: где же свердловчане?

Принимаю решение: внезапно атаковать неприятеля.

— Ваше дело, Петухов, к мосту прорваться. Головой отвечаете за его сохранность. Иначе Варту не преодолеем.

Заговорили наши пушки. Танки стремительно помчались к вражеским огненным позициям. Гитлеровцы не успели, как говорят, и глазом моргнуть. Загорелась одна, вторая «пантера».

От опушки к мосту вела прямая дорога. По ней помчался экипаж танка, в котором находился Петухов. За ним — танк Бирюкова. Рота Любивца уже утюжит немецкие траншеи, танки Акиншина подминают прислугу орудий.

Хорошо видно, как передняя тридцатьчетверка ворвалась на мост. Ее поддерживала огнем батарея 76-миллиметровых пушек. У моста огневую позицию занял танк Бирюкова. Еще два орудия оставили мы здесь для охраны.

На левом берегу — город Буженин. Туда уже ворвались танки первого батальона с десантом на броне. Комбат Егоров радирует: «На улицах завалы, противник ведет огонь». Отвечаю ему радиogramмой: «Обходите завалы, быстрее выдвигайтесь на западную окраину».

После ожесточенной схватки, длившейся несколько часов, батальоны бригады во взаимодействии с 61-й гвар-

дейской Свердловской танковой бригадой полностью освободили город.

Искусно проведенный маневр позволил нам избежать лишних потерь, захватить мост через реку Варту, сохранить город от разрушения. В этом бою погиб заместитель начальника оперативного отделения штаба капитан Гаськов, которого в бригаде очень любили.

В небольшой роще мы остановились на короткий отдых. Люди заметно устали, но виду не подавали. Собравшись в кружок, они вели душевные разговоры, курили, угощали друг друга трофейным шоколадом.

И не только люди — машины устали. Черные, покрытые грязью танки и приземистые самоходки остывали, медленно отдавая тепло земле, превращая снег в грязь.

А в высших штабах уже намечались новые маршруты. Я мысленно видел — весь удар направляется в самое сердце Германии. Пройдет еще день-два, и мы ступим на вражескую территорию, а там недалеко и Берлин. Главное — не терять времени. Наши танки, совершая обходные маневры, опережают отступающего противника. Фашисты никак не поймут наших замыслов. Они не успевают осесть на промежуточных рубежах, мечутся от одной брешки к другой.

Начальник штаба Баранов лукаво мне подмигивает:
— Здорово мы сегодня опарашили гитлеровцев.

Через открытую дверь автобуса доносится команда «Смирно!».

— Лелюшенко к нам приехал, — говорит Богомолов.
Я спешу навстречу командарму.

— Товарищ генерал, шестьдесят третья гвардейская Краснознаменная Челябинская танковая бригада, овладев городом Буженин, готовится к новым боям...

Генерал смотрит на меня удивленно.

— А где подполковник Зайцев? Ведь он доложил, что его бригада ведет бой за город...

Я уточнил: наша бригада начала бой на юго-западной окраине Буженина, а 61-я Свердловская бригада еще утром подошла к нему. Василий Иванович Зайцев, назначенный вместо погибшего Н. Г. Жукова, объективно доложил: танки ворвались в город. Но тут свердловчане, встретив сильное огневое сопротивление противника, вынуждены были принять тяжелый бой. воспользо-

вавшись тем, что противник все свои силы сосредоточил против бригады В. И. Зайцева, мы атаковали гитлеровцев во фланг, опрокинули их боевые порядки и с ходу овладели городом.

Командующий внимательно выслушал меня, а затем сказал:

— Ваша бригада действует теперь на направлении главного удара. Нами перехвачены немецкие радиogramмы. Противник ждал прямолинейного развития наступления, а мы спутали ему карты, резко изменив направление танкового удара. Теперь готовьтесь идти на Злочев, далее на Лютутув. Фашисты ждут, что мы пойдем на Калиш. А мы пойдем значительно южнее.

Я склонился над картой. Теперь нам предстояло идти на юго-запад, прорываться к Одеру.

Прощаясь, Дмитрий Данилович тепло пожал нам всем руки. Пожелал удачи.

К шести часам вечера бригада с приданными 72-м тяжелым танковым полком, артиллерийским полком, дивизионом «катюш» и саперной ротой устремилась на юго-запад. Шел мокрый снег. По единственной полевой дороге танки беспрепятственно подошли к Злочеву. Небольшой немецкий гарнизон сдался без боя.

Потом на Лютутув. Широкое шоссе. Головная походная застава нагоняет немецкий обоз. Офицер Любивец приказывает открыть огонь. Над фашистскими повозками просвистели снаряды. Гитлеровцы, застигнутые врасплох, подняли руки.

Любивец мне радует:

— Захватил пятьдесят повозок и восемьдесят фольксштурмовцев. Куда их деть, ума не приложу.

— Оставь автоматчиков для охраны.

Без боя был взят Лютутув. Позади остаются другие города. «Передовые отряды М. Г. Фомичева (63-я гвардейская танковая бригада) и А. А. Дементьева (93-я танковая бригада), — отмечает в своих воспоминаниях Д. Д. Лелюшенко, — стремительно наступая, оторвались от главных сил армии примерно до 90 км, а от общевойсковых соединений — более чем на 120 км»¹.

¹ Д. Д. Лелюшенко. Москва — Сталинград — Берлин — Прага, стр. 296.

На рассвете 21 января выходим к польско-германской границе. Бригада собрана в кулак. Перед нами первый немецкий город — Шильдберг. Перед нами — чужая жизнь. На размышления — минуты. Приданный артиллерийский полк немного отстал. Что делать? Ждать артиллерию, упустить время? Нет. На это мы не могли пойти.

Я посоветовался со штабом, с комбатами. Было решено обеспечить атаку своими силами, огнем танков. Третий танковый батальон развернулся вдоль железнодорожной линии. Рядом заняла огневые позиции минометная рота. Первый и второй танковые батальоны с десантом на броне я подтянул к виадуку.

— По фашистской нечисти — огонь!

Третий батальон открыл дружный огонь. Танки двух других батальонов на больших скоростях ворвались в Шильдберг. Немцы преспокойно спали. И только теперь город всполошился.

Наш танк подошел к дому с вывеской «Комендатура города». Во дворе — новенький черный лимузин «ганомак». К лимузину подошел зампотех роты гвардии старший лейтенант Владимир Седов. Внимательно осмотрел машину и заметил:

— Для комбрига пригодится.

«Ганомак» служил мне безотказно до самой Праги.

В Шильдберге преобладали чистенькие коттеджи с глухо закрытыми ставнями: немцы, запуганные фашистской пропагандой, отсиживались в своих домах.

Вот она, Германия! Мы ступили на землю, откуда пришла война. Трудно, очень трудно нам было добраться до этих мест. Но добрались, одолели все препятствия. Одних только рек пришлось форсировать не один десяток.

Идем по улицам города. Немецкая аккуратность видна везде. Узенькие улицы чисто подметены. Городу повезло: сохранился вокзал, почта, телеграф. Уцелели даже витрины магазинов.

Возле углового магазина толпились бойцы. Они осторожно оглядывали товары, выставленные в витрине. Но никто из них и пальцем не тронул чужого.

Политотделу бригады, командирам, партийным и комсомольским организациям пришлось в те дни много поработать. Мы призывали воинов гуманно относиться к немецкому населению. Разъясняли, что за развязывание

войны, за все те зверства и грабежи, которые совершались захватчиками на нашей земле, в ответе гитлеровцы, а не старики и дети, оставшиеся в занимаемых нами городах и селах. Мы призывали наших бойцов и офицеров соблюдать честь и достоинство советского воина.

Снова спидометры танков отсчитывают километры. Танки первого батальона с автоматчиками на броне, шедшие в авангарде, вслед за Пермской бригадой подошли к Одеру. Короткий зимний день был на исходе. Вот он, Одер! Фашистское командование намерено на этом рубеже задержать наступление советских войск.

В те часы мы не представляли себе всей опасности, таившейся за этой широкой рекой. Западный берег был утыкан железобетонными надолбами, перепоясан траншеями, ходами сообщения. Гитлеровцы на этот рубеж стянули колоссальное количество танков, самоходных орудий, орудий различных систем — от 88-миллиметровых зенитных пушек до дальнобойных орудий, врытых в землю.

Войска фронта приступили к форсированию Одера.

Командир корпуса распорядился форсировать реку севернее Штейнау. Саперы начали делать переправу. У берега образовалось разводье шириной два-три метра, и саперы, по грудь в воде, сооружали из досок настил.

В ночь на 22 января 4-я танковая армия начала форсировать реку. На лед шагнули стрелки 29-й Унечской мотострелковой бригады. Севернее на левый берег устремились бойцы 6-го механизированного корпуса нашей армии.

Немцы открыли ураганный огонь. Гулко ударили тяжелые орудия. Но уже ничто не могло остановить наступающие подразделения. Судьба Одера была предрешена. На левый берег ступили советские воины. Русское «ура» прокатилось вдоль многоводной реки. Плацдарм расширялся.

НА ПОСЛЕДНИХ РУБЕЖАХ

Над Одером клубится серый, как вата, туман. Гитлеровская дальнобойная артиллерия ведет интенсивный обстрел переправы. Тяжелые снаряды рвутся около наведенного моста. С ходу бригада вступает в бой. Наша задача — идти вдоль реки строго на юг и совместно с другими частями захватить Штейнау.

Нам приходится туго. Вторые сутки ведем изнурительный бой. Фашисты яростно контратакуют. Их танки неожиданно появляются из-за укрытий.

Рота Акиншина за день отбила девять контратак, но ни на шаг не отступила. Раненый Акиншин не ушел с поля боя. Потреб недавно прибывший из штаба 4-й танковой армии командир третьего батальона гвардии майор Бондарев. Пал смертью храбрых и его заместитель по политчасти гвардии капитан Мошев. Исключительное мастерство управления боем показывают офицеры Любивец, Пупков и Коротеев. Храбростью отличается гвардии майор Старостин. К нам он прибыл недавно, на Висле, но и за это короткое время показал себя настоящим организатором общевойскового боя.

...Стоял пасмурный день. Южный ветер принес тепло, и снег на глазах таял. Я собрал командиров батальонов, развернул перед ними карту:

— Вот в этой точке мы находимся. В трех километрах от нас, за лесом, деревня Лампенсдорф. Мы за день иной раз продвигались по семьдесят — восемьдесят километров, а сегодня надо преодолеть три километра и захватить Лампенсдорф. Нелегко это сделать, но надо.

Разведка донесла, что деревня превращена в сильный опорный пункт. На ее восточной и северо-восточной окраинах имеются блиндажи с железобетонными колпаками, надолбы, или, как их называли, «зубы дракона». Хорошо продумана и система огня. Все подступы искусно заминированы.

— Обстановка сложная. Идти в лоб, пожалуй, рискованно, — сказал гвардии майор Чирков.

— Зачем в лоб? А мы зайдем с запада и внезапно ударим, — поспешил высказаться гвардии майор Старостин.

— Этот вариант заманчив, но таит в себе большую опасность, — заключил я. — Можем оказаться в тисках гитлеровцев. Мы с начальником штаба уже думали об этом.

Было решено атаковать деревню с фронта, тем паче что скрытно обойти ее с запада невозможно. Впереди пойдут танки Чиркова с автоматчиками на броне, а на флангах — два других батальона.

Танкисты Чиркова и автоматчики Старостина открыли огонь по зданиям, в которых укрылись фашисты. На-

чали стрельбу и танки 72-го тяжелого танкового полка, действующего вместе с нами.

Немцы, судя по всему, не намерены оставить занимаемые позиции. Они даже предпринимают контратаку. Батальоны Чиркова и Старостина попадают в тяжелое положение.

Старостин во весь голос командует:

— Приготовить противотанковые гранаты! Бронебойщикам бить по уязвимым местам! Пулеметчикам и автоматчикам отсекал пехоту!

Старостин подползает к пулемету коммуниста Пяткина, сам берется за рукоятки, посылает длинную очередь.

— Вот так их, Алексей Иванович, вот так! Пусть знают гвардейцев-челябинцев!

Из кустов появилась «пантера». Жерло пушки перемещается справа налево. Гитлеровские танкисты не видят пулеметчиков. Они метят выстрелить в тридцатьчетверку. Возле Пяткина лежат две противотанковые гранаты. Комбат хватает одну из них и кидает в танк. Раздается взрыв. Фашисты ослеплены.

— Хорошо! На тебе в придачу! — И Старостин бросает под гусеницы еще противотанковую гранату.

«Пантера» завертелась на месте.

В «психическую» контратаку идут эсэсовцы. Цепь все ближе и ближе. Старостин встречается взглядом с комсоргом Доломаном, который ползет к соседнему пулеметному расчету.

— Евмен Михайлович, подымай свою комсомолию.

— Есть, товарищ гвардии майор!

— Вперед, за Родину! — крикнул комсорг и первым поднялся в атаку. За ним — комсомольцы роты Ермакова. Фашисты дрогнули, их цепь изогнулась.

Контратака противника была отбита, но вперед мы не продвинулись.

— Жаль, в деревню не смогли прорваться, — сокрушался Старостин. — Но завтра обязательно ее захватим, товарищ комбриг.

На рассвете 31 января — повторная атака. Танки бригады рванулись вперед на большой скорости, начали теснить гитлеровцев, подступая все ближе к деревне.

— Наш танк уже прорвался в центр деревни! — с радостью доложил командир первого батальона Егоров.

Перед Берлинской операцией. Поступила новая боевая техника

Танковые экипажи докладывают о готовности к бою

П. П. Кулешов
(послевоенное фото)

В. А. Федоров

М. Г. Фомичев с Эдуардом Эррио и его супругой

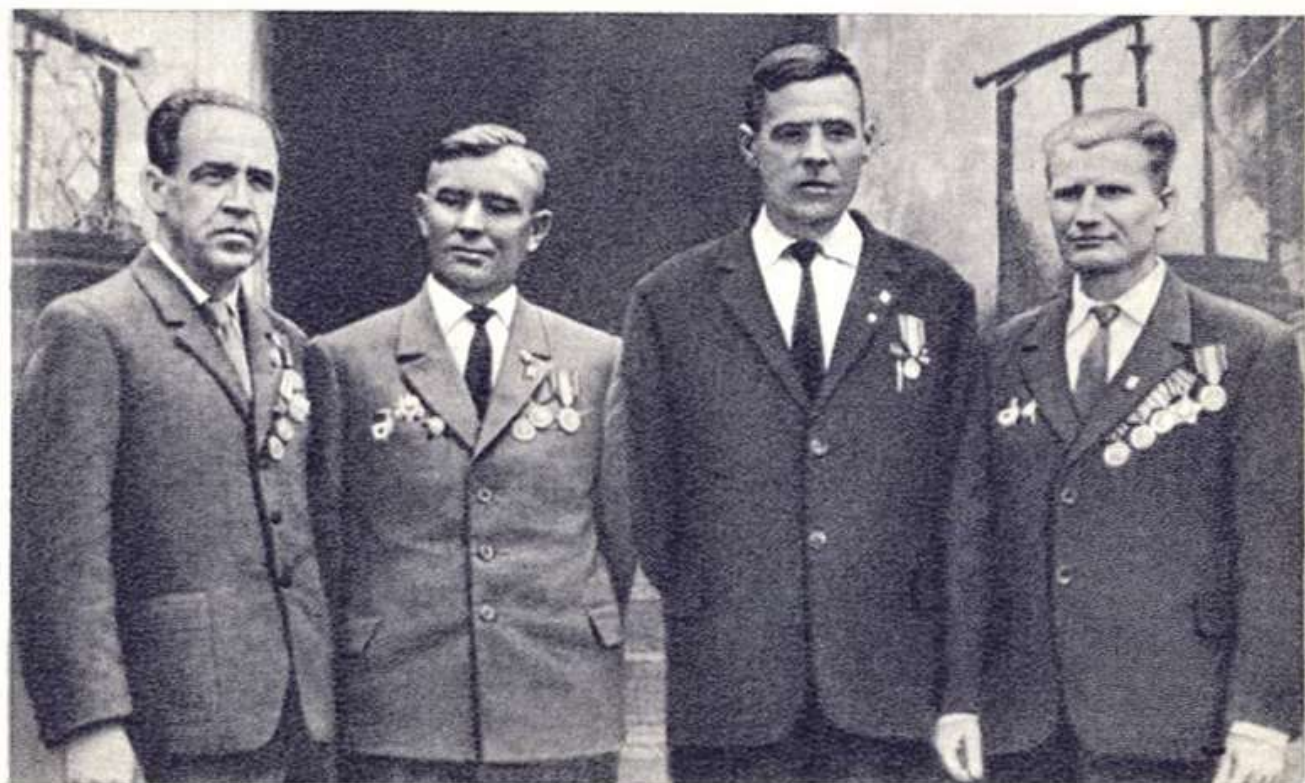
Перед броском на Прагу. Командир танкового батальона ставит боевую задачу

Гвардейцы-танкисты на улицах Праги

Экипаж танка, который ворвался в Прагу одним из первых. Справа налево: гвардии старший сержант И. Г. Шкловский, гвардии лейтенант И. Г. Гончаренко, гвардии сержант П. Г. Батырев, гвардии сержант Н. С. Ковригин и гвардии сержант А. И. Филиппов

А спустя двадцать лет члены экипажа — почетные граждане Праги — посетили столицу братской Чехословакии. Слева направо: А. И. Филиппов, И. Г. Шкловский, Н. С. Ковригин, П. Г. Батырев. Прага, 1965 год

Три танкиста. В Курской битве они были командирами экипажей, под Берлином и Прагой — комбатами. Слева направо: И. С. Пупков, М. Ф. Коротеев, М. Г. Акиншин

Танк № 23, установленный на пьедестале в г. Прага. Возложение венков в День Победы

Делегация 63-й гвардейской Челябинско-Петраковской Краснознаменной, орденов Суворова и Кутузова танковой бригады встретилась с членами бюро Челябинского обкома партии. Фото 1945 года

На Урале живут и трудятся гвардейцы, воевавшие в составе знаменитого танкового добровольческого корпуса. А в День Победы к ним приезжают в гости однополчане из различных районов страны. 9 мая 1965 года в Челябинске встретились ветераны 63-й гвардейской бригады. Слева направо: П. Г. Батырев, И. С. Любивец, А. А. Денисов, Б. Н. Ерофеев, Д. М. Потапов, А. Никоненко, М. Д. Мостовов, А. В. Пашинцева, И. Е. Романченко

Ветераны 63-й гвардейской бригады и представители трудящихся Урала в гостях у воинов гвардейской танковой Уральско-Львовской Краснознаменной, орденов Суворова и Кутузова добровольческой дивизии имени Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского

— Кто же этот смельчак?

— Комсомолец Иван Романченко, командир экипажа «Комсомолец».

Я хорошо знал этого рослого танкиста. К нам он прибыл осенью 1943 года. Родом с Полтавщины. Семнадцатилетним пареньком поехал работать в Кривой Рог, а осенью 1941 года вместе с заводом эвакуировался в Магнитогорск. Потом попал в бригаду, начинал службу заряжающим. Не раз отличался в боях, был награжден двумя орденами Красной Звезды и медалью «За отвагу». Экипаж Романченко часто шел в голове колонны, в числе первых форсировал реки Чарна Нида, Пилица, Варта.

Теперь Иван Ефимович со своими комсомольцами первым прорвался в центр деревни. На пути его танк уничтожил бронетранспортер, расстрелял несколько автомашин с боеприпасами.

Завязалась дуэль с «фердинандом». Романченко со второго выстрела подбил самоходное орудие. Из-за угла ударил фаустник. Тридцатьчетверка загорелась.

— Усольцев и Агапов, за мной! — крикнул командир механику-водителю и радисту-пулеметчику. — Надо сбить пламя!

Схватили брезент. Но из укрытий выскочили фашистские автоматчики. Романченко метнул в них лимонку. Несколько гитлеровцев замертво упали на землю.

Со всех сторон к танку приближались немецкие автоматчики. Иван Ефимович занял место в танке. Прильнул к прицелу. Очередь, вторая, третья. Уцелевшие фашисты отскочили назад.

Вот еще группа. Снова заговорил пулемет. Еще несколько врагов осталось на снегу. Гитлеровцы вроде бы приутихли. А танк пылает. Пламя лизнуло руки, дохнуло в лицо.

Романченко кричит товарищам:

— Гасите! Сбейте брезентом пламя!

В ответ — молчание. Только сейчас он понял, что остался один. Схватил брезент, начал сбивать пламя.

Из-за угла показалась новая группа фашистов. Комсомолец-гвардеец, будучи раненым, до последней минуты отбивался, пока не подоспела помощь.

Санитары уложили его на носилки. Заметив меня, с досадой сказал:

— Ребят жалко, погибли. И меня не вовремя.

— Вы герой, Иван Ефимович, много гитлеровцев уложили!

Танки вышли к восточной окраине деревни. Последовали одна за другой ожесточенные контратаки противника. Наткнувшись в центре на сильный огонь, немецкие автоматчики начали насаждать на правый фланг, пытаясь отсечь нашу пехоту от танков.

К вечеру натиск ослаб, деревня Лампенсдорф оказалась в наших руках. Войска фронта завершили окружение города Штейнау и находящейся там группировки.

В тот день мы испытали еще одну радость: узнали, что нашей бригаде присвоено наименование Петраковской. Это — за участие в освобождении польского города Петркув-Трыбунальский.

Из разведданных, полученных из штаба корпуса, стало ясно, что противник срочно подтягивает крупные силы и намерен прорваться к городу Штейнау. Мы заняли оборону. Автоматчики зарылись в землю. Выгодные огневые позиции заняли танкисты. Противотанковые орудия расположили на танкоопасных направлениях.

Вскоре показались танки противника. Рота гвардии старшего лейтенанта Каширского первой приняла неравный бой. Противник пытался обойти танкистов с фланга и попал под огонь взвода гвардии старшего лейтенанта В. А. Крюкова.

В течение нескольких дней бригада стойко оборонялась, сдерживая бешеные атаки фашистов. Помнится, рота автоматчиков гвардии капитана К. Г. Салихова оказалась в очень трудном положении: на нее двигалось до десяти танков.

— Надо выстоять! — обратился коммунист к бойцам.

И выстояли! А тем временем другие части добились группировку врага в Штейнау.

Мы с боями пробиваемся на запад. Фашисты не сдаются. За их спиной — Берлин, и они ожесточенно обороняются.

Впереди деревня Герцогсвальдау. Командир разведдозора гвардии лейтенант Иван Гончаренко доложил:

— Деревню обороняют танки и до батальона пехоты.

Целый день выковыриваем гитлеровцев. Дома кирпичные, даже сарай сложен из кирпича. Что ни дом, то огневая точка. К вечеру овладели деревней. Из леса появляются женщины. Они бегут нам навстречу.

— Наши, родные, освободители!

Подбегают к танкистам, целуют, плачут. Лица изможденные, на головах — рваные тряпки, вместо платьев — лохмотья. Наперебой рассказывают о тех страшных муках, которые они испытали в фашистской неволе.

— Ой, дивчата, даже не верю, что побачу свою ридну Украину! — радостно говорит одна из женщин.

— Да, скоро вас отвезут на Родину, — говорит политработник Лурье.

Прошло еще несколько дней, и части нашего корпуса значительно продвинулись на запад. Наша бригада идет в передовом отряде корпуса. Немцам приказано до последней возможности оборонять город Любин, и они доставляют нам немало неприятностей.

Бригада повернула на северо-восток и, описывая крутую дугу, перерезала последние дороги отхода на запад подразделениям противника. Крупный гарнизон оказался в кольце наших танков.

С утра 11 февраля возобновилось наступление. Кругом густые леса, движемся по проселочным дорогам. Слева от нас обширное поле. Невдалеке от дороги обгорелые тридцатьчетверки, опрокинутые, с ржавыми колесами 122-миллиметровые гаубицы, приземистые самоходки СУ-76.

Откуда здесь советская техника? Подъезжаем к тридцатьчетверке. Башня опрокинута, на броне вмятины — следы артиллерийских снарядов. Порваны гусеницы, рядом валяются два катка. Мы с начальником штаба заглянули внутрь танка. На днище лежали два обгорелых трупа.

— Варвары, упражнялись по живым мишеням.

Мы оказались на испытательном полигоне. А потом мы увидели бараки, обтянутые несколькими рядами колючей проволоки. Перед нами лагерь военнопленных.

Бойцы открыли ворота. Во двор высыпали пленники, обступили гвардейцев. Обнимали нас и целовали. Люди от счастья плакали. Мы с Барановым вошли в барак. На нарах умирали изможденные люди. Я распорядился выдать узникам продукты и оказать им медицинскую помощь.

Но то, что мы увидели в другом бараке, потрясло. Кучи детской одежды, обуви, мешки, набитые волосами. А неподалеку от барakov — печи-крематории, в которых были живыми сожжены дети.

Я вышел на улицу, размышляя о том, на что способны варвары XX века.

Начальник штаба Баранов доложил:

— Любивец ворвался в Шпроттау, захватил аэродром и более десяти исправных самолетов.

Танковая рота Любивца шла в головной походной заставе. Обходя узлы сопротивления, офицер смело ворвался в город. Мы поспешили на помощь. Зеленый красивый город, раскинувшийся по обе стороны притока реки Бобер, гитлеровцы превратили в опорный пункт. Кирпичные дома они приспособили для круговой обороны.

Овладев городом Шпроттау, мы поспешили к городу Заган, находящемуся северо-западнее, примерно в двадцати километрах. В Загане имелся крупный вражеский гарнизон. Мы прошли за один час 18 километров и обошли город с севера.

— Прикрывайте левый фланг корпуса, — приказал мне генерал Е. Е. Белов, вновь вступивший в командование корпусом.

Вдоль шоссе, ведущего на Зорау, куда устремились танки Свердловской и Пермской бригад, мы заняли оборону. Со стороны Загана на шоссе вскоре появились немецкие танки. От первых наших залпов загорелись два головных «тигра». Потом вспыхнуло и самоходное оружие. Гитлеровцы скрылись в лесу, а через полчаса начали яростно нас атаковать. Батальон Старостина отбил одну за другой две атаки.

Фашисты начали атаку в третий раз. Комбат Старостин все время был среди автоматчиков, охрипшим голосом подавал команды, личным примером увлекал подчиненных.

Противник начал обтекать правый фланг, но наткнулся на сильное сопротивление и отошел назад. Командиры взводов гвардии старшие лейтенанты Крюков и Черноморов, находившиеся на фланге, подбили по одному «тигру».

Тем временем передовые части корпуса с ходу овладели Зорау и Тейплицем, ушли далеко вперед и вскоре оказались отрезанными от главных сил армии. Свердловская и Пермская бригады, а вместе с ними и штаб корпуса были зажаты в клещи и оказались в тяжелом положении.

нии. Врученная мне телеграмма от комкора гласила: «Ожидаем помощи. Постарайтесь прорваться к нам».

Со мной на КП находился командир 68-й отдельной танковой бригады гвардии полковник Приходько.

— Будем прорываться, — решили мы.

В сторону Зорау идет узенькая шоссейная дорога, к которой вплотную подступают вековые сосны. Первый батальон будет наступать вдоль шоссе. Егоров отважный офицер. Поручая ему важное задание, говорю:

— Правее вас будет наступать третий батальон. Поддерживайте с ним и штабом бригады непрерывную связь. Ясно?

— Так точно, — бойко ответил комбат и захлопнул люк. Он что-то еще крикнул, но его голос потонул в шуме работающих танковых двигателей.

Штаб бригады двигался за танковым батальоном. Короткий зимний день был на исходе. Где-то впереди зачастили выстрелы.

— Рота Любивца завязала бой с передовыми подразделениями противника, — радировал Егоров.

Вперед выдвинулся артполк. Пушки били прямой наводкой по подходящим фашистским резервам. Мы начали теснить противника.

Спешу в первый батальон. Навстречу попадают санитары с носилками.

— Кого несете?

— Капитана Любивца.

— Иван, что же так неосторожно?

Любивец немного смущен, что я его назвал по имени.

— Кажется, отвоевался, — простонал Любивец. — Левая нога перебита.

— Выздоровливай, да побыстрее.

Я вскочил на танк, оглянулся. Санитары тащили носилки к машине. Я очень сожалел, что Любивец не дошел до Берлина. Мы с ним вместе пришли в бригаду. В ее строю все меньше и меньше остается тех, кто начинал путь под Орлом.

В самый разгар боя радист Виктор Колчин принял короткую радиограмму: «Егоров убит». Я подозвал к себе своего заместителя гвардии полковника Алаева.

— Выдвигайтесь в первый батальон. Возглавьте его.

На рассвете еще радиограмма. Я видел, как Колчин ее принял, и по его лицу понял: что-то снова случилось.

— Алаев погиб, — еле вымолвил Виктор. — Бросился в атаку, и пуля оборвала его жизнь.

Первый батальон противник обошел с двух сторон. Создалась довольно сложная обстановка. С батальоном прервалась связь. Это меня тревожило.

Пробиваемся по шоссе. Второй батальон Чиркова расчищает нам путь, сдерживая натиск врага на левом фланге. Вперед вырвались танки третьего батальона.

К обеду штаб достиг окраины Зорау. На небольшой полянке замерла тридцатьчетверка. Возле машины на хвое лежит тяжело раненный гвардии лейтенант Горбунов — командир танка. Он любил повторять:

— Скоро будем в Берлине, а там и по домам.

Ему не удалось дойти до фашистской столицы. Тяжелый снаряд подбил танк. Офицер едва шевелит иссохшими губами. Кто-то из офицеров штаба расстегнул ворот его обгоревшего комбинезона, подал флягу с водой.

К нам подходит механик-водитель танка гвардии старший сержант Василий Кружалов. У него сквозь бинты сочится кровь.

— До последнего держались, ни шагу назад не ступили, — говорит Горбунов. — «Тигр» из-за насыпи выполз и ударил снарядом по борту.

Подшли санитары. Кружалов ни в какую не хочет идти в госпиталь.

— Товарищ комбриг, заступитесь, — обратился он ко мне. — Из-за пустяковой царапины отправляют в госпиталь.

Уговоры не помогали.

— Заварю пробоину в броне — и на Берлин, — доказывает он командиру медсанвзвода Кириллову.

— Ладно, оставьте его, — согласился я.

Позже мне рассказали, с каким упорством сражались члены этого экипажа. Кружалов, маневрируя среди деревьев, смело вел машину на врагов. Горбунов подбил «пантеру», затем «тигр», бронетранспортер. Кружалов гусеницами давил контратакующих гитлеровцев.

Мы уже были в первом батальоне, когда водитель «га-помака» Анатолий Космачев крикнул:

— Самолеты!

После бомбежки мне сообщили печальную весть: убит гвардии полковник Приходько, командир 68-й отдельной танковой бригады.

К вечеру мы прорвались к главным силам корпуса.

— Подоспели вовремя, — сказал генерал Е. Е. Белов. — Продержались бы еще час-два. У нас плохо с боеприпасами, а горючего вовсе нет.

Генерал выглядел устало. Глаза воспалены. Потрескавшиеся губы кровоточат. Таким я его еще не видел.

Не успели мы обменяться и несколькими фразами, как комкора вызвал к рации командарм.

— Получили новую задачу, — выйдя из штабного автобуса, сказал Е. Е. Белов. — Пойдем строго на юг, чтобы завершить окружение гитлеровской группировки в Верхней Силезии.

Движемся по дорогам, по которым 132 года тому назад шли русские солдаты во главе с Кутузовым.

Бунцлау. Город пылает, весь в дыму. Вокруг следы ожесточенных боев. В восьми километрах от города высится памятник. На мраморном постаменте простой и строгий обелиск.

Несколько дней мы вели бои по уничтожению окруженных разрозненных группировок врага в Верхней Силезии.

17 марта 1945 года наша 4-я танковая армия стала гвардейской. Это нас радовало, еще выше подняло боевой дух личного состава. Мы гордились ратной славой своей армии. Только с 12 января ее части и соединения прошли с боями свыше 800 километров, преодолели массу различных препятствий, уничтожили большое количество живой силы и боевой техники врага, штурмом овладели 40 городами фашистской Германии. Танкисты-гвардейцы накопили богатейший опыт стремительных наступательных действий, умелого форсирования рек, ведения боев в населенных пунктах, научились применять обходные маневры, окружать и уничтожать врага. Воины армии, в том числе и нашей 63-й гвардейской танковой бригады, проявили подлинный массовый героизм.

...С 23 марта по 16 апреля 1945 года войска готовились к Берлинской операции. К нам поступила отличная боевая техника. Пополнилась бригада и людьми. Новичков знакомили с подвигами гвардейцев, с их традициями. Большое внимание уделялось пропаганде боевого опыта. Перед молодыми воинами выступали бывалые фронтовики. Во всех подразделениях проводилась напряженная боевая учеба с учетом предстоящих задач.

В ночь с 15 на 16 апреля мы заняли исходное положение для выступления в прорыв. В составе 10-го гвардейского танкового корпуса впереди пойдет 62-я бригада И. И. Прошина. Наша 63-я бригада и 61-я бригада В. И. Зайцева получили задачу быть во втором эшелоне в готовности нарастить темп наступления.

В небольшом блиндаже на опушке сосновой рощи расположился наблюдательный пункт бригады. Перед нами — река Нейсе. Берега крутые, обрывистые. За рекой — противник. В бинокль хорошо видны позиции гитлеровцев.

Последняя ночь перед наступлением. Из штабных офицеров никто не спит. Да разве уснешь? Последний рывок — и мы в Берлине.

Наступило 16 апреля. Едва забрезжил рассвет, как началась мощная артиллерийская подготовка. Противоположный берег заволокло дымом. Появились штурмовики. Они наносили удар за ударом по врагу.

— Даешь Берлин! — закричали танкисты.

Машины устремились к Нейсе. Соединения и части 5-й гвардейской армии на лодках и паромачах начали форсирование реки. В середине дня к переправе двинулись танкисты бригады Прошина. Поздно вечером переправляемся через Нейсе и мы. И сразу же вступаем в бой. Пехота 5-й гвардейской армии и части нашего корпуса 17 апреля уничтожили врага на этом участке.

18 апреля челябинцы, составив передовой отряд корпуса, начали преследование отходящего противника в направлении Калау, Луккенвальде. Мы готовились наступать в сторону Бранденбурга, и вдруг приказ: корпус поворачивает на север. Это значит — на Берлин.

Я взглянул на карту. На пути к Берлину оставался Луккенвальде — последний крупный город. На перекрестке дорог указатель: «До Берлина — 140 км». Рядом мелом начерчена стрела, устремленная на запад, и надпись: «Скорее на Берлин!»

Перед Луккенвальде — короткая остановка. Пополняем боеприпасы, горючее, приводим в порядок технику. Люди горят желанием скорее ворваться в логово фашистского зверя.

Ко мне подходит начальник политотдела. Он уже много ночей не спал. На бледном лице — следы усталости, но глаза горят весело.

— Михаил Георгиевич, через десять минут, как договорились, митинг.

На поляне, окаймленной густыми деревьями, впереди замаскированных танков выстроились гвардейцы. Люди — в торжественно-приподнятом настроении.

Короткую речь произносит начальник политотдела.

— Об этих днях мы давно мечтали, — говорит Михаил Александрович. — И вот уже до Берлина рукой подать. Враг накануне разгрома, но по-прежнему жесток и коварен. Нам выпало счастье участвовать в штурме фашистского логова. Удвоим удары по врагу!

Выступает замполит первого батальона гвардии капитан Устинов. Взволнованно звучат голоса комсорга второго танкового батальона старшины Николая Павлова, механика-водителя коммуниста Василия Кружалова.

Мы знали, что гитлеровцы превратили Берлин в сильнейший укрепленный район. Город опоясывали три оборонительных рубежа. Фашисты будут драться за каждый дом, каждый квартал, до последнего солдата. Впереди нас ждали жаркие схватки. Об этом я и сказал на митинге.

По рядам прокатилось громкое солдатское «ура».

Мы продолжали преследовать противника. Уже остались позади города Калау, Луккау, Даме и другие. До Берлина все ближе и ближе. Но враг оказывал упорное сопротивление. Ожесточенное упорство он проявил у деревни Еникендорф, превращенной в опорный пункт. Однако гвардейцы и тут разгромили противника.

В бригаду прибыли командарм Д. Д. Лелюшенко и командир корпуса Е. Е. Белов. Командарм возбужден, лицо его сияет.

— Готовы, челябинцы, штурмовать Берлин?

— Так точно, товарищ генерал! — с необычайным задором отвечают танкисты.

— Посмотрим. В какой батальон поведешь, Фомичев?

— К автоматчикам. Они только что овладели деревней Еникендорф.

Идем в батальон Старостина. Вдруг раздается выстрел. Пуля едва не задевает генерала Е. Е. Белова. Евтихий Емельянович выхватывает пистолет и стреляет в притаившегося гитлеровца. Но мимо. Тем временем фашист еще раз пытается выстрелить. Стремительно выни-

маю трофейный парабеллум, но в это мгновение сзади нас звучит выстрел — фашист падает. Мы оглядываемся и видим Толю Якишева, сына бригады. Толя, сияя от радости, подбегает к нам.

— Спасибо, сынок, ты спас жизнь комкору, — сказал генерал Д. Д. Лелюшенко.

Командарм тут же прикрепил к гимнастерке Якишева рядом с орденом Красной Звезды медаль «За отвагу».

Побывав у автоматчиков, мы направились в танковые батальоны.

— Гвардии старший лейтенант Коротеев, — представляется командир первого батальона.

— Знаю такого, — улыбнулся генерал. — Войско готово штурмовать Берлин?

— Хоть сию минуту.

Были мы во втором батальоне, которым уже командовал гвардии старший лейтенант И. С. Пупков. И в третьем, который возглавлял гвардии старший лейтенант М. Г. Акиншин.

— Растут твои орлы, — на прощание сказал генерал.

Да, Пупков, Коротеев и Акиншин в бригаду прибыли командирами танков. А сейчас — комбаты.

— В Берлине они еще себя покажут, товарищ генерал.

Командарм ознакомился с положением дел в батальонах, уточнил задачи, которые предстояло решать бригаде в Берлинской операции.

Танки вытягиваются вдоль автострады. Наступаем на Берлин с юга. Впереди — батальон Акиншина. На пути — небольшая деревушка из пяти — семи домов, в которых засели гитлеровцы. На огородах, вдоль шоссе — огневые позиции. Со стороны деревни ударила артиллерия. Танки Акиншина открыли ответный огонь. Сбивая заслоны, батальоны стремительно продвигались вперед. Моросил мелкий надоедливый дождик. Сырой холодный ветер пробирал до костей. На перекрестках дорог мелькали сохранившиеся указатели: «Berlin».

К вечеру 22 апреля бригада ворвалась в Штансдорф, пригород Берлина. Закопченные, щербатые стены уцелевших домов и костелов вздымались над пепелищами горевшего города.

Перед нами — канал Тельтов. Нам предстоит его форсировать. На противоположном берегу — противник. Я вскинул бинокль, осмотрелся. Из проемов домов торчали стволы орудий, на этажах расположились автоматчики и снайперы. Берег был утыкан огневыми точками, закованными в бетон.

В штабе собрались командиры батальонов и рот. Нам предстоит наступать на небольшом участке, и тем не менее надо тщательно подготовиться к атаке. Начальник штаба Баранов высказал очень ценную мысль. После артиллерийской подготовки, которая намечалась по плану вышестоящего штаба, танкисты должны взять под обстрел вражеских артиллеристов, а автоматчики тем временем начнут форсировать канал.

— А теперь давайте подумаем, как будем вести уличные бои в городе, — обратился я к присутствующим.

Опыт мы уже имели, но понимали, что в такой обстановке, где каждый дом превращен в крепость, не так-то легко сражаться. Особенно нам, танкистам. Мы нуждались в поддержке пехоты. Танк в городе стеснен, ему не хватает пространства для маневра, его на каждом шагу поджидают фаустники, он становится хорошей мишенью для артиллерии противника.

— Надо создать штурмовые группы, способные вести ближний бой в городе, — предложил комбат Пунков.

— Ваше мнение совпадает с нашим, — сказал я. — За каждым танком закрепим по 5—7 человек — автоматчиков, саперов, разведчиков.

— Неплохо бы атаку прикрыть дымовой завесой, — высказался комбат Акиншин.

— Обязательно прикроем переправу. И не только пехоты, но и танков и артиллерии, — заверил нас начальник химслужбы бригады.

Короткая подготовка к атаке. Люди рвались в бой.

Вечером грянул батарейный залп «катюш» корпусного дивизиона. Это был своего рода сигнал начала штурма канала Тельтов. Вдоль берега поползла дымовая завеса. По засеченным целям ударили танковые орудия. Облюбовав огневую позицию во дворе невысокого дома, огонь открыли минометчики роты офицера Ильченко.

Автоматчики побежали к мосту. Противник встретил их огнем. Упал раненный в грудь автоматчик гвардии рядовой Сатаров. Но атака продолжалась. Атакующих

поддерживали пулеметчики. В частности, гвардеец Са-
жин, устроившись за каркасом моста, посылал по врагу
одну пулеметную очередь за другой.

Поползли к противоположному берегу саперы с то-
ловыми пашками. На гвардейцев противник обрушил
огонь из тяжелых минометов. Создалось довольно слож-
ное положение. Мы вынуждены были прекратить атаку.

Забрезжил рассвет. Над каналом клубился легкий ту-
ман. Сырое, промозглое утро. Из штаба корпуса прибыл
офицер. Он привез карту с нанесенной на ней задачей:
к исходу дня форсировать канал и в дальнейшем насту-
пать строго на север.

У нас еще есть время, и мы готовимся к бою. Офице-
ры штаба и политотдела довели до подразделений по-
ставленную задачу, позаботились об обеспечении непре-
рывного взаимодействия.

В условленный час артиллеристы и минометчики про-
извели кратковременный огневой налет на врага. И сно-
ва в атаку ринулись автоматчики, саперы, разведчики.
Первыми достигли противоположного берега саперы во
главе с гвардии старшиной Федором Пасынковым.

Несколько часов шел бой за переправу. И лишь но-
чью нам удалось закрепиться на противоположном бере-
гу, а танки переправить по наведенному мосту правого
соседа — 3-й гвардейской танковой армии генерал-пол-
ковника П. С. Рыбалко.

Начались уличные бои. Медленно продвигались впе-
ред танки, вслед за которыми шли автоматчики. Коман-
диры батальонов Коротеев, Пупков и Акиншин очень рас-
четливо управляли ротами и взводами в этих тяжелых
и изнурительных боях.

Немецкая столица объята пламенем. Улицы заволокло
дымом. Сотни самолетов бомбят противника, артиллерия
непрерывно обстреливает его опорные пункты. Рушатся
многоэтажные здания.

Бригада овладела районом Бабельсберг. Утомленный
многодневными боями, я оставил на КП начальника шта-
ба, а сам тут же прилег отдохнуть. Богомоллов меня тор-
мошит.

— Вот так новости! — говорит начальник политотде-
ла. — Эррио мы освободили.

Сон словно рукой сняло.

— Бывшего главу французского правительства?

— Конечно его.

Вспомнили судьбу этого отважного человека. Эррио был схвачен гитлеровцами и заключен в концлагерь близ Парижа. Потом, когда гитлеровцам пришлось оставить Париж, они перевезли бывшего премьер-министра Франции в Бабельсберг. Здесь в числе семи тысяч узников разных национальностей Эррио и был освобожден.

По сообщению Богомолова, в лагерь первой ворвалась рота автоматчиков гвардии лейтенанта В. С. Езерского. Командира роты успела предупредить одна из узниц — сталинградка Тамара Прусаченко: в лагере содержится крупный французский политический деятель. Рота уничтожила эсэсовцев-охранников, помешала им увести Эррио.

И вот он входит ко мне в комнату. Среднего роста, старый, поседевший. Лицо изрезано глубокими морщинами. Эррио тепло жмет мне руку, внимательно смотрит прищуренными глазами.

— Кто меня освободил? — интересуется он.

— Танковая бригада сибиряков-уральцев, — отвечаю я.

— А ваша фамилия?

— Полковник Советской Армии Фомичев.

— О, о сибиряках я многое слышал! Отважный народ. Спасибо, что освободили от коричневой чумы, — говорит Эррио на немецком языке и на прощание просит меня сфотографироваться с ним и его супругой.

А тем временем с юго-востока на Берлин двигались немецкие части.

Бригада, оставив Берлин, по приказу командира корпуса, устремилась им наперерез. Несколько дней мы отбивали яростные атаки обреченных гитлеровских войск.

2 мая узнали радостную весть: Берлин пал. Это придало нам силы. Бригада упорно удерживала рубеж, и лишь немногим гитлеровцам удалось вырваться из окруженной котбусской группировки.

ПРАГА ЗОВЕТ НА ПОМОЩЬ

Был теплый майский вечер. После дневных забот я присел возле автобуса. У штабной радиостанции собрались командиры батальонов и рот. Доносится глуховатый басок комбата Михаила Коротеева. Он

рассказывает, как гвардейцы его батальона отбивали яростные атаки немцев, пытавшихся прорваться из окружения.

— Перебили мы гитлеровцев более тысячи, — говорит комбат.

— И мы уничтожили немало, — замечает гвардии майор Старостин. — Семь тысяч с лишним солдат и офицеров взяли в плен.

Офицеры вспоминают героев, сложивших свои головы в прошедшем бою. Опять слышится голос Коротеева, на этот раз печальный:

— Жаль, не уберегли гвардии капитана Сашу Сидельникова.

Буквально в последние минуты боя этот отважный офицер, командир роты, был сражен вражеской пулей.

Мы встали, сняли головные уборы и молча почтили светлую память погибших боевых друзей.

Ко мне подбегает радист Сергей Кестер:

— Послушайте, товарищ гвардии полковник, о чем говорит Прага.

Мы притихли. Из приемника доносился взволнованный голос:

— Говорит Прага, говорит Прага!.. Просьба города Праги ко всем союзным армиям. На Прагу наступают немцы со всех сторон. В действии германские танки, артиллерия и пехота. Прага настоятельно нуждается в помощи. Пошлите самолеты, танки и оружие. Помогите, помогите, быстро помогите!

В Праге ждут помощи от Красной Армии, у них нет оружия и боеприпасов, продуктов питания и медикаментов, на улицах города льется кровь патриотов.

Губы невольно шепчут: «Мы слышим твой голос, Злата Прага, мы поспешим тебе на помощь!» До Праги не менее 450—500 километров. Далековато до вас, родные братья, но в беде не оставим.

Мы уже знали, что в первых числах мая в столице Чехословакии вспыхнуло народное восстание. Население братской нам страны, вооружившись винтовками, пистолетами, охотничьими ружьями, гранатами, захватило важнейшие стратегические пункты: радиостанцию, телеграф, вокзал и ряд других объектов.

Гитлеровский генерал Шернер решил потопить в крови начавшееся восстание. Завязались тяжелые уличные

бои. Силы были неравны. На опорные пункты повстанцев гитлеровские летчики сбрасывали сотни бомб. Улицы превращались в развалины. На фонарных столбах раскачивались трупы чешских патриотов. Используя огромное преимущество в технике и вооружении, фашистские войска подавляли один очаг восстания за другим. Вскоре врагу удалось прорваться к центру города. Восстание шло на убыль. И по радио полетели тревожные призывы: «Говорит Прага! Говорит Прага! ...Помогите, помогите, быстро помогите!»

Гвардии сержант Михаил Коляда, дежуривший у моего телефонного аппарата, тут же помог связаться с КП корпуса, и я доложил генералу Е. Е. Белову об услышанном.

— Мы об этом уже знаем. Сейчас выезжаю к Лелюшенко, видимо, пойдём на Прагу. Так что готовьтесь, — сказал комкор.

Всю ночь мы дозаправляли горючим танки, автомашины, пополняли боеприпасы. А на рассвете меня вызвали в штаб корпуса. Генерала Е. Е. Белова я застал возле карты-склейки, развешанной во всю стену. Большая красная стрела была нацелена на юго-восток — на Прагу.

— Ваша бригада снова пойдёт в передовом отряде, Фомичев. Задача крайне сложная и тяжелая. Корпусу предстоит преодолеть большое расстояние, а времени в обрез. К тому же на пути горные массивы и глубокие, заблаговременно подготовленные оборонительные полосы немцев.

Я взглянул на карту. Горный рельеф, резко пересеченная местность. А вот это — Рудные Горы. Прикинул их ширину — не менее 50 километров.

— Пойдете по маршруту Носсен, Фрейберг, Лицин, Белина, Слани, Лоуни, — и генерал провел по карте карандашом. — Нам еще, Михаил Георгиевич, повезло. Рудные Горы с севера на юг, в направлении нашего удара, пересечены шоссейными дорогами. Но учтите: вас ожидает не одна засада. Будьте начеку!

Бригада усиливалась 72-м тяжелым танковым полком, двумя ротами саперного батальона. Левее нас уступом пойдёт 61-я гвардейская Свердловская бригада.

— В затяжные бои не ввязывайтесь, обходите узлы сопротивления противника. Это позволит скорее войти в Прагу, — напутствовал нас комкор.

Я вернулся в бригаду, а на бронебашнях машин вместо надписей «На Берлин!» уже появились слова «На Прагу!». Я даже удивился:

— Кто вам сказал, что мы идем на Прагу?!

— Сердце подсказывает, — ответил командир батальона автоматчиков Старостин. — Ведь мы вчера вместе слушали радио: восставшая Прага помощи просит. Кроме Красной Армии, этой помощи никто не окажет.

Весть о наступлении на Прагу взволновала воинов бригады. Танкисты и автоматчики снова рвутся в бой. Настроение у всех на редкость боевое. Я знал: бойцы устали. Позади остались два года непрерывных боев. Курская дуга, Каменец-Подольский, Львов, форсирование Вислы, освобождение Польши, штурм Берлина. Но личный состав глубоко понимал свой интернациональный долг и не хотел отдыха.

Утро 5 мая было прохладным, сырым. Уставшие за ночь, люди крепко спали, устроившись кто как мог у машин. А в первом танковом батальоне уже шло комсомольское собрание. Комбат Коротеев говорил:

— Положение в Праге очень тяжелое. Спасение города и жителей во многом зависит от нас, от темпа нашего наступления. Приказ командующего Первым Украинским фронтом гласит: нашей танковой армии с армией Рыбалко разгромить северные армии группировки Шернера, войти в Чехословакию и освободить ее столицу. Наша бригада составит передовой отряд четвертой танковой армии, а наш батальон пойдет в авангарде передового отряда. Командование бригады на нас надеется.

— Немецко-фашистские захватчики хотят погубить Прагу, залить ее улицы и площади кровью славян, — горячо выступает один из комсомольцев. — Мы не можем этого допустить! Не можем! Не подкачаем, ребята!

Накануне многие гвардейцы подали заявления с просьбой принять их в члены ВЛКСМ. Я знал, что в политотделе выделили лишь пятнадцать значков и сказали: «Вручить лучшим комсомольцам».

И вот в батальоне думали над тем, как из сотни отличных ребят отобрать этих пятнадцать лучших. Все они лучшие.

— Не волнуйтесь, — успокаивал я комсомольских активистов. — После войны значки получают все.

Партийные и комсомольские собрания прошли во всех батальонах.

Объявляем тревогу и начинаем выходить в исходное положение для наступления. Под гусеницами уральских машин загудела немецкая автострада.

Движемся на юг. Впереди — первый батальон Михаила Коротеева. Где-то в двух-трех километрах от нас в головной походной заставе идет первая рота гвардии старшего лейтенанта Владимира Полегенького. На броне танков — рота автоматчиков, разведчики Александра Соколова и саперы Федора Пасынкова.

Мы не знали, где проходит передний край. В полосе нашего корпуса противник, как потом выяснилось, и не имел сплошного фронта обороны, прикрывающего группу Шернера с севера. Войска этой группы занимали лишь населенные пункты. И как только танки головной походной заставы вошли в соприкосновение с врагом, он начал отходить на юг и юго-запад.

Я принял решение перейти в преследование противника не с утра 7 мая, как намечалось ранее, а 6 мая и доложил об этом генералу Е. Е. Белову. Командир корпуса одобрил. Аналогичное решение принял и командир 61-й Свердловской бригады В. И. Зайцев.

Движемся медленно. Сильное сопротивление фашисты оказывали вдоль шоссе, автострад и на перекрестках дорог. Мы обходили вражеские опорные пункты обороны. Подчас приходилось вытаскивать застрявшие машины. Дорога вывела нас к какой-то небольшой деревушке. Ищем указатели. На их месте торчат лишь деревянные столбы.

На улицах несколько машин и повозок. Командир головной походной заставы докладывает:

— Впереди немцы!

И тотчас гремят выстрелы. Возникает перестрелка. Загораются машины, на углу улицы вспыхивает «пантера». Немцы разбегаются по деревне.

В кюветах — опрокинутые машины, исковерканные бронетранспортеры, штабные автобусы. В упряжках бьются раненые лошади, рвутся боеприпасы. На оставленных позициях — длинноствольные 88-миллиметровые орудия, счетверенные зенитные пулеметы.

За селом в кювете — труп фашиста. Сержант Мягков достал из кармана гитлеровца документы. Майор, воюет

с 1938 года. Награжден многими орденами и медалями. Расстреливал жителей Варшавы, Минска и Смоленска. Был под Сталинградом. А пуля уральца уложила его у самого дома. Бесславный конец головореза.

Ночь. Шумит дождь. Зябко и сыро. Направляющей идет машина командира роты Владимира Полегенького, за ним — Леонида Буракова, а потом — Ивана Гончаренко.

Слева от нас гремят выстрелы. Это продвигается с боями Свердловская бригада.

Короткий привал. Радисты бригады поймали позывные Москвы. Диктор читает: «Советские войска овладели крупным промышленным центром Бреслау».

Танкисты осматривают и дозаправляют машины. Тут как тут старшина батальона Литвинов. За ним неотступно, как всегда, следует каптенармус Бузаверя. Хозяйственники обходят экипажи, обеспечивают их предметами солдатского быта.

Возле машин на сосновых ветках отдыхают танкисты. Я подхожу к командиру первого батальона:

— Пора поднимать людей.

Коротеев протирает сонные глаза, тянется к карманному фонарику:

— Уже четыре, а кажется, только что уснул.

Комбат спешит к первой танковой роте: ей снова идти в головной заставе.

Подъехала походная кухня. Иван Шевченко приглашает танкистов к завтраку.

Танки первого батальона уже вытягиваются вдоль деревенской улицы.

— Враг коварен и хитер, — напутствуя комбата, сказал я, — так что будьте осторожны. Помните, нас ждет Прага.

В головном дозоре — взвод гвардии лейтенанта Леонида Буракова. Три машины — Буракова, гвардии лейтенанта Ивана Гончаренко и гвардии младшего лейтенанта Павла Котова — открывают бригаде путь к Рудным Горам и далее — к столице Чехословакии.

Бураков — молодой командир. В бригаду он пришел на Висле и за эти полгода показал себя храбрым офицером и умелым танкистом. Комкор Е. Е. Белов часто путал его с Бирюковым.

— Что это вы, Фомичев? — нередко говорил генерал. — Вчера доложили, что в головном дозоре отличился Бураков, а сегодня — Бирюков. Как же все-таки фамилия этого офицера?

Приходилось объяснять командиру корпуса, что есть командир взвода Бураков и есть командир танка Бирюков. Хорошие друзья.

Продвигаемся дальше. Теперь впереди идет танк Котова, за ним — Гончаренко. У Гончаренко хорошо слаженный экипаж, который не раз отличался во время боев на Висле, Одере, в Берлине. Особенно мне нравился командир орудия комсомолец гвардии сержант Павел Батырев. В прошедших сражениях Батырев трижды был ранен, но с поля боя не уходил. Во время боев за город Штейнау на Одере подбил два «тигра», уничтожил орудие и два миномета. Его грудь украсил орден Красной Звезды.

Механик-водитель Шкловский, заряжающий Ковригин и радист Филиппов также показали себя отважными воинами.

Стремительно продвигаемся вперед. Теперь чаще встречаются вражеские засады. Рота Полегенького дважды вступала в бой.

К вечеру бригада подошла к деревне Гелегстхайзен, раскинувшейся в низине. Головной дозор докладывает: — Из засады бьют танки.

Головная походная застава приняла бой. Танк Котова укрылся за длинным высоким сараем. Немцы засекли машину. Зажигательным снарядом подожгли сарай. Пополз густой черный дым, образовавший своего рода завесу.

Танки первого батальона, развернувшись в боевой порядок, пошли в обход деревни справа и слева. Своим огнем они уничтожили пять самоходов противника и заняли южную окраину населенного пункта.

Тем временем первая рота автоматчиков, разведчики и саперы, спешившись, атаковали противника, засевшего в деревне. С крыш домов ударили немецкие пулеметы. Но автоматчики, поддержанные танкистами второго батальона, ворвались в деревню. Фашисты в панике отступили, потеряв до ста своих солдат, которые были нами пленены. Были потери и у нас: восемь человек ранено, а один разведчик — гвардии рядовой Рябченко — погиб.

Гелегстхайзен взят. Для развития успеха я выдвинул вперед второй батальон Пупкова, а первый батальон переместился во второй эшелон.

Мне хорошо видно, как на большой скорости заняли место в головной колонне танки Крюкова, Каширского...

Останавливаю комбата Пупкова, уточняю его задачу:

— Уничтожать засады противника и с ходу оседлать перевалы Рудных Гор.

Спидометры отсчитывают новые километры. К исходу дня 7 мая разведдозор вступил в деревню Зайда. Теперь до границы Чехословакии рукой подать.

Еще рывок — и танки бригады достигли чехословацкой границы.

А вот перевалами Рудных Гор с ходу овладеть не удалось, о чем я с горечью доложил генералу Е. Е. Белову. Командир корпуса приказал принять все меры и к утру 8 мая оседлать перевалы.

На горизонте неровными зубцами вырисовывались Рудные Горы. Они невысоки, но очень отвесны и преграждают нам путь. Предстоит преодолеть самый трудный участок пути: крутые подъемы и спуски, узкие дороги, обрывы, горные реки. Здесь обходный маневр применить нельзя.

— Кого пошлем первым? — спрашиваю я у офицеров штаба.

— Разрешите мне? — говорит коммунист Михаил Акиншин. — Прошу роту автоматчиков, саперов Лившица и разведчиков.

«Пожалуй, лучшей кандидатуры не подобрать», — подумал я. Михаила Григорьевича я знал уже два года. При мне он вырос от командира танка до командира батальона. Смелый и грамотный офицер. Правда, и другие комбаты ему не уступят ни в чем. Но третий батальон менее уставший.

— Добро, Михаил Григорьевич, веди бригаду.

Впрочем, «веди бригаду» — не совсем точное выражение. Я и сам был в машине, которая двигалась за головными танками. Со мной находился также командир батальона автоматчиков Старостин.

Мы двигались по крутым отрогам, по дороге, зажатой горными массивами. Немцы упорно сопротивлялись. На поворотах то и дело встречались зенитные орудия. Автоматчики и пулеметчики, возглавляемые Старостиным,

смело взбирались на горные кручи и внезапными ударами сверху выводили из строя расчеты вражеских орудий, заставляя их сдаваться в плен, и тем самым открывали путь танкистам.

Пенится горная речушка. Серdito бурлит вода. Спуститься к ней невозможно: крутизна не менее 40 градусов. Бьют орудия. Вот так пекло!

О возвращении назад и думать не приходится. Поди найди обход в этих горах! Кто пойдет первым? Ко мне подходит коммунист гвардии старший сержант Василий Кружалов.

— Разрешите мне?

— А ты видел, что тебя ждет?

Он еще раз поглядел вниз:

— Для нас все пути проходимы.

Кружалов первым вел танк через Вислу и Одер. Это он, оставшись один в машине, храбро сражался с врагом на подступах к немецкому городу Зорау. Этого отважного бойца мы представили к высшей награде — Золотой Звезде Героя.

Василий попросил членов экипажа выйти из машины, развернул орудие назад и стал медленно спускаться вниз. Его танк одолел спуск. За ним танк повел Герой Советского Союза коммунист Федор Сурков. Он тоже благополучно преодолел преграду. И так было всегда: где трудно — первыми шли коммунисты и комсомольцы.

Вдруг новое препятствие: узкую горную дорогу, что вьется над самой пропастью, противник завалил соснами, обмотав их колючей проволокой, и заминировал. Я приказал саперам Лившица и Пасынкова расчистить дорогу. В пропасть полетели деревья, и танки снова устремились вперед.

Крутой подъем. Пройдут ли танки? Навстречу разведчикам вышла группа крестьян. Один из них подошел ко мне, представился:

— Мы из ближайшего села, хотели бы оказать помощь.

Горячо жмем друг другу руки.

Крестьяне были крайне удивлены нашим появлением с запада.

— Мы вас ждали с востока, — говорили они.

Удивлены чехи и тем, что мы намерены преодолеть крутой подъем.

— Это невозможно, — сказал один из них. — Тем более сейчас, когда прошли такие ливни.

— Пройдем, — услышав наш разговор, твердо сказал комсомолец Иван Гончаренко.

За рычагами машины Гончаренко, шедшей в голове первого батальона, — комсомолец Шкловский — храбрый солдат, беззаветно влюбленный в профессию механика-водителя. В одном из боев на территории Польши фашисты подбили его танк — прямым попаданием снаряда была порвана гусеница. Члены экипажа заняли круговую оборону, отбивая натиск гитлеровцев. Шкловский тем временем отремонтировал гусеницу. И снова танк в строю.

Мы спешим. Ведь челябинцы идут в авангарде корпуса, пробивая дорогу на Прагу 4-й гвардейской танковой армии.

Позади остается чешская граница. Рудные Горы доставляют нам много хлопот. Танки с большим трудом преодолевают высокие хребты. Наконец первое чешское село — Бистрица. На окраине остановились. К танкистам бросились нарядно одетые крестьяне. Они обнимают, целуют гвардейцев, провозглашают:

— Наздар, Руда Армада!

К воинам подходят женщины. Они кланяются и говорят по-русски:

— Спасибо, сыночки, что вы нас освободили. Долго мы ждали этого дня.

Задерживаться некогда. До Праги — около 100 километров. В голове колонны бригады опять батальон Михаила Коротеева.

Примерно в 12 часов дня 8 мая челябинцы, преодолев Рудные Горы, достигли первого чехословацкого города — Белина. Население встречает хлебом и солью.

Благоухает весна. Все в цвету. Улыбки на лицах ликующих чехов. Люди от радости плачут и смеются, а те, что помоложе, вскакивают на броню машин, обнимают автоматчиков, дарят цветы.

После полудня бригада вошла в город Слани. И снова море красных знамен и транспарантов. На домах — трехцветные флаги Чехословацкой Республики. Через всю центральную улицу полотнище: «Ать жие Руда Армада! Да здравствует Красная Армия!»

К гвардии лейтенанту Гончаренко подбежала старуш-

ка. Она целовала его замасленную руку, приглашая зайти в дом.

Мальчишки с наполненными водой ведрами бегали от танка к танку. Никогда холодная колодезная вода не казалась нам такой вкусной.

А сигналы из Праги становятся все тревожнее: «...На помощь, на помощь!..»

Неужели опоздаем? На предельной мощности работают двигатели. Люди измотались в тяжелых переходах и боях, но никакие трудности не могли остановить стремительного броска.

После Слани в бригаду прибыл командир 10-го гвардейского танкового корпуса генерал-лейтенант Е. Е. Белов. Он взял мою рабочую карту, прочертил красную стрелу на Прагу, обвел город пунктирной линией и написал: «3.00 9.5 1945 г.». Словами добавил:

— Приказ маршала Конева.

Мы поняли свою задачу. Тут же довели ее до командиров. Я отдал распоряжения по боевому обеспечению.

Начался стремительный марш. Перед заходом солнца Коротеев доложил:

— Колонна немецких танков. Атакуем!

Но пробиться вперед первый батальон не смог. Выдвигаю на помощь второй батальон Пупкова. С фланга гитлеровцев атакуют танки Акиншина. Дружная атака. Спустя час от колонны противника остались груды искореженного металла, сотни трупов. Многие гитлеровцы были взяты в плен.

Солнце скрывается за горизонтом. Начало быстро темнеть. Мы входили в город Лоуни. Фашисты облили бензином дома, узкие мостовые. Языки пламени лижут асфальт и здания. Из-за укрытий ведут огонь фашистские артиллеристы. Завязался короткий бой. Немцы, прижатые огнем наших танков и орудий, отошли вправо. Но уйти на запад, к американцам, удалось лишь немногим.

Освободив город, делаем кратковременную остановку. На площади полно чехов. Играет оркестр. На броню танков летят букеты сирени.

Ко мне подходит радист штабной радиостанции гвардии старшина Владимир Войкин.

— Только что передали по радио: в Берлине подписан акт о капитуляции Германии.

Да, событие это огромное. Нам, однако, теперь не время расслабляться. Боевая задача еще не выполнена.

Между тем над горизонтом поднималось зарево пожара.

— Прага горит! — сказал Зденек, молодой чех, ехавший с нами от самой границы в качестве проводника. В его глазах появились слезы.

Входим в небольшой населенный пункт. До Праги, как подсказывают чехи, пять — семь километров. Вызываю командира головного взвода Буракова и находившихся на его танке Соколова и Пасынкова.

— Пожалуй, это для вас последняя боевая задача, — сказал я. — Нужно установить, что происходит в Праге. Для этого на больших скоростях ворваться в город и следовать к его центральной части. Огонь по гитлеровцам вести с ходу. Но будьте осторожны: не перебить бы повстанцев и мирное население.

Разведчики и саперы поудобнее устраиваются на броне танков Буракова, Гончаренко и Котова.

Разведгруппа ушла в темную ночь. Идем вперед и мы. Волнуются Коротеев и Старостин. Не может скрыть волнение и начальник политотдела Богомоллов. Подсвечивая карманным фонариком, уткнулся в карту начальник штаба Баранов. Ждем разведданные. Переживаем за людей. Как они там?

Соколов позже рассказывал:

«Танки идут по дороге. Разведчики и саперы с каким-то особым напряжением всматриваются во все стороны. Временами останавливаемся. Прислушиваемся. Тишина. Впереди зарево пожаров, иногда со стороны Праги доносится стрельба. Это повстанцы ведут бой с фашистами.

В одном-двух километрах от города слезли с танков, разбились на две группы и зашагали по обеим сторонам дороги. И вдруг сталкиваемся с группой людей. Это было так неожиданно, что я вначале не понял, в чем дело, крикнул:

— К бою!

Услышав русскую речь, люди бросились обнимать и целовать наших разведчиков и саперов. Это были повстанцы.

Чехи уже сидели на танке гвардии лейтенанта Буракова и неплохо объяснялись на русском языке.

Они нам сообщили, что в центре города повстанцы ведут бои с солдатами Шернера. Имеются баррикады. Но какие силы у противника, чехи не знали».

Уже светало. Чаше забилося сердце, когда мы увидели верхушки церквей и башен древнего города. Спустя полчаса передовые подразделения бригады достигли северо-западной окраины Праги. Я тут же по радио доложил об этом генералу Е. Е. Белову. В Прагу вступали и другие соединения советских войск.

Шоссе перегорожено баррикадой, сооруженной из брусчатки разобранных мостовых. Восставшие не ждали нас с этой стороны. Они предполагали, что мы придем с востока. Каково же было удивление чехов, когда перед их оборонительными сооружениями появились советские танки и начали преодолевать эти препятствия.

Из-за баррикады вышел чешский офицер, руководивший отрядом восставших. Мы крепко обнялись и расцеловались. И тотчас, размахивая винтовками и фуражками, с радостными возгласами «Наздар!», «Наздар!» на встречу советским танкистам побежали чешские повстанцы.

К нам устремились тысячи мирных жителей. Танки взвода Буракова, шедшие впереди, встретила группа людей с развернутыми красными знаменами. На полотнищах вышиты серп и молот. Чешская патриотка подошла к сидящим на броне разведчикам и передала им знамя.

Люди цели, плакали от радости, дарили нам цветы, протягивали своих детей, которые доверчиво обнимали нас. И не было для нас, советских воинов, лучшей награды, чем эта сердечная благодарность народа.

Сопровождаемые ликующими жителями, танкисты настойчиво теснят немцев. Бой не затихает. Оставаться на улицах опасно. Но чехи не хотели расходиться по домам. Они указывали нам расположение вражеских пушек и пулеметов, предупреждали об опасности, находили наиболее удобные пути движения.

Невдалеке от площади Витязей ко мне подошел пожилой чех и на ломаном русском языке сказал:

— Простите, пожалуйста, господин офицер, что я вас задерживаю. Но я должен вас предупредить: в скверике, который вы видите, фашисты установили пушки.

Продвигаться вперед становилось все труднее и труднее. Второй и третий батальоны пришлось направить

по параллельным улицам. Танков стало меньше — часть их осталась на перекрестках.

Сильный бой разгорелся на подступах к пражскому кремлю. У Карлова и Монесова мостов противник выставил четыре самоходки и большое число фаустников. Но теперь уже ничто не могло остановить наших танкистов. Первым к реке Влтава — последней реке на нашем боевом пути — подошел танк Ивана Гончаренко, за ним танки Леонида Буракова и Павла Котова. Экипаж Гончаренко уничтожил одну из самоходов, и казалось, танк вот-вот выскочит на мост. Но фаустникам удалось подбить танк, вывести из строя экипаж.

Теперь вперед вырвались танки Буракова и Котова, а затем и целиком первый батальон. Танки уничтожили противника, прикрывающего подступы к мостам. Путь к пражскому кремлю был свободен.

Стояла солнечная теплая погода. Во всей красе встала перед нами Прага. Радиостанции боевых машин принимали радостную весть, которую советские люди ждали четыре военных года: война против гитлеровской Германии завершилась полной нашей победой.

А 63-я гвардейская Челябинская танковая бригада, другие части и соединения войск 1, 2 и 4-го Украинских фронтов добивали гитлеровцев, засевших на чердаках высоких пражских домов.

Стало известно, что в Прагу вступила и 1-я чехословацкая танковая бригада, действовавшая в составе подвижной группы 4-го Украинского фронта.

Вот она, Влтава! На холме купается в золоте солнечных лучей пражский кремль со шпилями храма Святого Витта. Подъезжаю к мосту и вижу подбитый танк, а возле него, обнажив головы, стоят пражане. На брезенте лежит безжизненное тело Ивана Григорьевича Гончаренко, рядом — тяжело раненные механик Шкловский и радист Филищов. К ним бегут санитары.

Тем временем танки первого батальона прорвались за Влтаву. Туда поспешил и я.

Вечером Москва салютовала войскам, освободившим Прагу, из тысячи орудий. Мы с ликованием слушали голос Москвы. Вдруг звонок из штаба корпуса. Южнее Праги оставшиеся войска Шернера упорно сопротивляются.

Бригада снялась с места, направилась добивать остатки шернеровской группировки.

Так заканчивалась последняя операция, в которой довелось участвовать гвардейцам-челябинцам. Она была и тяжелая, и самая быстрая. Советские войска вовремя подошли к Праге, с честью выполнили свой интернациональный долг и вызволили народы Чехословакии из фашистской неволи. Мы захватили большое количество военной техники и военнопленных. Только наша бригада пленила до восьми тысяч немецких солдат и офицеров.

ДРУЗЬЯ МОИ, ОДНОПОЛЧАНЕ

Стюардесса объявила:

— Подлетаем к Челябинску. Идем на посадку.

Учащенно забилось сердце. Меня, а также других ветеранов 63-й гвардейской Челябинской танковой бригады пригласили на Неделю боевой славы. Со многими фронтовыми друзьями я лишь вел переписку, после войны не встречался. Прошло с тех пор более двадцати лет.

Самолет подруливает к аэровокзалу. Обмениваемся крепкими рукопожатиями с представителями обкома партии и обкома комсомола, с бывшим начальником политотдела нашей бригады М. А. Богомоловым.

Ко мне подходит рослый человек в штатском костюме.

— Узнаете, товарищ генерал?

— Не Иван ли Любивец?

— Так точно!

А спустя час я был в окружении добровольцев-челябинцев. При всех орденах гвардии майор запаса А. А. Аликин. Крепко жму руку бывшему начальнику связи бригады. Аликин знакомит меня с женой, рассказывает о себе. Живет он в городе Первоуральске, Свердловской области, возглавляет группу снабжения на одном из заводов.

Ордена и медали на груди у парторга батальона В. В. Белоусова, ставшего теперь мастером в производственно-техническом училище города Златоуста. Красуется Золотая Звезда Героя на лацканах пиджаков Дмитрия Мефодьевича Потапова и Федора Павловича Суркова.

Подходит гвардии майор запаса Борис Николаевич Ерофеев, он был начальником штаба второго батальона. Спрашивает:

— Что знаете об Иване Сергеевиче Пупкове?

— Теперь он генерал.

— А где Михаил Федорович Коротеев?

— Тоже генерал. Продолжает служить в армии. Недавно избран почетным гражданином Праги.

А вот и Аня Пашенцева. Наша бесстрашная телефонистка. Рядом с ней командир медсанотделения Анна Алексеевна Шуховцева. Время посеребрило ее волосы, а в глазах по-прежнему живой огонек. Анна Алексеевна с теплотой вспоминает совместные бои и походы. В беседе включаются другие добровольцы.

Да, нам есть что вспомнить, есть о чем поговорить.

Челябинская бригада, как и другие соединения добровольческого танкового корпуса, создавалась здесь, на Урале, героическими усилиями трудящихся. Ее путь к победе начинался с Урала. Боевое крещение бригада получила в 1943 году в Курской битве. В том же году за отличные боевые действия Уральский добровольческий корпус трижды удостоился благодарности Верховного Главнокомандующего. И корпус, и все его бригады стали гвардейскими.

Челябинцы участвовали в беспримерном весеннем наступлении Красной Армии, в результате которого была освобождена Правобережная Украина. Ломая яростное, отчаянное сопротивление врага, преодолевая бездорожье и весеннюю распутицу, гвардейцы стремительно вклинились в оборону противника, совершили рейд по его тылам и первыми ворвались в областной город Каменец-Подольский.

Гвардейцы-добровольцы освобождали город Львов, громили ненавистных немецко-фашистских захватчиков на территории братской Польши, успешно форсировали девять крупных рек — среди них Варту и Одер, Нейсе и Шпрее. Мы были в составе войск, водрузивших Знамя Победы над Берлином.

Нас с цветами встречали чехи и словаки, с развернутыми знаменами вошли гвардейцы в город Прагу. Знамя бригады мы пронесли по трем странам Европы — Польше, Германии и Чехословакии. И где бы ни пришлось быть, в боях и походах мы всегда ощущали поддержку — материальную и духовную — трудящихся Урала, народа великой Родины.

За 22 месяца Челябинская бригада прошла путь в

3800 километров, в том числе 2000 километров с боями. Ей было присвоено наименование Петраковской, а боевое Знамя бригады украсилось орденами Красного Знамени. Суворова и Кутузова. Более двух тысяч бойцов, сержантов и офицеров были награждены орденами и медалями, а семь человек удостоились звания Героя Советского Союза. Это — Дмитрий Мефодьевич Потапов, Федор Павлович Сурков, Петр Иванович Цыганов, Иван Ефимович Романченко, Василий Иванович Кружалов и Павел Павлович Кулешов. Я был награжден Звездой Героя дважды.

...Подходит Михаил Акиншин.

— Здравствуйте, товарищ генерал.

Мы крепко обнялись, расцеловались. С Михаилом Григорьевичем мы часто переписываемся. Из его писем я знал о том, как сложилась судьба многих челябинцев-добровольцев. Он мне писал о А. В. Худякове, В. В. Василевском, С. В. Кестере...

На встречу однополчан приехал бывший замполит батальона А. А. Денисов, фельдшер роты управления М. Д. Мостовов, ныне директор школы.

Саша Соколов. Сейчас он Александр Александрович, инженер-испытатель тракторного завода.

— Что-то не вижу Петра Андреевича Левшунова. Обещал приехать.

— Приболел, — сказал кто-то.

— А вам что-нибудь известно о его судьбе? — спросил Богомолов.

— Мы с ним переписываемся. Живет в Омске, на пенсии.

Гончаров предлагает сфотографироваться на память. В это время подходит пожилая женщина. Никак Наталия Ивановна Червякова-Черемных?! В составе бригады воевали ее муж и сын. Оба погибли за Родину.

Едем в «Волге». Сергей Викторович Кестер увлеченно рассказывает о Челябинске. Город до неузнаваемости изменился. Похорошел. Разросся.

Мы успели побывать во многих рабочих коллективах, выступали перед молодежью, школьниками. И всюду челябинцы тепло встречали ветеранов войны.

Неделя боевой славы пролетела быстро.

...Ту-104 берет разбег. До свидания, друзья! Под крылом самолета в ярких огнях Челябинск, город, в котором осталась частица моего сердца, остались люди, с ко-

торыми мне довелось прошагать тысячи километров по фронтовым дорогам.

Славу гвардейцев хранят не только в Челябинске.

В Группе советских войск в Германии несет службу гвардейская танковая Уральско-Львовская Краснознаменная, орденов Суворова и Кутузова добровольческая дивизия имени Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского. Эта дивизия — прямая наследница нашего гвардейского Уральского добровольческого танкового корпуса.

И вот я в гвардейской дивизии, встречаюсь с солдатами, сержантами и офицерами, рассказываю им о том, как в годы войны сражались с врагом их отцы и старшие братья. А молодые гвардейцы в свою очередь делятся со мной своими успехами, заботами и радостями. Они гордятся тем, что их соединение более тридцати лет находится на переднем крае социалистического содружества, на рубеже, разделяющем две мировые системы, несет свою почетную службу на территории братской Германской Демократической Республики. Беседа у нас теплая, доверительная. И еще раз убеждаюсь: душой и сердцем я по-прежнему в боевом строю защитников Родины.

Да, время берет свое. Уходят постепенно ветераны на заслуженный отдых, а в боевой строй вливаются их дети и внуки — достойное племя молодых, образованных, крепких телом и духом людей. В их руках теперь героическая эстафета боевой славы советских воинов.

Я побывал в полку, которым командовал Петр Васильевич Ледяев. Он сын фронтовика-танкиста, погибшего в первый год войны. Закончил с отличием танковое училище, затем командовал танковым взводом, ротой. И снова учился — на этот раз в военной академии. За успехи в учебе удостоен золотой медали. После академии Ледяев командовал танковым батальоном, был заместителем командира полка. Возглавляя полк, он сумел вывести его в число передовых, задающих тон в социалистическом соревновании.

Под стать командиру и офицеры полка. Они стремятся творчески подходить к делу, к решению актуальных задач, ищут пути совершенствования учебного процесса.

В полку создан, в частности, оригинальный пульт управления стрельбой с обратной информацией. Он обеспечивает наблюдение и контроль за стрельбой целой роты и на всю глубину стрельбища. Уже в одном этом факте видны приметы времени, возросший уровень общей и технической культуры танкистов. И это радует нас, ветеранов.

Как-то в газете «Красная звезда» я прочитал статью, в которой наряду с другими приводился такой пример. Танковая рота успешно выполнила задачу на тактических учениях ночью с боевой стрельбой. И в этом важную роль сыграла инициатива командира. Когда в ходе учебного боя «противник» начал отходить, гвардии старший лейтенант Александр Радченко, пользуясь темнотой, организовал его преследование по параллельному маршруту. В итоге рота, опередив «противника», преградила ему путь. Ведь именно так мы совершали бросок на Бучач, так прорывались ко Львову... Выходит, и теперь не потерял своего значения наш боевой опыт.

Преемственность поколений... Она проявляется и в том, что уральцы, как это было и в годы войны, посылают своих сыновей служить в гвардейскую танковую Уральско-Львовскую добровольческую дивизию. Молодые солдаты, ознакомившись с боевыми традициями соединения, стремятся во всем походить на героев былых сражений, упорно учатся, становятся отличниками боевой и политической подготовки, мастерами военной специальности.

Будучи в дивизии, я посетил музей ее боевой славы. На стендах рядом с фронтовыми реликвиями выставлены почетные и памятные знамена, кубки и призы, завоеванные личным составом в мирное время. Данные музея свидетельствовали: почти половина рот, взводов, отделений и экипажей добилась почетного права именоваться отличными. В гвардейской дивизии радовало все: просторные, хорошо оснащенные классы, замечательно оборудованные огневые городки и учебные поля, постоянно совершенствующаяся методика обучения...

Я покидал родную танковую дивизию. Сердце мое переполняло и чувство грусти — как знать, доведется ли здесь еще побывать, — и чувство гордости за гвардейцев, которые умеют дорожить славой тех, кто в тяжелые для нашей Родины дни начинал свой путь с Урала.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Уральцы вступают в бой	
Первое знакомство	3
Челябинцы	10
Едем на фронт	22
В родных краях	30
Боевое крещение	33
Рывок вперед	44
Челябинцы не дрогнут	55
Вперед, на запад!	
Мы — гвардейцы!	63
Здравствуй, Украина!	71
В распутицу	80
Рукопашная схватка	98
Рейд по тылам	114
«Срочно — на Бучач!»	136
В передовом отряде корпуса	146
Александр Марченко и его товарищи	152
В освободительном походе	
Мы — в Польше	161
От Вислы до Одера	172
На последних рубежах	190
Прага зовет на помощь	205
Друзья мои, однополчане	219

Михаил Георгиевич Фомичев

ПУТЬ НАЧИНАЛСЯ С УРАЛА

Редактор **Ф. П. Водынин**

Художественный редактор **А. М. Голикова**

Технический редактор **А. Я. Багданова**

Корректор **Т. И. Артамонова**

Г-75580. Сдано в набор 29.5.75 г.

Подписано в печать 3.6.76 г.

Формат 84×108/32. Печ. л. 7. Усл. печ. л. 11,760. + вкл. — 1/4 печ. л. —

— 1,47 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 13,551

Бумага тип. № 2. Тираж 65 000 экз. Цена 69 коп.

Изд. № 3/2151 Зак. 1254

Воениздат

103160, Москва, К-160

1-я типография Воениздата

103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

